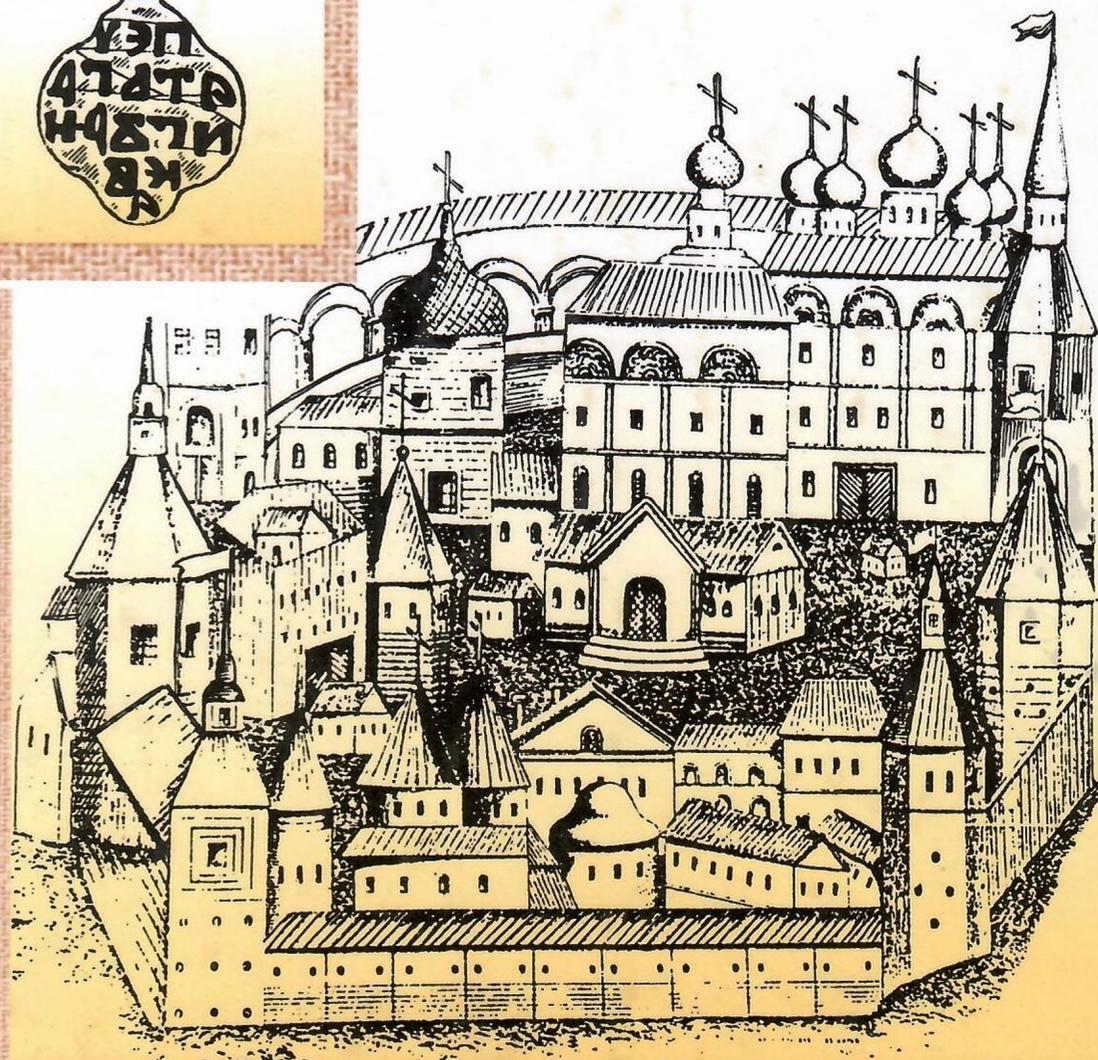

Л.Д. Макаров

ДРЕВНЕРУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ПРИКАМЬЯ В X – XV вв.

УДК 903 (471) (075.8)
ББК 63.4 (2Р36, 8) я73
М 152

Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции, т. 1

Издание осуществлено при поддержке Комитета по науке, высшему и среднему профессиональному образованию при Правительстве Удмуртской Республики, а также при поддержке Министерства народного образования Удмуртской Республики

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор Р.Д. Голдина,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник А.Г. Иванов

М 152 **Макаров Л.Д.**

Древнерусское население Прикамья в X–XV вв.: Учебное пособие. Ижевск: Издательский дом “Удмуртский университет”, 2001. 140 с.

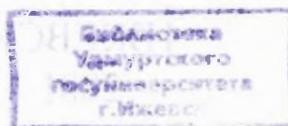
ISBN 5-7029-0009-X

Книга посвящена мало разработанной в отечественной историографии проблеме заселения и освоения бассейна р. Камы выходцами с территории Древней Руси в первой половине II тыс. н.э. Основным источником для освещения вопроса явились археологические материалы средневековых памятников Прикамья, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Используются данные письменных источников, картографические, лингвистические, фольклорные наблюдения, а также антропологические, палеоботанические, палеозоологические, металлографические анализы. Значительное внимание уделено межэтническим и межконфессиональным взаимодействиям, игравшим и в то время важнейшую роль в развитии общества. Территориально-хронологическое изложение материала максимально облегчает использование пособия как в учебной, так и в научно-исследовательской работе. Предназначается для научных работников, преподавателей вузов и педучилищ, учителей и учащихся общеобразовательных школ, аспирантов, студентов, специализирующихся по археологии и отечественной истории, а также учащихся педучилищ.

ISBN 5-7029-0009-X

ББК 63.4 (2Р36, 8) я73

© Л.Д. Макаров, 2001
© Издательский дом “Удмуртский университет”, 2001

*Памяти первых исследователей славяно-
русских древностей Урала и Поволжья:
Александра Андреевича Спицына, Алексея
Петровича Смирнова, Льва Павловича Гус-
саковского, Владимира Антоновича Оборина
посвящается...*

ВВЕДЕНИЕ

Река Кама, одна из крупнейших рек Европейской России, самый крупный приток Волги (1805 км), имеет бассейн в 507 тыс. кв. км и занимает огромные пространства между Волгой и Уралом (Географический..., 1986, с. 188). Эта территория населена тремя крупными этническими массивами – финно-угорским, славянским и тюркским. История расселения и взаимоотношений данных этносов в эпоху средневековья давно уже является предметом пристального интереса исследователей, однако славянским материалам при этом уделялось гораздо меньше внимания, нежели финно-угорским и тюркским. Первая половина II тыс. н.э. – важнейший период в истории Волго-Уральского региона. В данный период времени происходят исключительно крупные сдвиги в социально-экономической и политической жизни народов, населяющих эту территорию. Финно-пермские племена Прикамья консолидируются в две народности – удмуртов и коми, у них складываются предпосылки формирования классовых отношений и государственных институтов. Эти процессы не нашли своего логического завершения вследствие внешнеполитического фактора – вмешательства вначале монголо-татар, основавших Золотую Орду, а позднее Казанского ханства и Московского государства.

На фоне этих глобальных для региона событий поначалу не очень заметную, но со временем все более усиливающуюся роль начинает играть славяно-русский этнокультурный компонент. К сожалению, древнерусскому населению Прикамья в исторической науке до сих пор уделяется внимание, далеко не адекватное его вкладу в развитие прошлого нашего региона. Вопрос этот, конечно, рассматривался в обобщающих работах по истории Поволжья и Приуралья, но авторы оперировали при этом преимущественно письменными источниками, освещающими интересующий нас период крайне отрывоч-

но, далеко не полно, а иногда и тенденциозно. Накопление археологических материалов позволило в значительной мере заполнить имевшиеся в наших представлениях пробелы, в особенности те, которые тесно связаны с древней экономикой и этнической историей, а в некоторой степени и духовной культурой Прикамья. Однако и здесь выявилась существенная незавершенность в разработке рассматриваемой проблемы: в увидевших свет в последние годы публикациях объектом внимания исследователей явились лишь отдельные регионы бассейна р. Камы. Между тем, давно уже ощущается потребность в обобщении материалов, освещающих славяно-русские древности этой обширной территории в едином ключе. Потребность эта в последние несколько лет чрезвычайно возросла еще и потому, что в условиях резкого обострения межнациональных отношений имеет место явная политизация и идеологизация (особенно в околонучной прессе) исторических и этнокультурных процессов, происходивших в древности. При этом в ходу нередки попытки спекуляций на неразработанности спорных проблем истории Прикамья и, в частности, на отсутствии обобщающего научного исследования по древнему прошлому его славяно-русского населения. Целью данной работы и является по возможности всестороннее освещение процессов заселения и освоения бассейна р. Камы выходцами из Древней Руси.

Камский бассейн традиционно подразделяется на несколько локальных регионов, имеющих свою историческую специфику. Данное обстоятельство во многом объясняет и степень их обеспеченности источниками. Территории, изучавшиеся специально достаточно длительный промежуток времени, имеют, естественно, более солидный фонд археологических источников. Так, на Средней Вятке в настоящее время насчитывается около 45 памятников XII–XV вв., полови-

на которых подверглась раскопкам. На Верхней Каме древнерусские находки выявлены на 37 памятниках родановской культуры, но только треть из них имеет признаки присутствия выходцев из Древней Руси, причем наиболее многочисленные остатки выявлены лишь на некоторых. Славяно-русские материалы Нижнего Прикамья X–XV вв. собраны с более чем двух десятков большей частью разрушенных сельских поселений Волжской Болгарии, однако есть и достаточно целостные жилые и хозяйственные комплексы из раскопок в городах. В других регионах Прикамья (бассейн Сылвы, Средняя Кама, Башкирия, верховья Вятки и Чепцы) длительное время не было известно памятников, содержащих материалы древнерусских поселенцев. Лишь в последние несколько лет совершенно неожиданно там были выявлены рассматриваемые нами древности.

Письменными источниками, дающими возможность осветить преимущественно социально-политическую историю Прикамья, отдельные его регионы также обеспечены весьма неравномерно. Так, о древнерусских поселенцах в Волжской Болгарии сообщают уже с X в. арабские источники, а затем и русские летописи. Прошлое Вятской земли освещено в местной «Повести о стране Вятской», духовных и договорных грамотах князей, митрополичьих посланиях, летописях, единичных актовых материалах, сообщениях и картах иностранцев (Макаров Л.Д., 1994г; 1995е). История Перми Великой представлена лишь летописным жанром, да и то слабо. Все остальные регионы в письменных источниках отражения не нашли вовсе. В отдельных случаях удастся использовать фольклорные, топонимические, диалектологические источники, степень информативности которых, как правило, крайне низка, к тому же неразрешимой остается проблема их хронологии. Таким образом, более целесообразно рассмотреть древнерусские материалы по этим локальным ареалам.

Вопросы славяно-русского заселения бассейна р. Камы нашли отражение на страницах работ многих историков, опиравшихся преимуще-

ственно на письменные источники. Историко-географические обзоры, имеющиеся в некоторых из исследований, освобождают автора от необходимости специально останавливаться на этом (Дмитриев А.А., 1889, с. 33–77; Иофа Л.Е., 1951, с. 27–43; Ермолаев И.П., 1965; История Урала..., 1989, с. 27–47; Оборин В.А., 1990б, с. 7–21; Макаров Л.Д., 1992б). По мере необходимости историографические сюжеты, равно как и история археологического изучения, найдут свое место при рассмотрении материалов того или иного региона Прикамья.

Исторически сложилось так, что еще задолго до массового расселения славян в Прикамье начинают попадать изделия, изготовленные в их землях (Халиков А.Х., 1986; Валеев Р.М., 1986; Голдина Р.Д., Ютина Т.К., 1987, с. 52–53; Макаров Л.Д., 1997а). Поток импортных древнерусских предметов особенно ощутимым стал с XII в., превысив поставки товаров из Волжской Болгарии. Исследователи так или иначе отмечают данное обстоятельство почти во всех рассматриваемых нами регионах (рис. 1): в верховьях Чепцы (Иванова М.Г., 1989б, с. 13–14), на Верхней Каме (Бадер О.Н., 1953, с. 81; Мельничук А.Ф., Оборин В.А., 1989; Голдина Р.Д., Ютина Т.К., 1987, с. 52–53) и ее верхокамском микрорегионе (Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989, рис. 63, 64, 65, 72, 73), в бассейне Сылвы (Макаров Л.Д., Пастушенко И.Ю., Салангин Д.А., 1995). Усиливается импорт древнерусских изделий с этого времени и на территорию Волжской Болгарии (Полубояринова М.Д., 1993), откуда они попадали в Пермь Великую (Белавин В.А., Оборин В.А., 1986), на Нижнюю Вятку и в Среднее Прикамье (Макаров Л.Д., 1992а). В числе предметов импорта наиболее популярными были различного рода украшения (лунницы, трех- и многобусинные височные кольца, серьги в виде знака вопроса, бусы, зооморфные, корешетчатые, крестовидные и прочие подвески, браслеты, перстни, поясные наборы, изделия из янтаря), вооружение (мечи, булавы, топоры, предметы конской упряжи и др.),

орудия труда (сошники, топоры, ножи, специальный инструментарий, шиферные пряслица и т.д.), предметы быта (замки, ключи, светцы, булавки с кольцами, гребни и складные расчески, металлическая и стеклянная посуда), а также серебряные денежные слитки и монеты. Необходимо отметить, что многие из этих находок могли попасть в Прикамье и со славянами (Оборин В.А., Балашенко Л.А., 1968, с. 43; Оборин В.А., 1969, с. 166), однако доказать данное предположение не легко. Это связано, как известно, с установившимся среди специалистов мнением об этничности тех или иных категорий материальной культуры, главной из которых по праву считается керамика. Именно в глиняной посуде наиболее отчетливо отражаются культурные традиции того или иного этноса. Кроме керамики, существенную этническую нагрузку несут в себе, в силу их консервативности (Леонтьев А.Е., Рябинин Е.А., 1980, с. 69–79; Полубояринова М.Д., 1993, с. 89), древнерусские женские украшения. Присутствие славян отмечается

также находками языческих амулетов и предметов христианского культа. В случае обнаружения перечисленных выше вещей вместе с древнерусской керамикой каких-либо сомнений в их принадлежности не возникает. Однако выявление подобных комплексов в иноэтничной среде – дело исключительно редкое (пример тому – русские жилища в городах Волжской Болгарии). Чаще же всего мы имеем дело с разрозненными вещевыми материалами, что существенно усложняет задачу этнокультурного определения их носителей (рис. 2). Поэтому, говоря о надежности признаков древнерусского присутствия в тех или иных регионах камского бассейна, имеется в виду прежде всего наличие в них керамических комплексов. Наложение районов проживания выходцев из Древней Руси на карту археологических культур Прикамья X–XIV вв. (рис. 3) показывает масштабность процессов колонизации, охвативших практически всю лесную и отчасти лесостепную зоны этого обширного региона.

Глава I. НИЖНЕЕ ПРИКАМЬЕ

§ 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ

О находках русских предметов среди древностей волжских булгар еще во второй половине XIX в. сообщали С.М. Шпилевский, И.И. Срезневский, Н.А. Толмачев, А.Ф. Лихачев и некоторые другие. Аналогичные вещи отмечались учеными и в первые советские десятилетия (В.Ф. Смолин, Л. Кавка, Н.Ф. Калинин, Б.Д. Греков, А.П. Смирнов). Однако специальных работ, освещающих эту тему, долгое время не было. Лишь с конца 1940-х гг. ряд статей о русском компоненте в культуре Волжской Болгарии опубликовал А.П. Смирнов, обобщивший сведения в основном из случайных находок и сборов (Смирнов А.П., 1948; 1951, с. 153–166; 1952, с. 215). Позднее ученый использовал и материалы обширных археологических раскопок (Смирнов А.П., 1968). Специфика русско-болгарских взаимоотношений на уровне материальной культуры нашла отражение в работах Б.А. Рыбакова (1948, с. 470, 473; 1969), А.Л. Монгайта (1961), Л.А. Голубевой (1969, с. 41; 1973, с. 178–179), В.В. Кропоткина (1970), М.Г. Рабиновича (1949, с. 63; 1971, с. 105), О.Н. Бадера (1950, с. 85), О.Н. Бадера и В.А. Оборина (1958, с. 221–223), В.А. Оборина (1956, с. 7–8, 13–14; 1990, с. 58–59), Р.А. Розенфельдта (1968, с. 13–14), И.В. Дубова (1989, с. 149–160), А.М. Белавина и В.А. Оборина (1986) и других.

Широкие раскопки, развернувшиеся в 1950–1980-е гг. под руководством А.П. Смирнова, А.Х. Халикова, Т.А. Хлебниковой, Р.Г. Фахрутдинова, их коллег и учеников, привели к открытию солидного количества древнерусских ископаемых древностей. Накопление данных материалов позволило М.Д. Полубояриновой (1993) произвести их комплексный монографический обзор.

Наиболее многочисленные следы пребывания русских людей на территории Волжской Болгарии обнаружены близ устья р. Камы – в г. Болгаре (Хлебникова Т.А., 1987, с. 41, 67–68, 76; Полубояринова М.Д., 1993, с. 13–68). Еще в 1948 г. А.П. Смирнов отметил в ремесленном квартале города славянское жилище с находками XI–XIV вв. В 1953 г. в заречной части города исследованы остатки древнерусского поселения середины XIII – первой половины XIV в. – жилища ремесленников – ювелиров, металлургов, гончаров (Хлебникова Т.А., 1956). Следы жилищ выявлены и на площади городища. Всего же в городе обнаружено 14 жилищ (Полубояринова М.Д., 1993, с. 58–66), а около одного из них выявлена даже деревянная мостовая шириной более двух метров (Смирнов А.П., 1974, с. 10). Древнерусская керамика найдена и вне жилищ практически по всей площади города (Хлебникова Т.А., 1988, с. 31–36; Полубояринова М.Д., 1992; 1993, с. 35–57). О проживании здесь выходцев из Древней Руси свидетельствуют и находки некоторых

орудия труда (сошники, топоры, ножи, специальный инструментарий, шиферные пряслица и т.д.), предметы быта (замки, ключи, светцы, булавки с кольцами, гребни и складные расчески, металлическая и стеклянная посуда), а также серебряные денежные слитки и монеты. Необходимо отметить, что многие из этих находок могли попасть в Прикамье и со славянами (Оборин В.А., Балашенко Л.А., 1968, с. 43; Оборин В.А., 1969, с. 166), однако доказать данное предположение нелегко. Это связано, как известно, с установившимся среди специалистов мнением об этничности тех или иных категорий материальной культуры, главной из которых по праву считается керамика. Именно в глиняной посуде наиболее отчетливо отражаются культурные традиции того или иного этноса. Кроме керамики, существенную этническую нагрузку несут в себе, в силу их консервативности (Леонтьев А.Е., Рябинин Е.А., 1980, с. 69–79; Полубояринова М.Д., 1993, с. 89), древнерусские женские украшения. Присутствие славян отмечается

также находками языческих амулетов и предметов христианского культа. В случае обнаружения перечисленных выше вещей вместе с древнерусской керамикой каких-либо сомнений в их принадлежности не возникает. Однако выявление подобных комплексов в иноэтничной среде – дело исключительно редкое (пример тому – русские жилища в городах Волжской Болгарии). Чаще же всего мы имеем дело с разрозненными вещевыми материалами, что существенно усложняет задачу этнокультурного определения их носителей (рис. 2). Поэтому, говоря о надежности признаков древнерусского присутствия в тех или иных регионах камского бассейна, имеется в виду прежде всего наличие в них керамических комплексов. Наложение районов проживания выходцев из Древней Руси на карту археологических культур Прикамья X–XIV вв. (рис. 3) показывает масштабность процессов колонизации, охвативших практически всю лесную и отчасти лесостепную зоны этого обширного региона.

Глава I. НИЖНЕЕ ПРИКАМЬЕ

§ 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ

О находках русских предметов среди древностей волжских болгар еще во второй половине XIX в. сообщали С.М. Шпилевский, И.И. Срезневский, Н.А. Толмачев, А.Ф. Лихачев и некоторые другие. Аналогичные вещи отмечались учеными и в первые советские десятилетия (В.Ф. Смолин, Л. Кавка, Н.Ф. Калинин, Б.Д. Греков, А.П. Смирнов). Однако специальных работ, освещающих эту тему, долгое время не было. Лишь с конца 1940-х гг. ряд статей о русском компоненте в культуре Волжской Болгарии опубликовал А.П. Смирнов, обобщивший сведения в основном из случайных находок и сборов (Смирнов А.П., 1948; 1951, с. 153–166; 1952, с. 215). Позднее ученый использовал и материалы обширных археологических раскопок (Смирнов А.П., 1968). Специфика русско-болгарских взаимоотношений на уровне материальной культуры нашла отражение в работах Б.А. Рыбакова (1948, с. 470, 473; 1969), А.Л. Монгайта (1961), Л.А. Голубевой (1969, с. 41; 1973, с. 178–179), В.В. Кропоткина (1970), М.Г. Рабиновича (1949, с. 63; 1971, с. 105), О.Н. Бадера (1950, с. 85), О.Н. Бадера и В.А. Оборина (1958, с. 221–223), В.А. Оборина (1956, с. 7–8, 13–14; 1990, с. 58–59), Р.А. Розенфельдта (1968, с. 13–14), И.В. Дубова (1989, с. 149–160), А.М. Белавина и В.А. Оборина (1986) и других.

Широкие раскопки, развернувшиеся в 1950–1980-е гг. под руководством А.П. Смирнова, А.Х. Халикова, Т.А. Хлебниковой, Р.Г. Фахрутдинова, их коллег и учеников, привели к открытию солидного количества древнерусских ископаемых древностей. Накопление данных материалов позволило М.Д. Полубояриновой (1993) произвести их комплексный монографический обзор.

Наиболее многочисленные следы пребывания русских людей на территории Волжской Болгарии обнаружены близ устья р. Камы – в г. Болгаре (Хлебникова Т.А., 1987, с. 41, 67–68, 76; Полубояринова М.Д., 1993, с. 13–68). Еще в 1948 г. А.П. Смирнов отметил в ремесленном квартале города славянское жилище с находками XI–XIV вв. В 1953 г. в заречной части города исследованы остатки древнерусского поселения середины XIII – первой половины XIV в. – жилища ремесленников – ювелиров, металлургов, гончаров (Хлебникова Т.А., 1956). Следы жилищ выявлены и на площади городища. Всего же в городе обнаружено 14 жилищ (Полубояринова М.Д., 1993, с. 58–66), а около одного из них выявлена даже деревянная мостовая шириной более двух метров (Смирнов А.П., 1974, с. 10). Древнерусская керамика найдена и вне жилищ практически по всей площади города (Хлебникова Т.А., 1988, с. 31–36; Полубояринова М.Д., 1992; 1993, с. 35–57). О проживании здесь выходцев из Древней Руси свидетельствуют и находки некоторых

видов украшений, бытовых вещей, православных крестиков, иконок и церковной утвари (Полубояринова М.Д., 1993, с. 13–34, 67–68), а также костей свиньи, особенно многочисленных в юго-западной части города (Петренко А.Г., 1988, с. 254–255, 268–269). В Джукетау древнерусская посуда обнаружена и в домонгольских, и в золотоордынских слоях (Полубояринова М.Д., 1993, с. 82–83). В Биляре зафиксированы две жилые полуземлянки и несколько хозяйственных сооружений вокруг них, сопровождавшиеся многочисленным инвентарем домонгольского времени (Хузин Ф.Ш., Валиуллина С.И., 1986). Керамика золотоордынского периода и шиферное пряслице выявлены С.И. Валиуллиной на Билярском III селище в 1994–1995 гг. (Кочкина А.Ф., Валиуллина С.И., Беговатов Е.А., 1998, с. 12).

Древнерусские материалы собраны на более чем двух десятках сельских поселений, где помимо керамики обнаружено немало вещей древнерусского происхождения и связанных с ним предметов поволжско-финского и балто-скандинавского круга (рис. 4). Основной вклад в публикацию этих материалов внесли Е.П. Казаков (1984, с. 51, рис. 7–30; 10–24, 25, 50–53, 67, 68; 1985б; 1985а; 1986; 1988; 1991а, с. 151–154, рис. 45; 1991б; 1993) и его коллеги (Беговатов Е.А., Казаков Е.П., 1983; 1990; Старостин П.Н., Казаков Е.П., 1992; Казаков Е.П., Руденко К.А., Беговатов Е.А., 1993), а в последнее время К.А. Руденко, которым изучено более 10 болгарских селищ XII–XIV вв. в низовьях Камы на площади свыше 2 тыс. кв. м (Руденко К.А., 1992; 1993; 1994; 1995; 1998; 1999; Руденко К.А., Шайхутдинов Р.Р., 1994, с. 67–69, рис. XXIV–16–23; XXV–8–10, 15, 16, 21, 22, 27–34). В Западном Предкамье, в частности, выявлена керамика XIV группы на Рождественском селище (Кокорина Н.А., 1991, с. 9) и на городищах Грохань (колл. Сарапульского музея) и Кирменском (Нигамаев А.З., 1997, с. 69), а украшения, крестики и иконки, кроме того, на Рождественском VI, Мансуровском, Тетеево VIII, Богородицком селищах, Троицеурайском I и Чаллыньском городищах

(Полубояринова М.Д., 1993, с. 83–84). Древнерусские находки обнаружены в культурных слоях Казанского кремля (Халиков А.Х., Шавахин Л.С., 1974, с. 48; Шавахин Л.С., 1976, с. 37–38; Макаров Л.Д., 1997, рис. 1–5, 6, 9; Хузин Ф.Ш., Ситдииков А.Г., Шарифуллин Р.Ф., Набиуллин Н.Г., 1997, с. 85–88). Керамика XIV, XVI и XX групп выявлена на Камаевском городище и Русско-Урматском селище (Кокорин Н.А., 1991, с. 13, 16; 1995, с. 29; 1997, с. 78–79; 1999, с. 77–78, 86–88). В елабужском Прикамье славяно-финно-пермские материалы также известны: два погребения XI–XIII вв. с меряно-славянскими украшениями из Котловского могильника и аналогичные находки из сборов на Ананьинском могильнике, Староселищенская находка конька-подвески (Нефедов Ф.Д., 1899б, с. 43–46, табл. 12; 1899в, с. 51; 1899а, с. 67–68), Таянские II находки (Спицын А.А., 1893, с. 33), Елабужский клад серебра (Отчеты..., 1914, с. 86), керамика XVI группы на Елабужском (Чертовом) городище, выявленная А.Х. Халиковым в 1993 г. (Недашковский Л., 1994), некоторые другие находки на памятниках бассейна р. Тоймы (Ютина Т.К., 1990, с. 125–126). В Восточном Закамье также найдены отдельные древнерусские вещи: на Меллятамакском I селище керамика XVI группы и отдельные предметы (Казаков Е.П., 1978, с. 36, рис. 13–2, 4, 10, 11); на Бикбуловском селище – перстень со свастикой (Казаков Е.П., 1978, с. 37, рис. 12–1); известен Утяшкинский клад серебряных монетных гривен (Археологические..., 1989, № 41). Есть сведения Е.П. Казакова и о древнерусских погребениях региона.

Накопленный материал в сочетании с письменными источниками стал основой публикаций о развитии всесторонних связей между Волжской Болгарией и Русью (Полубояринова М.Д., 1993; Халиков А.Х., 1986; Валеев Р.М., 1986; 1992; Валиуллина С.И., 1983; 1991; Валиуллина С.И., Руденко К.А., 1991; Хузин Ф.Ш., Валиуллина С.И., 1986; Измайлов И.Л., 1986; 1992; Кочкина А.Ф., 1986; Якимов И.В., 1988; 1992; 1994).

Обратимся к анализу материалов, документирующих пребывание выходцев из Древней Руси в Нижнем Прикамье.

§ 2. ПОСЕЛЕНИЯ

Этнически однородных древнерусских поселений пока не обнаружено, хотя предположение о существовании таковых не лишено оснований (Макаров Л.Д., 1992). В городах выявлены скопления сооружений с преобладанием находок славяно-русского происхождения (рис. 5). В заречной посадской части Болгара в 1953 г. Т.А. Хлебниковой раскопаны древнерусские поселенческие комплексы (“4 жилища, 9 хозяйственных и мусорных ям, открытый очаг и частокол, вероятно, огораживающий поселок”), которые рассмотрены ею как “часть древнерусского поселка, раскинувшегося на окраине г. Болгара” (Хлебникова Т.А., 1956, с. 142, 147). Признаки обитания древнерусских людей выявлены и в западной части заречья (Хлебникова Т.А., 1987, с. 41). Данный вывод нашел поддержку у одних исследователей (Смирнов А.П., 1974, с. 10), но у других, посчитавших, что русские ремесленники жили здесь попеременно с болгарами (Полубояринова М.Д., 1993, с. 52, 57), вызвал сомнения. И все же представляется вероятным существование именно такого компактного, окруженного изгородью поселка в восточном заречье, поскольку в пределах раскопа сконцентрированы исключительно древнерусские сооружения с преобладанием или значительным удельным весом славянской керамики и вещей и наличием заметного количества костей свиньи (рис. 6). Эти постройки составляют, как будто, уличную планировку поселка (Хлебникова Т.А., 1956, рис. 50). Другие жилища Болгара действительно расположены вразброс в разных местах укрепленной части города (Полубояринова М.Д., 1993, рис. 25). В цитадели Биляра выявлен древнерусский ком-

плекс, состоящий из двух углубленных построек и хозяйственных сооружений вокруг них (рис. 7), где обнаружены многочисленные находки домонгольского времени, в т.ч. свинцовая вислая княжеская печать конца XII – начала XIII в., обломки стеклянных кубков и браслетов, бусы, писанки, шиферные пряслица, керамика, кости свиньи, ювелирные и железные изделия, гирьки-разновесы, а также большое количество (9 кг) отходов янтарного производства. Состав находок дал основание авторам трактовать этот комплекс как жилища-мастерские богатых ремесленников-янтарщиков (Хузин Ф.Ш., 1979, с. 75–79; 1981, с. 19–21; Хузин Ф.Ш., Валиуллина С.И., 1986, с. 98–103). Предположение Ф.Ш. Хузина о том, что вскрытые котлованы служили подпольями наземных домов (Хузин Ф.Ш., 1979, с. 77–79; 1981, с. 19; Хузин Ф.Ш., Валиуллина С.И., 1986, с. 98), оспорено М.Д. Полубояриновой (на мой взгляд, справедливо) в пользу признания за ними функций полужемляночных жилищ с деревянной облицовкой (Полубояринова М.Д., 1993, с. 73). Судя по всему, описанные выше остатки являются, в известной степени, замкнутой усадьбой русских мастеров.

Жилища. Всего полностью или частично исследовано 16 деревянных жилых построек, три из которых (наземные в Болгаре, две полужемлянки в Биляре) существовали в домонгольское время, а 13 (4 наземных, 5 полужемлянок, 4 землянки – все в Болгаре) – в золотоордынское (рис. 7, 8). Зафиксированная их площадь – 12,25 – 24 кв. м, глубина котлованов – 0,6–1,7 м (Хлебникова Т.А., 1956; Полубояринова М.Д., 1993; Хузин Ф.Ш., Валиуллина С.И., 1986, с. 98, рис. 1). От некоторых из 5 наземных домов сохранились фрагменты дощатых полов, подпольные ямы до 1,3 м глубиной (домонгольский дом подполья не имел) и, в одном случае, глинобитная печь на деревянном опечке около стены. Полужемлянки (6 жилищ) углублены на 0,6–1,2 м, составляя в размерах 16–24 кв. м, в двух из них выявлены угловые входы с земляными ступенями, стенки облицованы деревом (вертикальными стол-

бами, обмазанными глиной, досками, положенными горизонтально на ребро, впущенным в котлован срубом), в центре размещались очаги, а в одном из углов – печь на деревянных опечках. Землянки имели глубину 1,4–1,7 м, площадь 16,5–21,5 кв. м, вход в них располагался в углу или в середине стены и также состоял из вырезанных в материке ступеней. Стены котлованов были укреплены деревянными конструкциями (положенные на ребро доски; бревна, врубленные в угловые столбы; частокол из бревен или полубревен), в центре или справа от входа в углу располагались остатки печей, здесь же были неглубокие хозяйственные ямы, выявлены и следы дощатых полов. Углубленные дома, судя по ямам от опорных столбов, имели двускатные крыши, как, по-видимому, и наземные сооружения.

Хозяйственные постройки представлены ямами, расположенными вокруг описанных выше жилых комплексов, но опубликованными далеко не полно. Отметим лишь те из них, которые были выделены особо авторами публикаций. Так, в Болгаре (рис. 6) исследована яма 2 прямоугольной формы с деревянными конструкциями изнутри и ступенчатым входом, имевшая производственное назначение (изготовление костяных рукоятей и медных накладок к ним для ножен). Другие 8 ям использовались как мусорные и для прочих хозяйственных нужд. Отмечен также частокол ограды, состоявший из кольев диаметром 10–20 см, прослеженный на протяжении 10 м в северо-восточной части раскопа и имевший продолжение в юго-западном его конце (Хлебникова Т.А., 1956, с. 142, 146–147). Вспомним также упомянутую А.П. Смирновым деревянную мостовую шириной более 2 м, прослеженную рядом с домом русского купца, что между Соборной мечетью и Западным валом (Смирнов А.П., 1974, с. 10).

В биярском усадебном комплексе (рис. 7) отметим расположенную рядом с полуземлянкой 8 яму 202а глубиной 65 см квадратной формы (2 x 2 м) с углублением в центре и столбовыми ямками по углам, датирован-

ную Ф.Ш. Хузиным XII в. (Хузин Ф.Ш., Валиуллина С.И., 1986, рис. 1; Хузин Ф.Ш., 1979, с. 98). Особый интерес вызывает овальная в плане яма 151 г (190 x 170 см), нарушившая угол древнерусской полуземлянки 5, в которой найдена свинцовая вислая печать конца XII или первой трети XIII в. (рис. 16–37) (Янин В.Л., 1979; Хузин Ф.Ш., с. 79; Хузин Ф.Ш., Валиуллина С.И., 1986, с. 99, 102). Впрочем, эта находка могла попасть в яму и из нарушенного ею жилища (Полубояринова М.Д., 1993, с. 73).

§ 3. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Рассматриваются две основные группы находок – керамика и прочие вещи. Среди последних можно отметить предметы импорта и личные принадлежности древнерусских поселенцев, причем, как уже указывалось, грань между теми и другими весьма условна. Поэтому и схема, предложенная М.Д. Полубояриновой (1993, с. 88–92), страдает определенной субъективностью и требует безусловных коррективов, что не мешает, однако, взять ее за основу. Признаками присутствия поселенцев являются находки керамики, предметов христианского культа (крестов-тельников, энколпионов, образков, иконок, писанок, церковной утвари), славянских языческих амулетов (миниатюрные подвески-топорики), властных атрибутов (костяные печати-матрицы, свинцовая булла), племенных височных колец и, вероятно, престижных серебряных украшений (детали оплечий, звездчатые колты, трехбусинные височные кольца) (рис. 9–17).

Славянская керамика (группа XIV по Т.А. Хлебниковой (1984, с. 170)) проникает на территорию Волжской Болгарии уже в XI в. преимущественно из Подонья, обнаруживаясь и в устье Камы (Болгар, Семеновское I селище). В XII – первой половине XIII в. преобладает приток древнерусской керамики из Владимиро-Суздальского княжества (Болгар, Джукетау, Рождественское селище), но она при

этом составляет в целом сравнительно небольшой процент керамических коллекций: в Болгаре 1,2–5,4 %, Джукетау – до 0,1 % (Хлебникова Т.А., 1984, с. 198–200, 231–232). В самом конце домонгольского периода появляется славянская по внешнему виду, но с неславянскими примесями (толченая раковина, шамот, навоз и др.) керамика, названная Т.А. Хлебниковой “славяноидной” (Хлебникова Т.А., 1965, с. 164–167) и отнесенная ею к XVI группе (1984, с. 200–201). Позднее эта керамика названа ею марийско-чувашской (1988, с. 33), Н.А. Кокорина считает ее поволжско-финской (1991, с. 13, 16), К.А. Руденко предполагает возможные ее верхнекамские истоки (1992, с. 46), М.Д. Полубояринова относит к древнерусской посуде группы В (1993, с. 35). Думается, последнее определение более удачно, учитывая, что эта керамика всегда обнаруживается вместе со славянской (Хлебникова Т.А., 1984, с. 201; Макаров Л.Д., 1984б, с. 113). В то же время представляется бесспорным вывод о производстве посуды XVI группы на смешанных славяно-финно-пермских памятниках, о чем автор писал неоднократно (Макаров Л.Д., 1984б, с. 112–113; 1985, с. 50; 1989, с. 67–68 и др.), но уже на стадии обрусения финно-пермского компонента. Интересно, что данная группа керамики единично обнаружена в Болгаре, но увеличивается вверх по Каме, например, ее больше на Рождественском селище, а в Джукетау она составляет 0,3 % в цитадели и 1,2 % в пригороде (Хлебникова Т.А., 1984, с. 200, 232; Полубояринова М.Д., 1993, с. 83). В золотоордынский период отмечено весьма заметное увеличение древнерусской посуды и по XIV (до 17 % в Болгаре и других поселениях), и по XVI группам (пригород Джукетау – до 3 %). Кроме того, Н.А. Кокориной (1991, с. 14, 16) удалось выделить XX группу керамики, в которой отразилось смешение традиций тюркской (XIII), славянской (XIV) и славяно-финской (XVI) групп в конце золотоордынской эпохи (Болгар,

Предкамье). И.Н. Васильева предпочитает не давать этнической интерпретации посуды XVI группы, отмечая только вероятное участие в ее изготовлении русских, болгарских и финно-угорских гончаров (Васильева И.Н., 1988, с. 121–122, 129, 133; 1993, с. 76–77, 118–121, 135–140, 185).

Типология древнерусской посуды, предложенная М.Д. Полубояриновой по материалам Болгара (1992; 1993, с. 35–57), вполне применима и к керамике других поселений Волжской Болгарии. Выделенные ею 14 типов горшков практически полностью покрывают разнообразие имеющихся в нашем распоряжении материалов (г. Джукетау, Билярское III, Лаишевское, Мурзихинское I селища)* (рис. 18–23).

§ 4. МОГИЛЬНИКИ

Еще в 922 г. Ибн-Фадлан наблюдал языческие похороны купца-руса на болгарской земле (Ковалевский А.П., 1956, с. 143–146). В 1882 г. казанские археологи П.А. Пономарев и Н.П. Лихачев исследовали Балымерский курганный могильник с обрядом кремации, оставленный смешанным славяно-финно-скандинавским населением в X–XI вв. (Отчеты..., 1895, с. 95–96). Несмотря на отсутствие чертежей раскопок, имеющееся описание позволило Е.П. Казакову предложить реконструкцию одного из захоронений (Казаков Е.П., 1986, с. 78–82, рис. 3). В “Казанской истории” упоминается “ростовская чернь”, бежавшая “от крещения русаго в болгарских жилищах”, в которой иногда видят исключительно верхневолжских финнов (Казаков Е.П., 1993, с. 39). По существу же, это фактически смешанное славяно-финское население (Рябинин Е.А., 1986, с. 124–128), бежавшее от христианизации за пределы Руси в XI–XIII вв. Следами

* Автор выражает благодарность за предоставленные керамические коллекции и помощь в работе Д.Г. Бугрову, С.И. Валиуллиной, Г.И. Дроздовой, Н.Г. Набиуллину, Л.Ф. Недашковскому, К.А. Руденко.

этой миграции оказались многочисленные вещевые материалы на поселениях Нижнего Прикамья, а также два женских захоронения Котловского могильника с меряно-славянским составом украшений (Нефедов Ф.Д., 1899б, с. 44, табл. 12). К сожалению, исследователь ограничился весьма поверхностным описанием погребений.

Русская летопись сообщает об убийстве в 1229 г. в Биляре знатного христианина Аврамия, которого "христьяне же вземше тело его и положища в гроб на месте, иде же и прочих христиан погребяху в земли Болгарстеи" (Московский..., 1949, с. 124). Это сообщение позволяет говорить о существовании в городе православного кладбища (Халиков А.Х., 1986, с. 16–17), пока не обнаруженного. Не исключено и существование древнерусских могильников рядом с размытыми селищами в низовьях Камы, поскольку на некоторых из них, по сведениям К.А. Руденко, подозрительно велика концентрация нательных крестов.

Пока же известен один разрушающийся древнерусский могильник – Христофоровский, расположенный на размываемом останце в низовьях р. Актай, где Е.П. Казаковым выявлено 5 погребений. Умершие располагались вытянуто на спине головой на запад, руки согнуты в локтях и сложены на костях таза или грудной

клетки. Могилы прямоугольной формы, имеют глубину 0,5–0,7 м. Сопровождающего инвентаря нет, но около одного из погребений под обрывом найден железный нож, скорее всего не связанный с могильником. Предположительная дата – XIII–XV вв.**

§ 5. НИЖНЯЯ ВЯТКА

Еще в 1897 г. в Малмыжском уезде был обнаружен Орловский клад XII–XIV вв., состоящий из железных удил, стремени и неопределимого предмета, серебряного плетеного браслета и слитков серебра весом 22,3 кг (Отчеты..., 1900, 1901, с. 67). В 1983 г. во время раскопок на Изранском поселении эпохи поздней бронзы (Вятскополянский район Кировской области) Е.М. Черных нашла в верхнем слое железный нож и ключ к замку древнерусского типа А, что позволяет датировать предметы временем не позднее XII в. (Черных Е.М., 1983, с. 31–35; Макаров Л.Д., 1997, рис. 3–16, 17). Представляется, что нижнее течение р. Вятки весьма перспективно для выявления древнерусских памятников, тяготевших к северной периферии Волжской Болгарии.

** Автор глубоко признателен Е.П. Казакову за предоставление материалов могильника и ряда поселений.

Глава II. БАССЕЙН ВЯТКИ

§ 1. ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Археологические памятники бассейна Вятки издавна привлекали внимание ученых. В их изучении выделяется три этапа. I этап охватывает период конца XVIII – начала XX в. Он характеризуется появлением в печати сведений об археологических памятниках (И.И. Лепехин, Е.Ф. Зябловский, местная периодика), накоплением материалов и первыми наблюдениями специалистов-археологов (П.В. Алабин, П.И. Лерх, М.В. Малахов, А.А. Спицын). Итогом этого этапа является исследование А.А. Спицына “Приуральский край” (1893), в котором были учтены все известные к тому времени средневековые памятники бассейна Средней Вятки. II этап начался после 1917 г. и закончился серединой 1950-х гг. (рис. 24). В этот период продолжалось накопление источников. Археологические наблюдения проводились сотрудниками местных краеведческих учреждений (Вятский НИИ краеведения, музей) и археологами центральных и уральских организаций (Н.А. Прокошев, М.В. Талицкий, М.П. Грязнов, А.П. Смирнов). Результаты исследований нашли отражение в работе И.А. Талицкой “Материалы к археологической карте бассейна р. Камы” (1952). III этап, начавшийся в 1950-х гг., ознаменовался проведением широких археологических раскопок экспедициями под руководством Л.П. Гуссаковского, а затем автора. Вместе с тем силами Камско-Вятской экспедиции проводится и широкое разведочное

обследование (см. подробнее: Макаров Л.Д., 1985). Так, в последние два десятилетия выявлено еще несколько древнерусских памятников южнее устья р. Пижмы (Макаров Л.Д., 1992а). В их числе поселение Ботыли IV, что в низовьях р. Вои, где найдены фрагменты кувшинообразного сосуда с многорядным волнистым орнаментом (XII–XIII вв.) и, возможно, несколько железных вещей (Гусенцова Т.М., 1977). На Лебязском городище найдены фрагменты тонкостенной керамики с примесью дресвы, оставшиеся, вероятно, от древнерусских сосудов (Королев В.М., 1976, с. 3, 5, 9–11; Карпова Н.П., 1987, с. 40). Поселенческие остатки с распавшимся древнерусским слоем зафиксировал В.В. Ванчиков при раскопках (297 кв. м) поселения Мысы IV, что в устье р. Байсы. Здесь собрана круговая посуда с примесями песка и дресвы XII–XV вв. (Ванчиков В.В., 1991, с. 33; 1994, с. 23). В 1989 г. на Уржумском городище было обнаружено несколько фрагментов круговой древнерусской керамики с примесью дресвы, происходящих, по-видимому, из слоя догородского поселения XII–XIV вв.

§ 2. СЕЛИЩА

Территория региона до появления древнерусских поселенцев была освоена финно-угорскими (древнеудмуртскими) племенами

(Лещинская Н.А., 1995). Многие из их поселений были использованы русскими колонистами. В результате памятники местного населения оказались большей частью разрушенными, а культурные напластования перемешаны с более поздними слоями, поэтому сведений об их материальной культуре недостаточно. Зато заметный пласт древнерусского импорта осел в местных могильниках X–XII вв. – украшения, бытовые предметы, орудия труда (рис. 25-1–17, 20–22).

В числе памятников древнерусского населения региона – около 45 объектов разных категорий, относящихся к XII–XV вв., но продолжавших существовать иногда и в более поздний период времени (рис. 26). Преобладающей категорией древнерусских памятников бассейна Средней Вятки являются поселения. Необходимо отметить, что неукрепленные поселения начального периода русской колонизации практически оставались неизученными до последнего времени. Весьма разрозненные сведения о позднесредневековых селищах собрали А.А. Спицын, И.С. Вайнер, И.И. Стефанова, Л.П. Гуссаковский. Последний в ходе раскопок Хлыновского кремля в 1957 г. выявил следы догородского сельского поселения и датировал их концом XII – началом XIII в. С созданием в 1973 г. Камско-Вятской экспедиции развернулись значительные работы по исследованию памятников региона, в т.ч. русских селищ XV–XVIII вв. Обнаружение и целенаправленное изучение неукрепленных поселений более раннего времени (XII–XIV вв.) осуществлено в последнее десятилетие (Макаров Л.Д., 1991а). В частности, автором полностью (221 кв. м) раскопано поселение Искра (Макаров Л.Д., 1984б), вскрыта значительная часть (153 кв. м) поселения Покста II (Макаров Л.Д., 1994а, с. 161–167), рекогносцировочные исследования проведены на Никульчинском II, Родионовском и Шабалинском поселениях. Кроме того, материалы XII–XIV вв. выявлены еще на более чем 10 селищах Вятской земли. Таким образом, поселения этого типа известны в настоящее время во всех выделенных нами микро-

регионах: в Никулицынском и Котельничском – по 4, в Пижемском – 8. Данные территориальные группы адекватны, судя по всему, древнейшим волостям Вятской земли (Макаров Л.Д., 1991в, с. 142–144).

Топография поселений имеет свои закономерности в зависимости от местонахождения их в том или ином микрорегионе. Так, если в первом, Никулицынском, преобладает расположение селищ на высоких (до 40 м) берегах (рис. 27, 30), то для Котельничского характерно размещение их на невысоких выступках или останцах коренных террас. В обеих группах селища находятся в непосредственной близости от городищ, что объясняется наличием постоянной военной опасности. Пижемская группа поселений выявлена на надпойменных террасах, удаленных порой на несколько километров от реки, причем здесь полностью отсутствуют укрепленные поселения этого времени. Последнее обстоятельство объясняется, по-видимому, периферийным расположением р. Пижмы. Грабительские походы совершались, минуя ее, по главной магистрали – Вятке, а на случай агрессии устье Пижмы контролировалось Пижемским городищем, поэтому русское население проживало здесь в относительной безопасности (Макаров Л.Д., 1994а).

Размеры поселений, как правило, невелики и редко превосходят площадь в 1500 кв. м. Судя по памятникам, раскопанным достаточно полно, они имели прибрежную рядовую планировку (рис. 41-А). Так, на поселении Искра жилые сооружения располагались параллельно берегу, а с тыльной стороны к ним примыкали хозяйственные постройки. Аналогичным было размещение строений на Родионовском и Никульчинском II поселениях.

Деревенскими **жилищами** служили наземные срубные постройки квадратной или прямоугольной формы (4 x 4; 3,5 x 4,5 м). В двух случаях удалось выявить местоположение печи. На Искре следы печи в виде скопления камней и кусков глиняной обмазки, ямы столбового опечка, подпечной и предпечной ям зафиксированы в углу жилища. На Родионовс-

ком селище битая из белой глины печь располагалась в центре дома, опираясь на деревянный столб, вкопанный в дно подпольной ямы. Стенки последней (3,4 x 1,77 x 1 м) были укреплены дощатой облицовкой. Еще одно подполье (2,6 x 1,8 x 0,45 м) исследовано на Никольчинском II поселении (рис. 27-В).

Кроме жилых построек были выявлены **производственные и хозяйственные помещения**. В столбовой постройке из Искры, состоявшей из слегка заглубленной в грунт камеры (3,7–4 x 2,75 м) и входного тамбура (3 x 1,7), если судить по овалному прокалу (диаметром около 1 м) и находкам фрагментов криц и шлака, размещался сыродутный либо кузнечный горн (рис. 41-А). Здесь же исследованы две хозяйственные постройки, одна срубная (3,8 x 3,3 м), другая – неясной конструкции (2,6 x 1,75 м). Кроме того, на ряде поселений обнаружены различные хозяйственные ямы. Следы изгородей обнаружены в догородском поселении Хлынова, на Искре и в Поксте II. Остатки дренажа в виде обугленного желоба зафиксированы в низинной части площадки поселения Искра (рис. 41-А). Интересные результаты дали раскопки могильника и поселения Покста II. Здесь, в центре свободного от погребений пространства (7 x 4 м) выявлена подпрямоугольная западина (2 x 1,4 x 0,5 м), оставшаяся, возможно, от подпола (рис. 44). Судя по всему, на этом месте располагалась кладбищенская церквушка или часовня. Данный вывод тем более вероятен, что канавки от окружавшей постройку изгороди не нарушены могильными ямами, хотя они и расположены достаточно густо, а это говорит в пользу их сосуществования на протяжении некоторого отрезка времени.

Материальная культура сельских поселений Вятской земли XII–XV вв. небогата. На них найдены предметы, свидетельствующие о довольно многогранной деятельности деревенского жителя: с сельскохозяйственным трудом связаны фрагменты кос и серпов, кости домашних животных; с охотой и рыболовством – кости диких животных и рыб, нако-

печники стрел, остроги и рыболовные крючки, грузила и лодочные скобы; с металлообработкой – шлаки, крицы, тигли, сломанное зубило; с домашними промыслами – пряслица, булавка от прялки, ножи, шилья, оселки, клинья от топоров; с бытом – замки и ключи, гвозди, скобы, пробои, обрывки цепей, обломки глиняной, металлической и деревянной посуды; с военным делом – наконечники копья и стрел; с украшениями – накладки, бляшки, подвески, перстни; со сферой идеологии – “громовые стрелы”, кадильница и иконка.

Древнерусская деревенская керамика характеризуется преобладанием в составе примесей песка, раковины и дресвы, слабым использованием гончарного круга, низким обжигом, а отсюда рыхлой структурой черепка, редкой, в основном линейно-волнистой орнаментацией, наличием донных клейм в виде птичьей лапки или некоторых других композиций. Перечисленные признаки свидетельствуют о взаимодействии культур пришлого славянского и местного финно-пермского населения в рамках консолидирующейся Вятской земли.

Таким образом, сельские поселения региона во многом аналогичны селищам центральных районов Древней Руси, хотя периферийное положение и вносило определенные коррективы в их функционирование.

§ 3. ГОРОДИЩА

По среднему течению р. Вятки располагалось 16 древнерусских укрепленных поселений. По форме площадки они подразделяются на мысовые, усложненно-мысовые и овальные (Макаров Л.Д., 1987). Мысовые городища (15 памятников) защищены 1–2 валами, рвом с напольной стороны и срубными клетями вдоль обрывов. Малые по размерам памятники (до 6 тыс. кв. м) существовали в более раннее время и зачастую использовались в дорусский период (рис. 27-АБ). Более крупные городища (6–40 тыс. кв. м) превращались

в дети́нцы городских поселений (Вятка, Котельнич, Никулицын, Слободской, Шестаков). Условно-мысовые городища объединяют укрепленные посады тех же городов (Вятка-Хлынов, Котельнич, Орлов, Слободской), которые возникли в конце XV–XVII вв. и имеют прямоугольную или многоугольную конфигурацию, большую площадь и защищены усовершенствованной системой укреплений. Овальную площадку имеет Подчуршинское городище, расположенное на высоком холме (рис. 38). Крепостные сооружения исключительно дерево-земляные. Произведена прорезка укреплений на Хлыновском, Слободском и Ковровском городищах, некоторые наблюдения проведены на Вятском, Шестаковском городищах. На Хлыновском и Слободском городищах под насыпями валов зафиксированы более ранние срубные конструкции. Их можно реконструировать как вплотную поставленные друг к другу срубы, подобные описанным в “Повести о стране Вятской”. Выявлены также следы укреплений, располагавшихся по периметру площадки. На Подчуршинском городище выявлены следы срубной стены шириной 5 м, разделенной на клетки длиной 3,8–5,75 м – жилые и хозяйственные помещения с подпольями (Макаров Л.Д., 1995б, с. 36–39, рис. 8–11), что позволило дать предположительную реконструкцию крепости (рис. 38–40).

На Ковровском городище первоначально вдоль обрыва была сооружена линия частокола. Затем здесь возвели срубные клетки, причем перегородки врубались в общую бревенчатую стену. Длина клеток 4–5,5 м, ширина 1,5–4 м, они использовались под хозяйственные нужды и в качестве жилья. Следы подобных клеток зафиксированы также в Никульчино и Шабалино.

В XV–XVII вв. распространяется традиция сооружать укрепления в виде клеток, забутованных глиной. В Котельниче такие сооружения, расположенные вдоль обрыва, менялись по меньшей мере трижды. Выявлены они и в

Подрелье. На обоих памятниках есть следы башен с отапливаемым нижним этажом. В Хлынове и Слободском забутованные глиной клетки прослежены внутри валов, но их размеры не установлены.

Реконструировать укрепления XV–XVI вв. помогают письменные и графические материалы XVII–XVIII вв. Так, Хлыновский кремль конца XVI – начала XVII в. был окружен валом, поверх которого шла стена, срубленная в два ряда и закрытая сверху тесовой крышей. Над стеной возвышалось 8 башен, в том числе 4 проезжие. Посад был защищен частоколом (рис. 30).

Обнаружение жилых и хозяйственных оборонительных клеток свидетельствует о живучести домонгольских традиций крепостного зодчества на Средней Вятке, а также о связях с Южной Русью, где аналогичные сооружения строились в XII–XIII вв. (Раппопорт П.А., 1975а, с. 131–132), а с XIII–XIV вв. распространились на всем Русском Севере (Овсянников О.В., 1982, с. 102–104; Макаров Л.Д., 1984а, с. 73–82).

Письменные источники, графический и иконописный материал XVII–XVIII вв. позволяют в какой-то степени ретроспективно представить устройство и внешний вид укреплений конца рассматриваемого периода.

§ 4. ПЛАНИРОВКА И ЗАСТРОЙКА ПОСЕЛЕНИЙ. ЖИЛЫЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СООРУЖЕНИЯ

На поселениях, раскопанных широкими площадями (Никульчино, Хлынов, Котельнич, Орлов), оказалось возможным установить планировку и застройку. Особенно устойчивой была планировка Хлынова, что обусловлено замощением улиц бревенчатыми мостовыми (рис. 31, 32). Местоположение построек определенного назначения ос-

тавалось также достаточно стабильным: жилища и хозяйственные сооружения строились преимущественно на одном и том же месте на протяжении длительного времени. Уличная планировка характерна также для Котельнича, Орлова и Никулицына. На последнем планировка и тип жилищ дважды менялись (рис. 27-Б).

На укрепленных поселениях Вятской земли к настоящему времени выявлено 53 жилища – полуземляночные и наземные. Полуземлянки (19 сооружений) делятся на две группы. Одна объединяет постройки квадратных очертаний со стороной 4–6 м, углубленных на 0,3–0,6 м, внутри которых зафиксированы подпольные ямы и следы глинобитных печей у середины стены (рис. 28-А). Вторая разновидность полуземлянок состоит из двух частей: жилой камеры (1,7–2,5 м в поперечнике), углубленной на 0,4–0,7 м, и тамбура аналогичных размеров, вход из которого в жилой отсек шел по земляным ступенькам. В жилой камере обнаружены следы глинобитных печей и каменок, располагавшихся чаще (глинобитные) в дальнем от входа углу, иногда на останце или (каменки) справа от входа у середины стены (рис. 28-Б). Зафиксирована как столбовая, так и срубная конструкция полуземлянок. Сооружение двухкамерных полуземлянок со входом через дополнительное помещение характерно для района Среднего Поднепровья в XII–XIII вв. (Раппопорт П.А., 1975а, с. 139). Наличие их на Средней Вятке свидетельствует о появлении здесь во второй половине XIII в. южнорусского населения.

34 сооружения относятся к типу наземных жилищ. От них остались либо нижние венцы рубленных “в обло” срубов (Хлынов) (рис. 31) или канавки из-под них, либо подпольные ямы с рухнувшими в них остатками печей. Особенностью наземных жилищ Вятской земли, выделяющей ее из числа других древнерусских земель, является довольно частое помещение печи не в углу, а у середины одной из стен.

Из числа хозяйственных построек представлены срубные или столбовые сооружения – са-

раи, помещения для скота, погреба, хозяйственные ямы. Обнаружено некоторое количество построек производственного назначения: остатки сыродутных горнов, кузниц, медеплавильной мастерской, гончарных горнов (рис. 29).

§ 5. МОГИЛЬНИКИ

Погребальный обряд русского населения в период развитого средневековья редко рассматривается исследователями, поскольку безынвентарность христианских захоронений делает их источником малопривлекательным. Автору уже приходилось обращаться к этому материалу в контексте анализа русской погребальной обрядности XII–XVIII вв. (Макаров Л.Д., 1990). Материалы древнерусского периода накапливались еще с конца XIX в., когда А.А. Спицын писал о Шабалинском могильнике (1881, с. 32; 1893, с. 171). В 1929 г. единичные погребения вскрыл на Еманаевском и Покстинском могильниках М.В. Талицкий. Первые крупные раскопки произвел Л.П. Гусаковский, открывший 18 могил на Никульчинском I могильнике. Широкие исследования проведены отрядами КВАЭ на Шабалинском (80 погребений), Еманаевском (73) и Покста (86) могильниках (работы Л.Д. Макарова и Н.А. Лещинской (Макаров Л.Д., 1994а, с. 157–160, 167–169)), а отряд экспедиции Кировского музея (Сенникова Л.А., 1995, 1996) раскапывал Усть-Чепецкий могильник (22 погребения). Кроме того, зафиксированы разрезы 32 погребений на Хлыновском I могильнике (Макаров Л.Д., 1991б, с. 46). Имеются также сведения о любительских раскопках 1938 и 1961 гг. братской могилы у д. Северюхи, предварительно датированной концом XIV – серединой XVI в. (Макаров Л.Д., 1995 г.). Таким образом, всего изучено 310 захоронений конца XII – середины XVI в.

Для погребений характерна практически полная безынвентарность, небольшая глубина захоронения (20–110 см), прозападная ориен-

тировка умерших, расположение рук в области таза или грудной клетки в различных сочетаниях. Наряду с бесспорными признаками православной обрядности замечено наличие отдельных языческих элементов. Особенно архаичным выглядит обряд на Еманаевском могильнике (рис. 42), где древнейшие могилы расходятся веером от пустой овальной площадки, меняя свою ориентацию аналогично тому, как это имеет место на нескольких грунтовых могильниках Новгородской земли X–XIII в. (Конечкий В.Я., 1984, с. 162–164). На некрополе выявлено 7 могил с кремацией, 4 – с неполной кремацией, 2 – кенотафа (в одном найден бронзовый дрововой браслет, слегка сплюснутый по бокам, конца I тыс. – XIV в.), большей частью оконтуривающих овал площадки. Здесь же располагалось единственное парное захоронение с останками людей, убитых стрелами с наконечниками X–XIV вв. Кроме того, имеются два захоронения умерших со слегка подогнутыми ногами (возможно, могилы волхвов или упырей) и два отдельных черепа. В межмогильном пространстве найдено два обломка древнерусской керамики XII–XIV вв. – вероятные следы языческого обычая битья посуды (Макаров Л.Д., 1994а, с. 157–160). Предполагается существование здесь языческого храма (рис. 43). На могильнике Покста зафиксированы следы православного храма (рис. 44, 45).

Период перехода обрядности от язычества к православию отражают материалы и других некрополей: Шабалинского (глубина могил 20–40 см: несколько парных захоронений; яма с расчлененным костяком; два погребения, в котором между костей ног выявлено по два черепа – человеческие жертвоприношения – рис. 42-2, 3, 4), Никульчинского I (погребение с подогнутыми ногами, скопление угля на одном из костяков – рис. 27-Г; 42-5), Усть-Чепецкого (неглубокие ямы – 35–40 см; угли в засыпи; обломки керамики, в т.ч. с примесью раковины; использование бересты и коры в погребальных конструкциях), Покста (угли, керамика и кальцинированные кости в засыпи могил – рис. 44-3–5). Обнаружение

славяно-финно-пермской посуды, коры и бересты в могилах Усть-Чепецкого могильника свидетельствует об этнически смешанном (возможно, русско-удмуртском) составе умерших (Сенникова Л.А., 1995; 1996). Этому выводу не противоречит и краниологический анализ нескольких черепов (Рясик И.О., Узлов А.Р., Никольский К.А. и др., 1996).

§ 6. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Производственный, хозяйственный и промысловый инвентарь (рис. 46–51).

Коллекция предметов данной группы достаточно представительна. Производственный инструментарий характеризуется принадлежностями кузнечного (напильники, бородки, пробойники, гвоздильня), ювелирного (тигли, льячки, наковальня, клещи, зубило, пинцеты, пуансоны), деревообрабатывающего (топоры, тесла, пилы, долота, стамеска, сверла, скобели, струг) ремесел. Обнаружены инструменты для косторезного (различные резцы) и портняжного дела (ножницы, иглы), а также для плетения (кочедыки) и прядения (булавки для ручных прялок, пряслица). Часты находки универсальных инструментов (ножей, шильев, проколок, точил). Встречаются на поселениях сельскохозяйственные орудия (сошники, чересла, серпы, косы, жернова), рыболовные снасти (крючки, блесны, остроги, грузила и поплавки от сетей) и охотничье вооружение (наконечники стрел). Весь набор представленного на памятниках Вятской земли инструментария характерен для русских поселений развитого и позднего средневековья.

Бытовой инвентарь составляет внушительную по размерам и разнообразию коллекцию (рис. 52, 53). Особенно много обнаружено предметов, связанных с домашним хозяйством (замки, ключи, дверные ручки, пробойники, жиковины, накладки, цепи, скобы, гвозди) и бытом (подсвечники, светцы, лампы, всевозможная посуда из дерева, глины и металла). Нередки

предметы личного обихода (кресала, гребни, копоушки, кожаная обувь и сапожные подковки). Из числа редких находок упомянем (рис. 54): музыкальные инструменты (сопель, свистульки), детские игрушки (миниатюрная посуда, фигурки животных и людей, глиняные шарики, хлебцы, свистульки), принадлежности настольных игр (шахматные и шашечные фигуры) и письма (писало). Уникальны предметы атрибутов власти – печать-матрица “Печать Григориева” и свинцовые буллы (рис. 58-12, 14, 17).

Вооружение, снаряжение всадника и верхового коня. Постоянное участие вятчан в боевых действиях требовало уделять особое внимание предметам вооружения. Эта категория материальной культуры представлена наконечниками стрел и копий, обрывками кольчуг и панцирей, кистенями, фрагментом топора, а также снаряжением всадника и верхового коня (удилами, стременами, шпорами, элементами конской сбруи). Подавляющее количество предметов вооружения обнаружено на Никульчинском городище. Основная их часть датируется XII–XIV вв. (рис. 55).

Украшения и предметы христианского культа. Украшения являются довольно представительной и разнообразной категорией предметов материальной культуры Вятской земли (рис. 56, 57). Среди них – височные кольца и серьги, подвески и пронизки, фибулы, браслеты и перстни, детали поясных наборов и принадлежностей костюма, бусы и языческие амулеты. Определенную эстетическую нагрузку несли и предметы христианского культа – кресты-тельники, энколпионы, иконки и образки (рис. 58–60). Отдельные типы подвесок, браслетов, перстней, бубенчиков, бус, языческих и христианских предметов бытовали на протяжении XII – рубежа XIII–XIV вв. (рис. 33, 34).

Керамика (рис. 35–37; 51-7, 8; 63). Представлена значительным числом сосудов (более 2 тыс.). Основные коллекции получены в Хлынове, Котельниче, Коврово, Никулицыне (около 500 в каждом из них); в Подчуршино, Шабалино (городище и селище), Слободском, Поксте II, Искре керамики обнаружено мень-

ше (от 37 до 150 сосудов). Почти вся посуда круговая (лепной насчитывается около 2%), но изготовлена она на ранних стадиях использования гончарного круга, что свидетельствует о преимущественно домашнем характере производства керамики на Средней Вятке (Бобринский А.А., 1978, с. 23–64). Признаки гончарного ремесла прослеживаются в основном к концу рассматриваемого периода. Абсолютно преобладающей категорией посуды являются горшки (около 95%), количество иных форм (чашевидных, кувшинообразных, крышек) невелико. По оформлению верхней части горшков выделено значительное количество типов и более дробных делений данной группы изделий. Керамика орнаментирована слабо, наиболее популярным были линейно-волнистые узоры, но встречаются также оттиски штампа, наколки, ямки, ногтевые насечки. На днищах некоторых сосудов (их около 50) сохранились гончарные клейма трех групп изображений (рис. 33-19, 21, 28; 51-8) (Макаров Л.Д., Салангин Д.А., 1994). В отличие от керамики большинства древнерусских земель посуда вятского края имела наряду с традиционно славянскими примесями (песок и дресва) точеную раковину, шамот, навоз, сухую глину, известняк и слюду. На ряде поселений их имели от 20 до 50% сосудов. В течение XV–XVI вв. эти примеси исчезают. Данную группу посуды можно рассматривать как результат славяно-финно-пермского взаимодействия. Исследованию круговой непористой посуды Вятского края XII–XVIII вв. посвятил специальную работу Д.А. Салангин, охарактеризовавший и древнерусскую керамику (1999).

Итак, из всей совокупности вещевого материала памятников Вятской земли выделяются древности, позволяющие определить дату начала русского освоения бассейна Средней Вятки концом XII – начала XIII в. (Макаров Л.Д., 1995д). Заметную группу представляют предметы импорта, особенно из Волжской Болгарии и Нижнего Поволжья как в домонгольское, так и золотоордынское время – монеты, бытовые вещи, керамика (рис. 61, 62).

§ 7. ВЕРХОВЬЯ ВЯТКИ

Микрорегион исследован слабо. Судя по обнаруженным здеськладам золотоордынских монет и серебряных монетных слитков новгородского типа XIII–XIV вв. – Лопаревского и Скочинского (Ильин А.А., 1921, с. 18), верховья р. Вятки также, очевидно, заселялись в древнерусское время. В 1976 г. В.М. Королевым у д. Киришатская обнаружен обломок эфеса железного палаша с бронзовым овальным навершием, вероятно, этого же периода (Королев В.М., 1976, с. 1). Массовое проникновение

русских прослеживается приблизительно с конца XV–начала XVI вв. Около 1543 г. в северной части Слободского уезда в гуще русских деревень строится г. Шестаков и образуется новый уезд, населенный как русскими, так и удмуртами и, очевидно, коми-пермяками. О длительности здесь межэтнических и межконфессиональных контактов свидетельствует факт добровольного крещения 17 семейств сырьянских удмуртов в 1557 г. Верхневятский регион, по-видимому, весьма перспективен для археологических изысканий и таит в себе еще немало находок.

Глава III. ВЕРХНЯЯ И СРЕДНЯЯ ЧЕПЦА

Данный регион, как место проникновения древнерусских поселенцев, по существу никогда не рассматривался. Проблемы контактирования чепецкого населения со славянами специально поднял, в основном по данным письменных источников, Г.В. Фотеев (1978). Отдельные славяно-русские находки отмечал на Чепце А.П. Смирнов, допуская их проникновение как через волжских болгар, так и непосредственно из Древней Руси (1952, с. 202–206, 215–216). Обширные раскопки, проводимые на Чепце в последние десятилетия, позволили значительно расширить фонд древнерусских источников (рис. 64, 65). М.Г. Иванова отметила, что на городище Иднакар уже в слоях X–XI вв. встречаются славянские вещи (шиферные пряслица, футляры складных расчесок, двусторонние роговые гребни прямоугольной и трапециевидной форм, некоторые виды украшений, орудий труда, вооружения (Иванова М.Г., 1989б, с. 13; 1998, с. 205–208). Характер данных предметов свидетельствует о преимущественно торговых взаимоотношениях. В то же время исследователь указывает, что древнерусское влияние не ограничивалось только торговлей (Иванова М.Г., 1989б, с. 14), оно было более тесным и глубоким, что отразилось, в частности, на заимствовании чепецкими кузнецами ассортимента, форм и технологии изделий из железа от мастеров Древней Руси (Иванова М.Г., 1992, с. 73–74; 1998, с. 208; Завьялов В.И., 1988). Имело место и заимствование некоторых категорий прикамской материальной культуры населением Северной Руси (Макаров Н.А., 1982; 1983; 1989, с. 60).

Отдельные находки дают основание говорить о вероятном проживании славян на чепецких поселениях уже в то время (рис. 65). Так, на городище Иднакар найдены костяные предметы X–XI вв., имеющие признаки бесспорно властного характера: гребень с процарапанным на нем княжеским знаком Рюриковичей (Амелькин А.О., 1987), а возможно, и прикладная печать в форме шахматной фигурки с изображением монограммы “м” и дополнительных деталей (Иванова М.Г., 1989а, с. 58). Высказано предположение о последней как властном атрибуте местной администрации (Иванова М.Г., 1994, с. 170) либо, более осторожно, как о предмете, которым чепецкими торговцами делался оттиск на охранной пломбе из воска или глины, призванной предохранять товары (пушнину, мед, воск) от порчи или подделки (Иванов А.Г., 1997, с. 120). По форме печать близка древнерусским изделиям, правда, более позднего времени (Полубояринова М.Д., 1971; 1983; Колчин Б.А., Рыбина Е.А., 1982, с. 211, рис. 23; Даркевич В.П., 1972, с. 102), а наша попытка найти в изображении удмуртские тамгообразные знаки (Арматинская О.В., 1995) оказалась неудачной. Встает вопрос о вероятном русском представительстве в этом чепецком центре – торговом, данническом или дипломатическом. Еще на одном гребне нанесен знак в виде сложного креста (Иванова М.Г., 1994, с. 146, рис. 21), аналогичный как русским изображениям, в т.ч. керамическим клеймам Смоленска XI в. (Амелькин А.О., 1987, рис. 1–14) и Орла-городка XVI в. в Верхнем Прикамье, так и найденным на Кавказе, в Болгарии, Западной Европе (Голан А., 1993, с. 121, рис. 230; Баски И., 1997,

Данные предположения дискуссионны и требуют комплексного рассмотрения широкого круга источников в специальной работе. Такое исследование было начато несколько лет назад А.Г. Ивановым (1991, с. 87–89), и в завершеном виде недавно появилось в свет (1998). Тщательно проанализировав имеющиеся материалы, А.Г. Иванов, опираясь на разработки предшественников, выделил группу предметов, широко распространенных в славяно-финской среде и в значительной мере потерявших этническую нагрузку: подковообразные и кольцевидные фибулы, наборные односторонние гребни и футляры от них, двусторонние роговые гребни прямоугольной и трапециевидной формы, крестопрорезные грушевидные бубенчики с насечками, рубчатые перстни, калачевидные и овальные кресала, ключи и замки (Иванов А.Г., 1998, с. 157). Справедливость этого заключения сомнений не вызывает: действительно, истоком этих, а также некоторых других категорий находок были славянские и финские группировки Древней Руси (Макаров Л.Д., 1997а, с. 42, рис. 4).

В течение XII в. на Чепце происходит переориентация торговли на русские земли, когда появляются замки и ключи к ним, кольцевидные височные подвески с напускной бусиной, рубчатые перстни, кольцевидные, зонные и винтообразные бусы из полупрозрачного стекла, черные с пластичным узором, серебряные монетные слитки новгородского типа (один из них имел надпись “Иван”, начертанную древнерусским уставом), плетеные браслеты, крестовключенные подвески, калачевидные и овальные кресала и некоторые другие изделия,

постепенно оттеснявшие болгарский импорт (Иванова М.Г., 1989б, с. 13–14; 1992, с. 72–73; Ильин А.А., 1921, с. 18). И, наконец, в предмонгольских слоях Иднакара выявлена керамика славянского и славяно-финно-пермского характера: у последней форма и орнаментация (линейный, волнистый, ногтевой) говорят о славянской традиции, а формовочные массы (раковина, навоз, песок) – о финно-пермской (Салангин Д.А., 1995; Иванов А.Г., 1998, с. 166, рис. 72-1, 5). Кроме того, обнаружены и другие категории материальной культуры, маркирующие вероятное присутствие на Чепце выходцев из Древней Руси (рис. 65): атрибуты православия (крестики, иконка, змеевик) и славянского язычества (амулет-топорик, подвеска-конек), а также кривичские браслетовидные височные кольца с завязанными концами (Первухин Н.Г., 1896а, табл. XI–19, рис. 118; Иванов А.Г., 1998, рис. 46-6; 71-1–9). Знаменательно, что практически все указанные выше предметы выявлены в непосредственной близости от городища Иднакар. Поэтому сочетание среди чепецких находок отмеченных нами вещей и керамики, вне всякого сомнения, свидетельствует о древнерусском компоненте среди жителей этого городища (Макаров Л.Д., 1995г, с. 6).

Справедливости ради следует указать, что древнерусской посуды здесь обнаружено немного – менее одного процента всей керамической коллекции (по далеко неполным подсчетам Д.А. Салангина, на поселении выделено более 80 сосудов и около 200 фрагментов). Для сравнения: болгарская керамика из слоев XI–XIII вв. составляет 1,62% (Иванова М.Г., 1998, с. 208).

Глава IV. ВЕРХНЕЕ ПРИКАМЬЕ

§ 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

Начало исследования славяно-русских древностей региона связано с именем В.Н. Берха, который провел первые в крае раскопки на Искорском городище и обследовал древнейшие соляные промыслы на р. Боровой (Берх В.Н., 1821, с. 3–4, 94–98). Во второй половине XIX в. древнерусские предметы собирали С.В. Ешевский, В.А. Волегов, С.И. Сергеев, Н.Н. Новокрещенных, И.Я. Кривошеков, А.Е., А.А. и Ф.А. Теплоуховы. Особенно много их оказалось в коллекции Теплоуховых, частью опубликованной А.А. Спицыным (1902). В начале XX в. русские памятники исследовал П.С. Богословский (1924, с. 84–85). В советское время славянским древностям уделил внимание М.В. Талицкий (1951, с. 56) и А.П. Смирнов (1952, с. 208–225). Впервые определил задачу исследования русских древностей края О.Н. Бадер (1950, с. 85; 1953, с. 86–87), нацеливший на эту тему В.А. Оборина. С деятельностью последнего и его учеников и связано изучение славяно-русских памятников региона*.

§ 2. ПАМЯТНИКИ

В настоящее время в Верхнем Прикамье известно 37 пунктов местонахождений древне-

русских вещей и керамики, а также 41 пункт находок поволжско-финских и прибалтийско-финских предметов, ареал которых во многом совпадает с распространением первых, сосредотачиваясь преимущественно на севере региона и в бассейне р. Иньвы (Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 1998, с. 144–145; Белавин А.М., Оборин В.А., 1986; Мельничук А.Ф., Оборин В.А., 1989). Этот факт свидетельствует, вероятно, не о отдельных этнокультурных истоках этих групп древностей, а о едином в значительной степени славяно-финском потоке (рис. 66, 69). Можно говорить первоначально об импорте вещей, а затем и о проникновении славян и финнов (возможно, большей частью ославяненных) с территории Древней Руси и, в какой-то мере, Волжской Болгарии. Не исключено, что процесс древнерусского заселения региона начался еще с конца домонгольского – начала золотоордынского времени. Об этом свидетельствуют находки на ряде поселений родановской культуры славянской керамики, богато украшенной линейно-волнистым орнаментом, имеющей примеси дресвы и песка в тесте и в целом невысокие пропорции. Имеются в виду материалы городищ Анюшкар, Роданово, Красная Горка (Оборин В.А., Балашенко Л.А., 1968, с. 44; Белавин А.М., Оборин В.А., 1986, с. 65; Оборин В.А., 1952, рис. 84; материалы раскопок В.А. Оборина и А.М. Белавина)(рис. 67, 68).

* Автор глубоко благодарен В.А. Оборину, А.Ф. Мельничуку и А.М. Белавину за предоставленные для обработки материалы памятников Верхнего Прикамья.

О древнерусских поселенцах на Верхней Каме могут до некоторой степени свидетельствовать и находки христианских крестов XI–XII вв. (“скандинавского” типа; с желтой выемчатой эмалью; с изображением святого – рис. 76-1–3, 5, 10, 11), хотя высказано и мнение о крестах как украшениях и амулетах-оберегах, использовавшихся местным населением, а также поливная писанка киевского типа из Анюшара (Белавин А.М., Оборин В.А., 1986, с. 68–69). Существуют древнерусские изделия, символизирующие и языческие верования славян, в частности подвески, связываемые рядом авторов (Макаров Л.Д., 1993в, с. 197–198) с культом Перуна (рис. 66–28), который был, возможно, заимствован и по-своему интерпретирован аборигенным населением (Оборин В.А., 1990б, с. 88–93; Бординских Г.А., 1992, с. 85; 1995, с. 188).

Большая часть прочих славяно-русских изделий могла попасть в Верхнее Прикамье как в результате торговых операций через Волжскую Болгарию или Пермь Вычегодскую, так и с древнерусскими их владельцами (шиферные пряслица, стеклянные браслеты, перстни, височные подвески, лунницы, решетчатые подвески, лировидные пряжки, бусы, витые и шарнирные браслеты, серебряные сосуды и монетные гривны, мечи, боевые топоры, сошники и некоторые другие вещи – рис. 66). Местное коми-пермяцкое население заимствовало у древнерусских людей, кроме того, передовые приемы земледелия (Оборин В.А., 1990б, с. 49) и металлообработки (Завьялов В.И., 1990, с. 13–16).

Однако о массовой русской колонизации Верхнего Прикамья можно говорить лишь с XIV – начала XV в., когда возникают сельские и городские поселения в основном со смешанным русско-пермяцко-зырянским населением. В числе поселений этого периода назовем Редикорское, Корнинское, Эсперово, Урольское, Искорское, Чердынское городища, Покчинское и Мелехинское селища (Оборин В.А., Балашенко Л.А., 1968, с. 43–48; Оборин В.А., 1977б; 1990б, с. 72–80; Бординских Г.А., 1991, с. 29–30). Ар-

хеологические исследования на этих памятниках в той или иной степени проводились (Оборин В.А., 1975а; 1992; 1990а, с. 55). Часть из них (Чердынь, Искор) упомянуты в летописном рассказе под 1472 г., причем Чердынь известна с 1451 г. (Вычегодско-Вымская..., 1958, с. 261, 262), а вот фигурирующие там же Урос, Покча и Анфаловский до сих пор не нашли места постоянной “прописки” и связываются учеными с разными городищами (Бординских Г.А., 1994, с. 17–20, 43–48).

§ 3. ПОСЕЛЕНИЯ

Наибольшее количество древнерусских материалов обнаружено на городских поселениях. По мнению исследователей, первым русским городом края стал **Анфаловский городок**, возникший на рубеже XIV–XV вв., но местоположение его пока не установлено. По подсчетам Г.А. Бординских, имеется около 10 гипотез его местонахождения, размещающих памятник в основном в междуречье Камы, Вишеры и Колвы на родановских городищах (Бординских Г.А., 1994, с. 43–48; Колбас В.С., Зиновьева А.П., 1995). Ссылка В.Н. Берха на малодостоверные сведения о начале **Соликамска** около 1430 г. (Берх В.Н., 1821, с. 3–4) археологического подтверждения пока не нашла: выявлены древности не ранее второй половины XVI в. (Оборин В.А., 1979б; 1992, с. 73–74; Мельничук А.Ф., Оборин В.А., Соколова Н.Е., Корчагин П.А., Максимов П.Е., 1994, с. 92–93), хотя впервые даже в летописях он упомянут под 1506 г. (Вычегодско-Вымская..., 1958, с. 264). Обследование берегов рек Усолки и Боровой находок XV – первой половины XVI в. также не принесло, что не означает, однако, что в будущем они не будут здесь открыты (Бординских Г.А., 1990, с. 32; 1991, с. 28–29; 1994, с. 65).

Таким образом, на сегодняшний день реально в нашем распоряжении имеются материалы двух других древнейших городских поселений края – Чердыни и Искора. **Чердынь** (Троицкое

городище, около 1,3 га) возникла до середины XV в. на месте родановского укрепленного поселения и в 1451 г. стала резиденцией первых московских наместников – князей великопермских. Древние вещи на территории памятника находили в течение XVIII – первой половины XX в., после чего начались раскопки (Оборин В.А., 1998, с. 33–42). Впервые городище было обследовано в 1947 г. И.А. Талицкой, а в 1949 г. О.Н. Бадером, которые установили разрушенность культурного слоя в центре площадки фундаментом Троицкой церкви и окружающими ее могилами русского кладбища XVIII–XIX вв. (Бадер О.Н., 1953, с. 86). Наряду с вещевым материалом обнаружены кости рыб – стерляди, осетра, севрюги, белорыбицы и шуки (Букирев А.И., 1956, с. 76), а в более поздних раскопках найдены кости и других видов рыб – всего 24 вида (Оборин В.А., 1998, с. 44). В 1972 г. разведочные работы на городище провел В.А. Шмыров, заложивший три шурфа и траншею общей площадью 22 кв. м. В последней выявлены внутривальные клетки плетневой или жердевой конструкции, забутованные по центру галечником, а по краям глиной и имевшие высоту 1,7 м. Сверху этот вал был выложен плитняком и задернован, и на этом основании расположились рубленные из бревен городни кремля, забутованные мелким щебнем. По предположению В.А. Шмырова, городни имели размер основания 6 х 4 м (Шмыров В.А., 1972; 1974, с. 20). В.А. Оборин считал, что в сооружении вала наряду с русскими участвовали и коми-пермяки, поскольку аналогичные конструкции известны в валах родановских городищ (Оборин В.А., 1984, с. 13). В одном из шурфов выявлены также остатки северной стены укреплений крепости, состоявшей из бревен и жердей (Шмыров В.А., 1972). В 1976 г. В.А. Шмыров провел здесь дополнительные исследования (Оборин В.А., 1977а, с. 122).

В 1984 г. раскопки в Чердыни предпринял В.А. Оборин, вскрывший на трех раскопах 152 кв. м и выявивший два яруса обугленных нижних венцов городней (6 х 4 м) боковой сте-

ны, а также остатки досок и столбов, укреплявших основание вала. На раскопе в мысовой части обнаружены фрагменты двух срубных построек со следами печей и находками XV–XVI вв. (рис. 70). В процессе исследований выявлены (рис. 71–73, 77–79) предметы вооружения, быта, орудия труда, украшения, нательный крестик, монеты Василия II и Ивана III, керамика (Оборин В.А., 1984; 1986). В 1992 г. работами А.Ф. Мельничука (Мельничук А.Ф., Оборин В.А., Соколова Н.Е., Корчагин П.А., Максимов П.Е., 1994, с. 94–95), а в 1993 г. В.А. Оборина и П.Е. Максимова впервые начаты исследования посадских напластований города, не давшие пока находок ранее XVI–XVII вв. (Оборин В.А., 1998, с. 45; Мельничук А.Ф., Киселев А.Б., Сидоров Д.С., 1999).

Искор, впервые упомянутый под 1472 г., трактуется учеными как феодальный замок, временная резиденция русского наместника, военная застава (Бадер О.Н., Оборин В.А., 1958, с. 212; Оборин В.А., 1977а, с. 125, 1990б, с. 79). При этом делается ссылка на малую площадь (800 кв. м) “княжьего места” (пространство между двумя валами), в то время, как общий размер мыса, огражденного тремя валами, составляет около 0,6 га, что позволяет считать памятник, особое положение которого бесспорно, городским поселением уже с первой половины XV в. (Бординских Г.А., 1994, с. 20–21). Городище исследовали: в 1819 г. В.Н. Берх, в 1891 г. В. Попов, в 1895 г. В.И. Сергеев, в 1898 г. Н.Н. Новокрещенных, в 1947 г. И.А. Талицкая, в 1949 г. В.Ф. Генинг, в 1963 г. Г.С. Аноприева и В.Ю. Лещенко (Оборин В.А., 1975б; Оборин В.А., Вечтомов В.А., Голдина Р.Д., Поляков Ю.А., 1976, с. 40), но лишь В.А. Обориным были проведены здесь широкомасштабные (326 кв. м) раскопки в 1975, 1976 и 1980 гг. (Оборин В.А., 1976в; 1977в; 1981). Впрочем, весьма обширные исследования предпринимал В.Н. Берх, но не сохранились ни вещи, ни какой-либо полевой документации его раскопок, проведенных траншейным методом (Оборин В.А., 1975б, с. 9).

В.А. Оборин отнес к позднеродановскому времени древнейшие укрепления и святилище.

Последнее представляло собой наземную столбовую постройку с жердевым покрытием, установленную на глинобитную площадку толщиной до 0,75 м и диаметром 8–9 м, где найдены кости животных и птиц. У входа в сооружение выявлено захоронение, прорезавшее глинобитную площадку на 0,2 м, в котором найдены остатки двух детей – новорожденного и в возрасте до трех лет, лежавших головами на запад в корытце из луба, покрытого сверху берестой. Поскольку череп младенца был пробит ударами топора и стрелы, а под костяком находился православный крестик, был сделан вывод о ритуальном убийстве язычниками новорожденного крещенного младенца (Оборин В.А., 1976б; 1977в; 1977а, с. 123–125). Г.А. Бординских усомнился в ритуальном характере захоронений (1994, с. 21), правда ошибочно приписав этот вывод В.А. Оборину относительно и погребений более позднего детского кладбища, которые раскопщик отнюдь не связывал с могилой на святилище (Оборин В.А., 1980; 1981). Впрочем, не исключено, что последняя все же является частью кладбища, поскольку не совсем ясно ее стратиграфическое положение относительно перекрывающей святилище насыпи русского вала, и, самое главное, крестик из могилы подозрительно похож на поздние тельники старообрядческого населения региона и, судя по описанию, аналогичен четырем предметам из погребений детского кладбища (Оборин В.А., 1980, с. 30; Мельничук А.Ф., Кореньюк С.Н., 1996, с. 166).

По мнению В.А. Оборина, святилище было разрушено русскими в ходе христианизации языческого населения Перми Великой в XV в. (1455 и 1462 гг.), затем перекрыто подсыпкой вала, а на этом месте построена деревянная часовня, рядом с которой и возникло кладбище христиан и язычников: исследовано 18 детских погребений с крестиками и гирьковидными подвесками XVI–XVII вв., расположенных в 10 рядах (Оборин В.А., 1990б, с. 89). При этом погребение, отнесенное исследователем к святилищу, вписывается в крайний, западный, ряд кладбища (Оборин В.А., 1976б, рис. 6, 12–14;

1980, рис. 27). Русские значительно укрепили второй вал городища, установив на нем бревенчатые городни, а также возвели, собрав для этого культурный слой с северной площадки, третий (внутренний) вал до 1,5 м высоты, по гребню которого поставили частокол с примыкающим к нему бревенчатым накатом. В основании третьего вала располагался слой глины (до 0,3 м), обожженный сверху и закрепленный с юга еще одним накатом из более тонких бревен. На южной части площадки обнаружены остатки четырех небольших жилых построек, а также хозяйственные ямы, металлургические сооружения, кострища и открытые очаги. Отметим, что древнерусские поселенцы могли быть жителями поселения еще до сооружения святилища или во время его функционирования, поскольку в подстилающем его культурном слое вместе с родановской и вымской посудой выявлена ранняя русская керамика. Правда, В.А. Оборин допускает вероятность нарушения этого слоя при насыпке вала (1976б, с. 19–21), но это противоречит его же выводу о совместном использовании святилища пермяками и русскими (Оборин В.А., 1990б, с. 89). В древнерусских напластованиях обнаружено значительное количество разнообразных находок – оружие, орудия труда, украшения, предметы быта, керамика, культовые предметы (рис. 74, 75).

Из числа других укрепленных поселений, где проживали русские, отметим несколько городищ. В.А. Оборин считал, что летописный городок Урос, единственный раз упомянутый под 1472 г., располагался на Урольском городище (0,4 га), где он и провел раскопки в 1981 г. На трех раскопах и в траншее (330 кв. м) были зафиксированы сооружения и находки родановской культуры, болгарская и вымская керамика, а также русская посуда с линейным орнаментом XV в. (Оборин В.А., 1983, 1990б, с. 78). Данное предположение оспорил Г.А. Бординских, сопоставивший Урос с Корнинским городищем, не меньшим по площади и лучше укрепленным (Бординских Г.А., 1994, с. 17–18), на котором также найдена русская керамика

второй половины XV–начала XVII в. (Оборин В.А., Балащенко Л.А., 1968, с. 44, табл. 4-1-3). Но, по-видимому, следует вернуться к первоначальной идее В.Н. Берха о расположении города в урочище Пустой Урол, где им были обнаружены остатки усадеб, печей и других сооружений (Берх В.Н., 1821). При шурфовке рядом с часовней в память об убиенных в Уроле А.Ф. Мельничук обнаружил яму с находками XV–XVI вв. – большим количеством керамики, костяной накладкой с циркульным орнаментом и обломком цилиндрического замка.

На Редикорском городище (0,4 га), существовавшем в ломовато-родановское время, в ходе раскопок В.А. Оборина в 1971 г. (три раскопа, несколько зачисток и траншей общей площадью более 300 кв. м) в верхних слоях обнаружены русские вещи XV–XVI вв. (рис. 68-7, 8, 10-14; 76-6) – керамика, топор, двузубый светец, железные кочедыки, костяные рукояти с линейным орнаментом, костяные бусы и фрагмент костяного креста с изображением фигуры святого (Оборин В.А., 1972; 1977а, с. 123). Совместное залегание древнерусской и родановской керамики зафиксировал на Эсперовом городище (0,5 га) Г.А. Бординских (вокруг одного из трех очагов полуземлянки). На раскопанной им площади (136 кв. м) вскрыты также яма-кладовка и металлургический комплекс (кузница, домница и кострище), а в верхнем слое обнаружены многочисленные русские вещи: подвеска из крестов, металлическая деталь ручной пицали, керамика (Бординских Г.А., 1991, с. 29–30). На соотносимом с Анфаловским городком Лобанихинском городище Г.А. Бординских нашел несколько фрагментов русской керамики XV–XVII вв. (Бординских Г.А., 1994, с. 47). Не исключено, что остатками известного по летописям городка **Покча**, бывшего официальным центром Перми Великой в 1472–1535 гг. (Оборин В.А., 1976а, с. 13) и до сих пор не обнаруженного, является Покчинское селище, на котором выявлена и русская керамика (Оборин В.А., Балащенко Л.А., 1968, с. 44). Отметим также **Мелехинское се-**

лице, на котором в двух ямах найдена русская керамика, в т.ч. фрагмент днища с клеймом в виде солярного знака (рис. 68-9)(Оборин В.А., 1962, с. 25–26, рис. 52; 1977а, с. 123, рис. 1–7).

§ 4. ПОСТРОЙКИ

Помимо сооружений, описанных выше и отчасти отнесенных авторами раскопок к родановской культуре, выявлены постройки древнерусского населения. В Чердыни на Троицком городище два обгоревших бревенчатых жилища зафиксированы на раскопе III в мысовой части памятника (рис. 70). Они располагались почти вплотную друг к другу длинными стенами. Одно из них имело длину около 5,5 м, ширину (в пределах раскопа) 2 м, а на дне – мощный слой пережженной глины с углем от разрушенной глинобитной печи, располагавшейся около середины постройки на срубном опечке шириной 1, длиной более 1,3 м. В пределах жилища найдены и остатки коротких досок, очевидно, упавших с кровли. Второе сооружение имело размеры 5 x 3,2 м, при этом остатки печи в виде скопления обожженной глины располагались в южной его половине, а подпечье имело, вероятно, квадратную форму (1,75 x 1,75 м). Бытовой состав находок (гвозди, ножи, сапожные подковки, крюк, керамика, кости животных и рыб) не оставляют сомнений в жилом характере построек. Их интерпретация В.А. Обориным (1992, с. 73; 1998, с. 41) в качестве жилищ сторожей (по-видимому, из-за относительно небольшого размера) плохо вяжется с находками во втором доме двух серебряных монет (Василий II и Иван III), а также бронзовой печати. К югу от этого дома выявлен фрагмент прямоугольной постройки (2,5 x 2,5 м в рамках раскопа) без каких-либо находок, назначение которой остается под вопросом (Оборин В.А., 1984, с. 32–35, рис. 55, 56).

В Искоре постройки обнаружены на мысовой части памятника. На раскопе II (1975 и 1976 гг.) расчищены остатки бревенчатого сруба (2,5 x 2,5 м) с глиняным подпечьем в центре (по предположению В.А. Оборина, это охотничья избушка), а также, по-видимому, основание металлургического сооружения (скопление обожженной глины размером 2,2 x 0,8 – 1,4 x 0,1 м, находками шлаков, крицы, кусков обмазки), фрагмент мусорной ямы, кострище и два открытых глинобитных очага (Оборин В.А., 1975б, с. 21, рис. 11–13; 1977в, с. 168). На раскопе III (1976 и 1980 гг.) выявлены остатки трех срубных построек, расположенных в одну линию. Одна из них – изба (5 x 3 м) – имела глинобитную печь в юго-западном углу, под углом другой (3 x 2 м) обнаружен череп собаки (очевидно, строительная жертва), а от третьей в пределах раскопа исследован лишь незначительный ее фрагмент (1,5 x 0,75 м) с признаками глинобитной печи. В этом же ряду располагались очажное пятно и хозяйственная яма. На противоположной стороне “улицы” (ближе к краю площадки) зафиксированы развал металлургического сооружения (куски обмазки, крицы, шлаки) и остатки открытого очага (Оборин В.А., 1977в, с. 168; 1980, с. 15–18, рис. 32).

Пока не известны древнерусские могильники региона, можно лишь предполагать, что часть погребений Кудымкарского могильника могла быть заполнена в XV–XVI вв. могилами язычников и православных из числа пермяков и русских (Оборин В.А., 1977б, с. 165–167; Мельничук А.Ф., Коренюк С.Н., 1996, с. 163–164).

§5. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Выделение древнерусских материалов из массы находок первой половины II тыс. н.э. осложнено наличием на памятниках Верхнего Прикамья болгарского импорта. Дело в том,

что технология производства железных и ювелирных изделий и их номенклатура и в Волжской Болгарии, и в Древней Руси развивались в тесном контакте, немало русских ремесленников проживало в болгарских поселениях, передавая свой опыт местным мастерам и перенимая от них секреты их мастерства. Поэтому определить этническую принадлежность тех или иных изделий порой представляется невозможным, попытки же использовать для этого особенности технологии далеко не всегда приносят успех. Бесспорно древнерусскими являются керамика и предметы христианского и славянского языческого культов, некоторые орудия труда, предметы вооружения и отдельные украшения, особенно если они обнаружены в русском культурном слое (рис. 71–75, 77–79).

Орудия труда. Обнаружены признаки металлургического производства: шлаки, крицы, куски глиняной обмазки от построек, полуфабрикаты и сами железные изделия, однако инструментов не найдено. О развитии ювелирного дела свидетельствуют медные шлаки, пинцет и предметы из цветного металла. Представительны деревообрабатывающие инструменты – рабочие топоры, скобели, фрагменты долот и обломок стамески, ложкарь. Имеются отдельные приспособления для плетения (кочедыки), прядения (пряслица) и портняжного дела (ножницы). Немало и орудий универсального характера – ножей, шильев, точил. Из земледельческих орудий отметим находки ральников (отмечены В.Н. Берхом, хотя, возможно, он имел в виду сошники). О развитии животноводства свидетельствуют не только кости домашних животных, но и фрагменты кос-горбуш. Важное место занимали и промыслы – охота (наконечники стрел, кости диких животных) и рыболовство (кости и чешуя рыб, грузила, крючки, лодочные скобы). О развитии торговли говорят находки монет и привозных изделий.

Бытовой инвентарь весьма представительен: это и металлические элементы построек (зам-

ки, ключи, пробои, запорные петли, скобы, гвозди), и предметы домашнего обихода (светцы, металлическая и глиняная посуда, подвесные крюки), и личные вещи (обрывки кожаной обуви, сапожные подковки, кресала и кресальные кремни, детали поясов).

Вооружение представлено боевыми ножами, топорами, мечом, обломком сабли, наконечниками копий и стрел, втоком, бердышем, сбруйной пряжкой, ядрами пушек и пищалей.

Украшения немногочисленны, это перстни, височные кольца, подвески, бусы. Из предметов христианского культа отметим кресты, тельники, энколпионы, иконку (рис. 76-1, 4, 6-9, 12). О сохранении языческих суеверий говорят костяные амулеты. К атрибутам власти относятся свинцовые печати (матрица и була – рис. 71-20; 74-6).

Керамика (рис. 67, 68-1-6, 9, 15; 77-79). Коллекция русской глиняной посуды в основном происходит из Чердыни (более 300 сосудов) и Искора (около 100), около половины ее относится к XV-первой половине XVI в., остальная – к более позднему времени. Она изготовлена на гончарном круге из теста с примесью песка, реже дресвы, шамота, сухой глины, и имеет достаточно качественный обжиг. Абсолютно преобладают горшки (выделено несколько типов), другие виды сосудов единичны. Значительная доля ранней керамики украшена линейно-волнистым орнаментом, единично – насечками. Наряду с русской керамикой местного производства выявлено небольшое число и привозной посуды более позднего (с середины XVI в.) времени – московской чернолощеной, зеленой поливной и краснолощеной (Макаров Л.Д., 1999). Родановская керамика некоторое время сосуществовала с древнерусской и вымской (Оборин В.А., 1977а, с. 122-126), что подтверждает вывод об этнически смешанном составе населения в XIV-XV вв., а возможно, и в более позднее время.

Рассматриваемый регион в системе Верхнего Прикамья занимает особое место вследствие своего специфического исторического прошлого, во многом вызванного географическим положением данной территории. Начальный этап проникновения славянской материальной культуры, а вслед за тем и русских поселенцев в Верхокамье, хотя и привлекал внимание исследователей, однако не был предметом специального изучения. Пожалуй, единственное, на что обращали свои взоры историки и краеведы, так это на время возникновения г. Кайгорода – центра одноименного уезда, охватывавшего все Верхокамье. При этом вятские авторы (В. Бронников, А. Замятин, Н.Н. Романов, А.А. Андриевский, В. Трапезников, Л.Н. Макарова, Е.Н. Осколков и другие) указывали точную дату постройки города, связывая это событие с деятельностью Якова и Григория Строгановых в середине XVI в. (Макаров Л.Д., 1995в, с. 22). Пермский историк А.А. Дмитриев данное предположение оспорил и высказал догадку о том, что Строгановы не основали, а “только укрепили и обстроили его” (Дмитриев А.А., 1889). Похоже, однако, что и эта версия ошибочна, поскольку их владения появились в Кайгороде лишь в 1609 г. (Введенский А.А., 1962, с. 114). В административном отношении Верхокамье безоговорочно причислялось к Пермь Великой, при этом выражалось недоумение по поводу отсутствия его описания у И. Яхонтова в 1579 г. (Дмитриев А.А., 1889, с. 76). Лишь с публикацией в 1958 г. Вычегодско-Вымской летописи некоторые спорные моменты в истории Верхокамья прояснились. Оказалось, например, что верховья Камы были переданы в состав Пермь Великой только в 1586 г. (Вычегодско-Вымская..., 1958, с. 267). До этого верховья Камы и Сысолы составляли единую волость и входили в состав Вымской земли.

Поскольку письменных источников, освещающих средневековую историю Верхокамья, очень мало, решающее слово остается за археологией. На родановских памятниках или в

виде кладов еще в конце прошлого века обнаруживались находки, изготовленные русскими мастерами в X–XIV вв.: лунницы, свинцовые грузики, рубчатые перстни, зооморфные подвески, сошники, топоры (Первухин Н.Г., 1896а, с. 21–35, 122–127; 1896б; Ильин А.А., 1921, с. 19). В ходе раскопок отрядами Камско-Вятской экспедиции в 1970–1980-е гг. были выявлены и другие категории славяно-русских древностей (рис. 80): бусы, лировидные пряжки, косорешетчатые и крестовидные подвески, многобусинные височные кольца, серьги в виде вопросительного знака, замки, ключи, кресала, ножи, сверло (Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989, рис. 63, 64, 65, 72, 73).

Однако следует признать, что абсолютное большинство перечисленных выше предметов попало в верховья Камы в результате торговых контактов, поскольку традиционной славяно-русской керамики при них не найдено (Макаров Л.Д., 1997, с. 43, рис. 5). Судя по наличию этого признака, русские приходят в северную часть Верхокамья не ранее конца XIV–начала XV в., о чем говорят находки близ с. Гидаево, сделанные А.А. Спицыным в конце XIX в. – фрагменты раннегончарной и лепной керамики с примесью песка, датирующиеся найденными здесь же финскими привесками XIII–XIV вв. (колл. ГИМ). К сожалению, установить время постройки г. Кайгорода без раскопок пока невозможно. Ясно, что во второй половине XVI в. он уже существовал, будучи (как и Волосница, и Зюздино). погостом (Вычегодско-Вымская....

1958, с. 266, 267). Центром уезда Кайгород сделался, вероятно, сразу после передачи Верхокамья в состав Перми Великой. Думается, что, несмотря на отсутствие упоминания населенных пунктов в тексте грамоты 1485 г., содержащей, в основном, лишь перечень рек (Жалованная грамота..., 1958, с. 243; Жеребцов Л.Н., 1982, с. 59–60), верховья Камы, безусловно, были заселены, в т.ч. и русскими. Другое дело, что южная, зюздинская часть региона осваивалась, по-видимому, несколько позднее, возможно, с конца XVI в. (Жеребцов Л.Н., 1982, с. 98). Во всяком случае, по воспоминаниям многих жителей зюздинской волости, их предки переселились именно с Кайской стороны, например, с. Бисерово основано выселенцами из пермяцкой д. Трушниковой, а с. Георгиево – из русского Кайгорода (Макарова Л.Н., 1962, с. 78). В ходе обширных археологических исследований в Афанасьевском районе Кировской области удалось обнаружить более 30 памятников с круговой керамикой и другими находками XVI–XVIII вв., которые можно, до некоторой степени условно, отнести к русским. Эта условность объясняется чертами смешения традиций русского и пермяцкого гончарства – явными признаками этнокультурного симбиоза. Христианская религия оказывала мощное воздействие на местное коми-пермяцкое население, возможно, еще со времен Стефана Пермского, способствуя восприятию ими русских культурных традиций (Белых С.К., 1995, с. 25; Низов В.В., 1995).

Глава V. ЮГО-ВОСТОЧНОЕ ПРИКАМЬЕ

§ 1. БАССЕЙН СЫЛВЫ

Письменные источники относят возникновение первых русских поселений в низовьях р. Сылвы к последней трети XVI в., когда в 1570 г. Строгановы zaloжили Сылвенский острожек, вокруг которого складывается сельская округа (Дмитриев А.А., 1889, с. 15; 1900, с. 126; Оборин В.А., 1990б, с. 101). Среднее течение реки в этот момент в состав земель, населенных русскими, еще не входило (Дмитриев А.А., 1892, с. 72–74). В 1581 г. здесь появился отряд Ермака, после зимовки и ухода основных сил дружины которого на одном из городищ проживали его участники – в основном женщины и дети (Оборин В.А., 1979а, с. 32–33; 1990б, с. 108). Точное место стоянки пока не обнаружено, однако отдельные находки вооружения, остатки воинского кладбища у д. Филипповка, а также многочисленные топонимы, предания и фольклор как будто подтверждают проживание Ермаковых казаков в округе г. Кунгура (Оборин В.А., 1979а, с. 33). Однако это был эпизод, а о массовом русском заселении края можно говорить лишь с первой четверти XVII в., когда земельные приобретения совершают здесь с 1621 г. усольцы Елисеевы (Дмитриев А.А., 1890, с. 168–169; 1900, с. 127), а позднее Соликамский Вознесенский (Шшонко В., 1882, с. 336–339; 1884, с. 60–65) и Пыскорский Преображенский (Шшонко В., 1882, с. 433–435) монастыри. Одновременно шла крестьянская колонизация (Бо-

гословский П.С., 1925; Преображенский А.А., 1956, с. 27–41), а в 1648–1649 гг. был построен г. Кунгур, ставший центром уезда (Дмитриев А.А., 1900, с. 122–126).

Однако неопровержимый, казалось бы, вывод о позднем заселении региона русскими удалось скорректировать. Еще в 1903 г. в уезде нашли створку бронзового энколпиона XI–XIII вв. (Прошлое Урала..., 1993, с. 35, 36, 109, 128, фото 4). В процессе раскопок разрушенной части Кишертского могильника в 1990 г. И.Ю. Пастушенко обнаружил серебряный с позолотой медальон из женского оплечья с изображением процветшего шестиконечного креста, украшенный растительным узором (Пастушенко И.Ю., 1991, с. 69), во многом аналогичный древнерусским находкам XII–XIII вв. (рис. 81–4, 8).

В последние годы отрядами Камско-Вятской экспедиции на 15 поселениях бассейна Средней Сылвы обнаружена древнерусская гончарная посуда, и особенно много ее выявлено в верхних слоях Верх-Саинского I городища (раскопки Р.Д. Голдиной). Нами отобрано для обработки около 50 сосудов, укладываемых в рамки XII–XVI вв. Посуда изготовлена из теста с примесью песка, чаще всего плохо просеянного, и при фактически полном отсутствии добавок дресвы. Выделено 20 типов горшков (рис. 82) (Макаров Л.Д., Пастушенко И.Ю., Салангин Д.А., 1995). На поселениях найдены предметы (замки и ключи, булавки с кольца-

ки и ключи, булавки с кольцами, кочедыки, кресала, некоторые виды украшений – рис. 81), которые в равной степени могли быть оставлены и русскими, и болгарскими поселенцами (Макаров Л.Д., 1997, с. 45, рис. 7). Это объясняется тем, что “чистых” этнокультурных комплексов, сопровождающихся соответствующей керамикой, пока не обнаружено. Представляется, что на Сылву немногочисленное древнерусское население впервые попадает после монголо-татарского нашествия и проживает здесь, по-видимому, до середины XVI в., когда вытесняется отсюда мигрировавшими на север башкирскими племенами (Пастушенко И.Ю., 1993, с. 17).

§ 2. СРЕДНЕЕ ПРИКАМЬЕ

Славяно-русских находок в данном регионе пока известно немного, и почти все они выявлены в удмуртской части региона (Макаров Л.Д., 1997, с. 41, рис. 2). Еще в 1894 г. Ф.Д. Нефедов обнаружил при осмотре распавшейся площадки Ильнешского городища древнерусскую бронзовую булаву XII–XIII вв. (рис. 83-12) и длинный железный меч (он не описан и не снабжен рисунком) (Нефедов Ф.Д., 1899а, с. 64–65, рис. 21). Судя по описанию, ученый побывал на Нырғындинском I (Ола-Курок) городище ананьинско-пьяноборского времени (Каракулинский район Удмуртии), обследовавшемся также А.А. Спицыным, Л.А. Беркутовым, В.Ф. Генингом (Генинг В.Ф., 1971, с. 91–92, рис. 29-1) и, неоднократно, отрядами КВАЭ. Выявлены здесь и находки монетных серебряных слитков: в Перевознинской волости – новгородского типа (1892 г.), в д. Быргында – неправильной формы (1894 г.) (Ильин А.А., 1921, с. 19). В 1970–1972 гг. там же проводились исследования Зуево-Ключевского I городища, в ходе которых в юго-восточной части площадки выявлены следы поселения (хозяйственные ямы, железные вещи – удила, коса, рыболовный крючок, топор, ножи), оставленные, по-видимому, русскими его жителями в XVI–XVII вв.

(Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф., Голдина Р.Д., 1972, с. 183; Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф., 1973, с. 156). Поскольку не описана керамика поселения, а хронология железных орудий труда приближительна, не исключено существование памятника в более раннее время. Отрядами КВАЭ обнаружены: славянская накладка на Благодатском I городище (Ютина Т.К., 1990, с. 125), арочная шумящая подвеска финского типа, железные кольчатые удила и булавка-спица (рис. 83-6, 7, 10) на Быргындинском IV поселении (Клюева Г.Н., 1984, с. 30, табл. III–5,7,9).

В 1984 г. учителем истории малопургинской школы В.В. Опариным передан бронзовый змеевик XIV в. (рис. 83-11), найденный учащимися в окрестностях села Малая Пурга (среднее течение р. Иж). Находка отлита в той же форме, что и опубликованный Н.Г. Первухиным змеевик из Глазовского уезда (Первухин Н.Г., 1896а, с. 126, рис. 118). В 1985 г. И.Г. Шапран обнаружила в верховьях р. Малая Сарапулка близ д. Пуроможга (Малопургинский район Удмуртии) селище с древнерусской керамикой XIII–XIV вв., имеющей примеси дресвы и, единично, раковины.

В 1997 г. первые древнерусские находки в пермской части Среднего Прикамья (Осинское Прикамье) обнаружил во время разведки Д.А. Салангин. На Большеголовнинском III поселении им выявлена древнерусская круговая посуда, свинцовые грузик и печать (пломба?) с неясными буквами или знаками, датирующиеся в целом XIII–XV вв. Аналогичная керамика с примесью дресвы обнаружена и на Нижегородщенском V поселении. Думается, что в этом регионе открытие других древнерусских памятников еще впереди.

§ 3. БАССЕЙН БЕЛОЙ

Отдельные находки древнерусского происхождения были обнаружены в данном регионе достаточно давно. Так, еще в 1914 г. в

ях р. Демы был найден Петровский клад золотоордынского времени (XIV в.), в состав которого входили и перстни – рубчатый X–XIII вв. и с овальным щитком, украшенным зернью и вставкой (Археологическая карта..., 1976, с. 106; Археологические памятники Башкортостана..., 1996, табл. 16–8, 9), близкий новгородской находке первой половины XIII в. (Седова М.В., 1981, с. 135, рис. 50–17). На Уфимском (Чертовом) городище выявлен железный замок древнерусского облика (Археологические памятники Башкортостана..., 1996, табл. 16–23), связанный, вероятно, с жилыми полуземлянками, отапливавшимися угловыми печами (Гарустович Г.Н., 1998, с. 11–13). В 1980-е гг. А.И. Лебедеву удалось обнаружить древнерусскую керамику на нескольких поселениях в северо-восточной части Башкирии (нижнее течение р. Ай). Так, на Усть-Айском, Метелинском II, Большеустьикинском, Юнусовском поселениях и Абдуллинском городище найдена толсто-стенная (в основном) круговая горшковидная

посуда черного или темно-коричневого цвета, реже белоглиняная, с примесью песка в тесте, имеющая различное оформление горловины и венчика и датирующаяся, очевидно, XIV–XVI вв. С этой керамикой связаны, по видимому, и находки некоторых других вещей (глиняных пряслиц и грузил, железных предметов). Зафиксированы также и отдельные хозяйственные ямы. Не исключено, что какое-то древнерусское присутствие было и на Гумеровском городище, где наряду с керамикой верхнекамского (родановского?) происхождения обнаружен лепной сосуд черного цвета с примесью талька, украшенный линейным орнаментом, и, возможно, связанные с этим же комплексом железные вещи (ножи, копья, серп), глиняное пряслице и обломки каменных жерновов. Следует полагать, что среди многих памятников Башкирии, отнесенных в целом к позднему средневековью, могут оказаться (если судить по описанию гончарной керамики) и древнерусские.

Глава VI. ИСТОРИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА ВОСТОЧНОЙ ПЕРИФЕРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ И В ПРИКАМЬЕ В X–XV ВВ.

Рассмотренные нами материалы позволяют обобщенно взглянуть на историю древнерусского заселения бассейна р. Камы в первой половине II тыс. н.э. (Макаров Л.Д., 1997б).

Северными и восточными соседями славян Восточной Европы были финно-угорские и тюркские племена. Враждебный характер взаимоотношений славян-земледельцев со степными кочевниками, преимущественно тюрками, хорошо известен из сообщений русских летописей. Возникновение государств – Древней Руси и Волжской Болгарии – до некоторой степени стабилизировало обстановку в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье. С конца VIII–начала IX в. (Янин В.Л., 1956, с. 81; Кропоткин В.В., 1968, с. 115) начинают складываться торговые контакты между этими новообразованиями, приобретшие не позднее второй половины X в. весьма тесный характер и ознаменовавшиеся, в конечном итоге, заключением мирных и политических договоров (Халиков А.Х., 1986, с. 7–14). Однако, вопреки отдельным утверждениям (Халиков А.Х., 1986, с. 7), отношения между ними были равноправными (Дубов И.В., 1989, с. 159; Полубояринова М.Д., 1993, с. 114–120). Наиболее активными в X–XI вв. были связи Волжской Болгарии с Киевом и Южной Русью (Путь из Булгара..., 1993). В это же время на берегах Волго-Камья появляются и первые славянские переселенцы, что надежно документируется как письменны-

ми, в основном арабскими, источниками (Халиков А.Х., 1986, с. 7–8), так и археологическими материалами (Полубояринова М.Д., 1993; Казаков Е.П., 1986, с. 82–86; Хлебникова Т.А., 1984, с. 170). В XII–XIII вв. преобладает приток населения из Северо-Восточной Руси. Исследователи предполагают существование особых торгово-ремесленных поселений в низовьях Камы и отмечают в числе их жителей и славяно-русских поселенцев (Халиков А.Х., 1986, с. 7; Казаков Е.П., 1991б, с. 347–349). О проживании в городах Нижнего Прикамья древнерусских ремесленников уже указывалось. Вклад этих мастеров из Древней Руси в развитие некоторых ремесел Волжской Болгарии представляется бесспорным, в то же время имел место и процесс восприятия русскими ремесленниками местных навыков. Судя по распространению находок в Нижнем Прикамье, выходцы из древнерусских земель занимались и сельскохозяйственным производством. Наряду со славянским здесь фиксируются и другие этнокультурные компоненты, попавшие сюда, в основном, с территории Древней Руси или тяготеющих к ней регионов, – балтоскандинавский и поволжско-финский (Казаков Е.П., 1986, с. 77–82; 1991б, с. 342–347; Измаилов И.Л., 1992, с. 104–105). Таким образом, одной из составных частей полиэтнического населения Волжской Болгарии являлись выходцы из Древней Руси, количество которых было, мо-

жет быть, и невелико, но оставленный ими след в экономике и культуре государства оказался весьма заметным.

Наибольшее число древнерусских находок выявлено в западной части Нижнего Прикамья, и имеются некоторые основания связать памятники этой части Волжской Болгарии с “серебряными болгарами” русских летописей – одним из возможных болгарских племенных объединений. Однако, какие-либо “нукратские болгары” (“нукрат” в переводе с арабского “серебро”) неизвестны восточным источникам (Фахрутдинов Р.Г., 1984, с. 15). Названием “Нукрат” именуют себя лишь чепецкие каринские татары (Али-Рахим, 1930; Степанов Р.Н., 1973, с. 17). Река Вятка в переводе с татарского – “Нократ суы”, “Нократ иделе”, что иногда переводится как “Серебряная вода” или “Серебряная река” (Захаров Д., 1990, с. 5). Река Нукрат известна и в татарском эпосе (Идегей..., 1990, с. 124, 125, 129, 136). В грамоте 1540 г., направленной Иваном Грозным “на Вятку, в Слободской городок верхний”, упомянута некая “Наугородская земля” (Документы по истории..., 1958, с. 52). Очевидно, “Нукрат” – искаженное от “Новгород” в болгарско-татарском прочтении, т.е. р. Вятка именовалась как “Новгородская река” (Ахметзянов М., 1991; Добродомов И.Г., 1994). Данный первоначальный смысл забылся и, по-видимому, стал объясняться болгарами из созвучного слова “нукрат” – “серебро”. В этом-то понятии и попали в русские летописи “серебряные болгары” (на самом деле – “болгары, проживавшие близ новгородской реки”), что может быть объяснено одним – сосредоточением здесь весомого древнерусского компонента. Как известно, “Повесть о стране Вятской” называет самыми первыми русскими поселенцами на Средней Вятке новгородцев, прибывших сюда в 1181 (1182, 1187 гг.) после 7-летнего прибывания в городке на Нижней Каме (Повесть..., 1905, с. 28–29). В то же время есть сведения, что жители с. Челны считали себя потомками новгородцев, часть которых

ушла на Вятку (Спицын А.А., 1883, с. 148). Степень достоверности этих фактов остается под вопросом, однако приведенные выше археологические материалы свидетельствуют об этнокультурной специфике прикамской части Волжской Болгарии, что и отразилось в особом названии ее жителей. Отмечу, что именно в нижнекамском регионе наиболее активно шли процессы интеграции керамических традиций славян, пермских и верхневолжских финнов с тюрками (Васильева И.Н., 1988, с. 106–107, 113–133). Не исключено, что после разгрома Волжской Болгарии Батыем часть древнерусского населения мигрировала в Марийско-Чувашское Поволжье, на Среднюю и Нижнюю Вятку, на северо-восток к Башкирии, в бассейн Сылвы и Среднее Прикамье, а оставшееся в живых местное нетюркское население постепенно растворилось в преобладавшей тюркоязычной среде. В золотоордынский период, в основном в XIV в., приток древнерусского населения в Нижнее Прикамье не только не прекратился, но и существенно возрос, причем не обязательно за счет исключительно пленных, – возможна миграция сюда и вольнопоселенцев-ремесленников. А вот в казанское время последнее вряд ли происходило.

Многие из финно-угорских племен упоминаются “Повестью временных лет” в качестве данников Руси еще в середине IX в.: “Чудь, Меря, Везь, Мурома, Черемись, Мордва, Пермь, Печера...”. К концу XI в. относится сообщение о новгородских походах далеко на северо-восток – в Югру. Следом за сборщиками дани в новые земли двинулись промысловики, а затем и земледельцы. Первые славянские поселенцы появились в Подвинье в XI–начале XII в. В процессе продвижения на северо-восточные окраины славяне вступают в контакт с местными финскими племенами, положив начало интеграции последних в древнерусское общество. Об этом свидетельствуют и грунтовые могильники XI–XIII вв., имеющие и славянские, и финские черты (Назаренко В.А., Овсянников О.В., Рябинин Е.А., 1984, с. 213–214; Макаров Н.А.,

1986; 1984; 1990, с. 29–32, 43–44; 1997, с. 146–155). Особенно активно славянское население начинает проникать в местную финно-угорскую среду во второй половине XII в. (Седов В.В., 1982, с. 196). На протяжении XII и XIII столетий новгородцы и ростовцы создают здесь свои опорные пункты, причем поселения возникают даже в бассейне р. Вычегды, где славянские и смешанные славяно-финские группы осваивают и пригодные для земледелия южные пространства (Савельева Э.А., 1995, с. 27–46).

Еще одним важнейшим центром славянской колонизации было Волго-Окское междуречье. Его южная часть явилась местом расселения вятичей, расширивших свой ареал в XI в. до р. Москвы, а в XII–XIII вв. – до верховьев р. Клязьмы (Седов В.В., 1982, с. 151). Волго-Клязьменское междуречье, населенное финскими племенами, начиная с IX в. осваивается группами кривичей и новгородских словен (Горюнова Е.И., 1961, с. 183–188; Дубов И.В., 1982, с. 40–45). В составе новгородских поселенцев были и финно-скандинавские группы (Седов В.В., 1982, с. 188–189, 195; Дубов И.В., 1982, с. 56–57; Лебедев Г.С., 1985, с. 221–227). Кривичская миграция особенно активно развивалась с XI в., в основном охватив правобережье р. Волги (Горюнова Е.И., 1961, с. 183–185; Седов В.В., 1982, с. 189, 195). В процессе освоения региона местные финны были включены в этногенетические процессы, в ходе которых подверглись славянской ассимиляции (Розенфельдт Р.Л., 1976, с. 11–12; Дубов И.В., 1982, с. 73–75). Темпы и этапы смешения славян и финнов удалось проследить по курганным материалам А.Е. Леонтьеву и Е.А. Рябинину (1980, с. 69–79; Рябинин Е.А., 1986, с. 108–118, 128–129). Позднее ими же эти процессы были прослежены на более широком массиве источников (Леонтьев А.Е., 1996, с. 271–291; Рябинин Е.А., 1997). Сложившаяся на этой территории Ростово-Суздальская земля активно расширяла свои владения на северо-восток,

что вызвало противодействие Новгорода. Однако именно ростовская колонизация охватила верховья Северной Двины, где в 1178 г. возникает г. Гледен, а затем и Устюг, перекрывавшие новгородское продвижение на юг – в бассейн р. Камы.

Этот период характеризуется стремлением князей Владимиро-Суздальской Руси расширить свое политическое влияние на территорию Среднего Поволжья и Заволжья. Политические акции, проводившиеся ими в ожесточенном соперничестве с Волжской Болгарией, выразились в строительстве городов-крепостей: Городца (между 1164 и 1172 гг. (Кучкин В.А., 1984, с. 91–92)), Унжи (конец XII в. (Кучкин В.А., 1984, с. 93–94)), Нижнего Новгорода (1221 г.). На левобережье Волги, между р. Унжа и р. Керженец, выявлены и сельские поселения XII–XIII вв. (Архипов Г.А., 1982, с. 5–25; Коновалова З.С., 1992; 1995). Выход русских в Среднее Поволжье, закрепленный основанием военно-политических форпостов, привел в конечном итоге и к появлению их в северных районах Прикамья.

Средняя Вятка начала заселяться славянами и ославяненными финнами во второй половине XII–начале XIII в. Первыми русскими колонистами региона были как новгородцы, использовавшие для проникновения сюда северные притоки р. Вятки, так и ростовцы, имевшие возможность попасть на Вятку и с севера, и с запада. Особенности обоих компонентов на археологических материалах (керамика, украшения) если и прослеживаются, то весьма слабо. Аборигенное удмуртское население, оказавшее поначалу вооруженное сопротивление дружинам пришельцев, в дальнейшем участвует не только в экономической, но и в политической жизни региона. Вместе с колонистами удмурты составляют население Никулицынской и Котельничской волостей, а их племенная верхушка наряду с русским руководством становится основой вятского боярства (Макаров Л.Д., 1989; 1991в; 1993б). На-

селение Пижемской волости состояло, судя по керамике, только из славянских поселенцев (Макаров Л.Д., 1994а, с. 170). Отдельные славянские поселки возникают в это время и по нижнему течению Вятки (Макаров Л.Д., 1992а).

Монголо-татарское нашествие усилило поток переселенцев с территории Владимиро-Суздальской и Южной Руси, принесших с собой традиции постройки полуземляночных жилищ и оборонительных укреплений, а также предметы киевского происхождения. В дальнейшем Волго-Окское междуречье и устюжские владения ростовцев стали теми регионами, из которых направлялся на Вятку основной поток колонистов. Отмеченное по письменным источникам известное изолированное положение Вятской земли в составе русских территорий обусловило и оформление в этом регионе политической автономии, сохранявшейся на протяжении XIII–XV вв. Итак, в середине второй половины XIII в. полиэтничное население края консолидируется в единое государственное целое – Вятскую землю с центром в г. Вятке (Хлынове), имевшую вечевую форму правления. По сравнению с классическими народоправствами Древней Руси – Новгородом и Псковом – Вятская республика имела ряд присущих только ей особенностей: отсутствие института княжеской власти; военизированный характер исполнительной власти; автономную церковную организацию; более архаичную вечевую систему (Макаров Л.Д., 1993а; 1994в). Набеги новгородских ушкуйников и золотоордынских отрядов на вятские поселения обусловили их значительные перестройки, выразившиеся в усилении оборонительных укреплений и изменении планировки на ряде памятников. В 1489 г. Вятская республика была ликвидирована, часть ее руководства казнена, а остав-

шаяся переселена в подмосковные земли. С конца XV в. на Вятку переместилось значительное количество переселенцев из северорусских земель, что нашло отражение в особенностях языка, фольклора, топонимики, материальной культуры.

Древнерусское население принесло с собой на Среднюю Вятку те черты, которые характеризуют экономику русского государства эпохи развитого средневековья. Основой экономической жизни региона было сельское хозяйство. Анализ зернового материала показал, что важнейшими культурами на Вятке являлись рожь, пшеница и овес, но выявлены также ячмень, гречиха, горох, бобы, конопля, лен*. Господствовала паровая система земледелия в форме двухполья, трехполья и других ее переходных форм, но сохранялись и более архаичные подсека и перелог. Важное значение в хозяйстве вятчан занимало скотоводство. Osteологический материал показал характерный для большинства славяно-русских памятников лесной полосы состав стада: преобладание крупного рогатого скота и свиней и незначительный процент мелкого рогатого скота и лошадей**. Стойловое содержание скота и пастушеская форма выпаса также являлись обычными для регионов, подобных Вятской земле. Из промыслов наиболее важными были охота как пушная, так и с целью добычи мяса (находки костей диких животных), а также рыболовство (многочисленные орудия лова, кости и чешуя рыб) и бортничество. В городах Вятской земли и отчасти на селищах зафиксированы следы различных ремесел: металлургического и кузнечного, ювелирного и гончарного, деревообрабатывающего и сапожного. Изолированность Вятки придала торговым связям ограниченный характер, не выходящий за рамки достаточно тесного и узкого рынка.

* Определение Н.А. Кирьянова, В.В. Туганаева, Т.П. Ефимовой, за что автор глубоко признателен.

** Osteологический анализ проведен А.Г. Петренко, и автор благодарен ей за оказанную любезность.

В XI–XII вв. Верхнее Прикамье было даннической территорией Новгорода, а с XIII в. на родановских поселениях появляется древнерусская керамика домонгольского облика, документирующая появление славян в регионе. По-видимому, к этому времени здесь уже существовали разрозненные туземные раннефеодалные княжества, известные с XIV в. под общим названием Пермь Великая. Пока неясны ни размеры, ни структура, ни степень “зрелости” этих образований, но вряд ли они имели какие-то четкие признаки развитой государственности. С началом массовой миграции русских в XIV – начале XV в. история Перми Великой вступает в качественно новую фазу: возникают первые поселения городского типа, как “чисто” русские (Анфаловский), так и с участием коми-пермяков (Искор, Чердынь), ставшие центрами волостного характера, но одновременно сохраняются и пермяцкие родовые “гнезда”. Ядром складывающегося полиэтничного государства являлась сравнительно небольшая территория в низовьях рек Колвы и Вишеры и прилегающего течения р. Камы, где особенно ощутимым было присутствие русских поселенцев. Но процесс сложения сильной Перми Великой был насильственно приостановлен в 1451 г., когда сюда был направлен в качестве наместника Москвы “от роду вереиских князей” Михаил Ермолич (Вычегдо-Вымская..., 1958, с. 261). При этом пермяцкая знать сохранила, по-видимому, не только свои родовые владения (Бординских Г.А., 1994, с. 22–27), но и политическое влияние. Не исключено, что решение об отказе пермского руководства от участия в походе на Казань в 1471 г. было принято под давлением “княжат”. Неспроста в ходе карательной акции Ф. Пестрого на Пермь в 1472 г. родовые владения местной знати, попытавшейся оказать сопротивление, были разорены, а столичная Чердынь, где жил наместник, осталась нетронутой. Таким образом, внут-

ренняя оппозиция политике московского наместника была разгромлена. Пермь Великая из государства со складывающимися вечевыми традициями преобразовалась, по существу, в удельное княжество великопермских князей, претендовавших на какую-то форму политической автономии. Поэтому логичным завершением пермской государственности явилось отстранение местных князей от власти (1505 г.), ликвидация остатков независимости территории и установление статуса периодически сменяемых наместников.

В верховьях р. Чепцы происходили аналогичные процессы: в конце I–начале II тыс. н.э. крупные городища становятся племенными центрами, а такие, как Иднакар приобретают, по мнению М.Г. Ивановой (Иванова М.Г., 1991, с. 52–55), признаки протогорода. Характерно, что здесь в X–XII вв. появляются славянские древности, а в конце домонгольского периода обнаруживается и керамика, сделанная по славянским образцам – явный признак древнерусского присутствия на поселении. В середине XIII в. процессы становления государственности в бассейне р. Чепцы были прерваны. Таким образом, суверенная государственность в различных ее формах на севере Прикамья к концу XV в. была ликвидирована, вся эта территория вошла в состав Московского государства (Макаров Л.Д., 1995а). **Регионы юго-восточной части бассейна р. Камы** (Среднее Прикамье, бассейны Сылвы и Белой) заселялись древнерусскими людьми, по-видимому, лишь в золотоордынское время и весьма малочисленными коллективами. Исходными районами их миграции могли быть как территория Волжской Болгарии, так и Северное Прикамье, хотя не исключается вероятность инфильтрации сюда и выходцев из собственно Древней Руси. Внутренние пространства камского бассейна (верховья Камы и Вятки, таежные районы северных притоков этих рек, глубокие территории Камско-Вятского и Волго-

Вятского междуречий) осваиваются русскими поселенцами в относительно более поздний период – по-видимому, не ранее XIV–XV вв. (Макаров Л.Д., 1994б). Лесостепные и степные просторы Закамья и

бассейна р. Белой заселяются в эпоху, уже выходящую за рассматриваемые хронологические рамки, – во второй половине XVI–XVII вв.

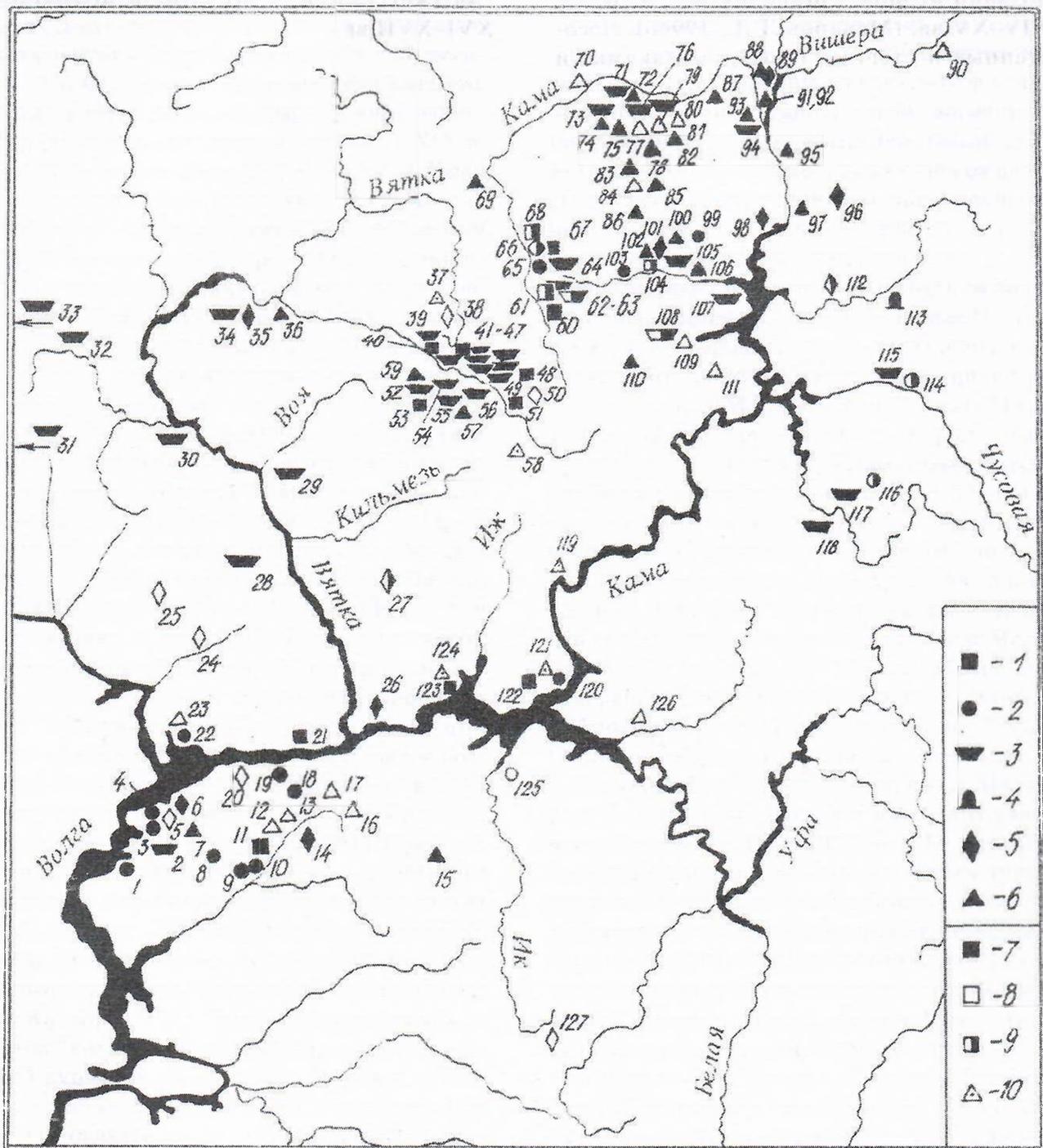

Рис. 1. Материалы древнерусского импорта на средневековых памятниках Прикамья.

1 – городище; 2 – селище; 3 – могильник; 4 – пещера; 5 – клад; 6 – местонахождение, находка; 7 – домонгольские; 8 – золотоордынского времени; 9 – оба периода; 10 – дата неизвестна.

Нижняя Камя: 1 – Головкинское (пряслице); 2 – Танкеевский (пряслице); 3 – Соколовское I (пряжка); 4 – Малиновское I (X-видная накладка); 5 – Семеновский II (рус. монеты); 6 – Семеновский I (пряслице); 7 – Салманская (меч франкского типа); 8 – Арбузовское (пряслице); 9 – Краснореченское II (пряслице); 10 – Кузнечиха (острие с кольцом); 11 – Сувар (пряслица); 12 – с. Гурьевка (слитки); 13 – с. Арбузов Баран (слитки); 14 – с. Элмед (куфич. монеты со скандинавскими граффити); 15 – д. Альметьево (меч типа Е); 16 – с. Русское Утяжикино (слитки); 17 – с. Николаевка (слитки); 18 – Большекрасноярское (пряслице); 19 – Остолоповское (пряслица); 20 – Христофоровский (рус. монеты); 21 – Троицеурайское (пряслице); 22 – Мысинское (пряслице); 23 – с. Ташикирмень (слитки); 24 – с. Сосновка (рус. монеты); 25 – с. Светино (рус. монеты); 26 – Елабужский (слитки, височные кольца).

Средняя Вятка: 27 – Орловский (слитки, плетеный браслет); 28 – Лопьяльский; 29 – Буйское погребение (фибула); 30 – Кочергинский (топор, монетовидная подвеска, бусы); 31 – Веселовский (украшения, топоры, керамика, кресала, крестопорезные бубенчики); 32 – Юмский (перстни, расческа, топор); 33 – «Черемисское кладбище»; 34 – Стрижевский; 35 – Вятский (византийские монеты); 36 – Баевское (топор).

Верхняя Вятка: 37 – Скочинская (слиток); 38 – Лопаревский (слитки).

Чепца: 39 – Кузьминский (фибулы, бусы, острие с кольцом, топоры, рубчатые перстни, височные подвески, пряжки, птицевидные и кольцевидные подвески, плетеный браслет); 40 – Кушманское (ключ, футляры от расчесок); 41 – Чемшай (скандинавская фибула, топор, герм. монета); 42 – Дондыкар (ключ); 43 – Чиргинский (крестовключенные подвески, лунница, бусы); 44 – Квалярский (фибула); 45 – Солдырский II (кресало, бусы); 46 – Мыдланый (замок); 47 – Кабаковский (кресты с эмалью, герм. и дат. монеты); 48 – Вельякарское (гребень); 49 – Вельякарский (крестик, рубчатый перстень, англосаксонские монеты); 50 – Бабинский (слитки); 51 – Гординовское I (Гурьякар) (топор, гребень, футляр от расчески); 52 – Маловенижский (фибула); 53 – Маловенижское (фибула, пряслице, ключ, гребень); 54 – Меметовский (кресала); 55 – Качкашурский (пряслице, фибула, топор, рубчатый перстень, витой браслет, кресала, герм. монета, крестопорезные бубенчики); 56 – Омутницкий (крестовключенная подвеска); 57 – Ягошурская (гривна); 58 – Зуринская волость (слитки); 59 – Хуторские (птицевидная подвеска).

Верхокамье: 60 – Буждог (сошинок); 61 – Шудьякар (замок, ключи, пряжка, фибулы); 62 – Аверинский I (серьга в виде ?, многобусинное височное кольцо, косорешетчатые подвески, бусы, иконка); 63 – Аверинский II (крестик); 64 – Тиминский (Волжиревский) (сошинок); 65 – Порубовское (топоры); 66 – Русиновское II (замок); 67 – Гортушетское (топор); 68 – Боровское (Абаритатское) (топор); 69 – Масленниковские (слитки).

Верхнее Прикамье: 70 – д. Логинова (лунница); 71 – Агафоновский II (крест «скандинавского типа», бусы, браслет); 72 – д. Харина (ключ); 73 – Бурдаковский (решетчатая подвеска); 74 – д. Иванчина (птицевидная подвеска); 75 – д. Данилова (птицевидная подвеска, ключ); 76 – д. Елева (в т.ч. из могильника) (крест с эмалью, решетчатая подвеска, перстни, птицевидная подвеска, сошинок); 77 – р. Лолог (медный кистень); 78 – д. Мазунина (птицевидная подвеска); 79 – д. Модороб (решетчатая подвеска, бронзовая булава); 80 – д. Михалева (в т.ч. из могильника) (крест с эмалью, крестопорезной бубенчик, птицевидная, решетчатая и монетовидная подвески, перстень); 81 – д. Златина (перстень); 82 – д. Федорова (пряжки); 83 – д. Сальниково (ранневизант. блюдо); 84 – д. Коча (сапожная подковка); 85 – д. Вотяки (слиток новгород. типа); 86 – р. Косыл (лунница); 87 – д. Гаврикова (меч типа Е); 88 – д. Лимез (монетовидная подвеска); 89 – Чердынский (англосаксонские монеты XI в.); 90 – Велсовский завод (шлем с бармицей); 91 – д. Сартакова (створчатый браслет); 92 – р. Лызовка (монетовидная подвеска); 93 – д. Малый Шакшер (слитки киевского типа); 94 – Мало-Аниковский (слиток); 95 – д. Пеняхино (серебряный сосуд); 96 – Чигиробский (слиток киевского типа); 97 – д. Клешиково (серебряный сосуд); 98 – Кырдымский (створчатый браслет); 99 – Вакинское (решетчатая подвеска, лунницы); 100 – д. Новосела на р. Велва (медная булава); 101 – Мальцевский (серебряное визант. блюдо); 102 – д. Кипрушева (иглольник); 103 – Мартыново (лунница); 104 – Кудымкарское (пряжка, фрагмент стеклянного браслета); 105 – Плотниковский (перстень); 106 – д. Дубленова (рубчатый перстень); 107 – Аношкар (писанка); 108 – Рождественский (подвеска со знаком Рюриковичей, перстень, крестопорезные бубенчики, бусы, кресты XIV–XV вв.); 109 – с. Рождественское (монетовидная и птицевидная подвески, перстни, топор); 110 – д. Верх-Язьва (витой браслет); 111 – д. Белошейка (конская подковка); 112 – Романовский (посуда, украшения); 113 – Чаньвенская (саксонские монеты XI в.); 114 – Телячий Брод (лунница, монетовидная подвеска, перстень, ключ); 115 – Телячий Брод (монетовидные подвески).

Сытва: 116 – Бартымское I (фрагмент замка, ключ); 117 – Селянино Озеро (височное кольцо, пряжка); 118 – Кишертский (медальон оплечья, острие с кольцом).

Среднее Прикамье и Белая: 119 – Перевозничское (слиток); 120 – Быргындинское IV (булавка-спица, шумящая подвеска, удила); 121 – Быргындинское II (слитки); 122 – Ильинское (Нырғындынское I) (бронзовая булава); 123 – Благодатское I (накладка); 124 – Алашская волость (слитки); 125 – Бикбуловское (перстень); 126 – с. Верхний Малый Калмаш (слитки); 127 – Петровский (перстни).

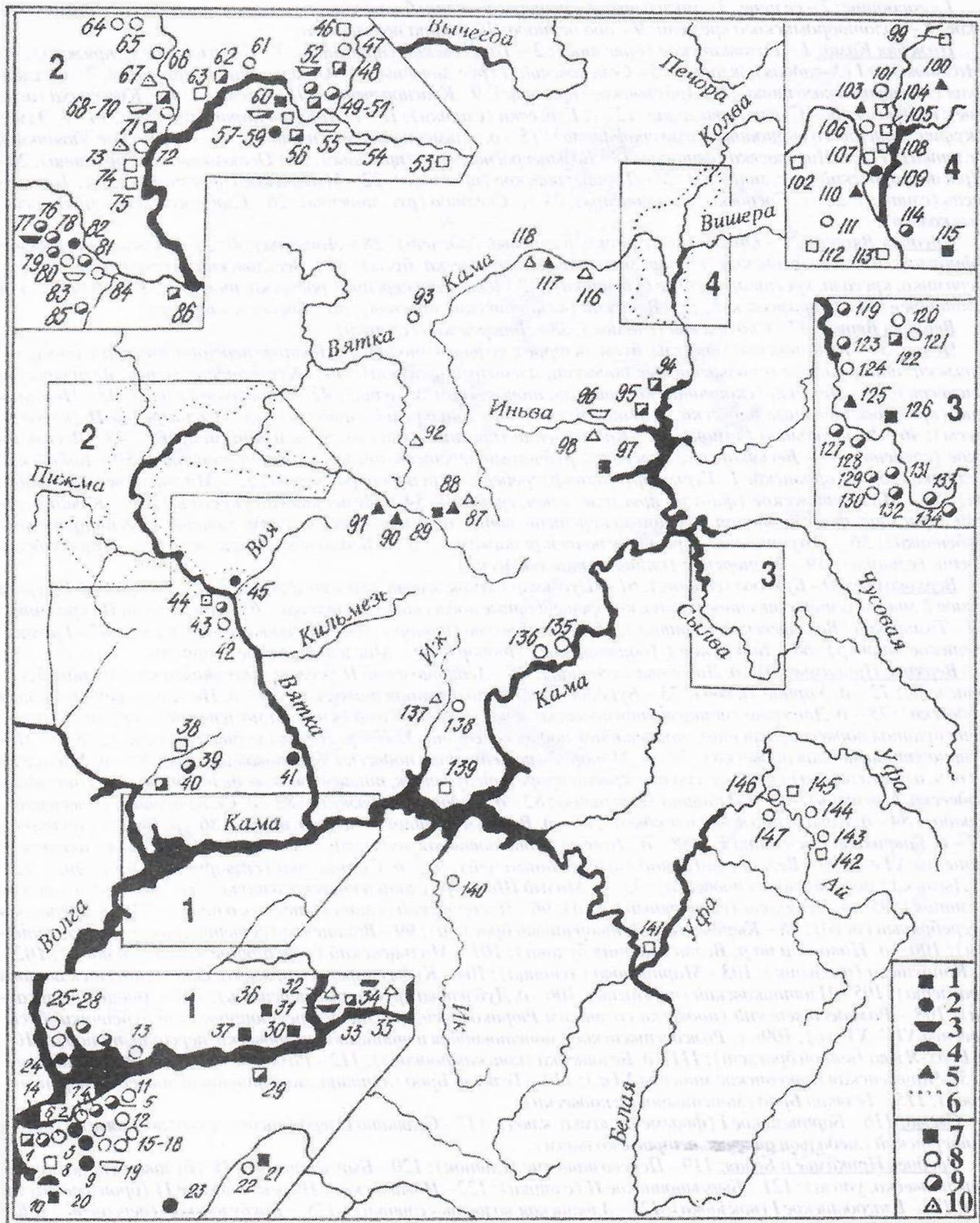

Рис. 2. Археологические памятники бассейна реки Камы с признаками пребывания выходцев из Древней Руси. 1 – городище; 2 – селище; 3 – могильник; 4 – курганы; 5 – местонахождение, находка; 6 – условные границы Вятской земли и ядра Перми Великой; 7 – домонгольские; 8 – золотоордынского времени; 9 – оба периода; 10 – дата неизвестна.

Нижняя Кама: 1 – Болгар; 2 – Семеновское I; 3 – Измерское I; 4 – Мурзихинское I; 5 – Алексеевское VI; 6 – Новомордовское (энколпион); 7 – Семеновское V; 8 – Старокуйбышевское; 9 – Старокуйбышевское IV; 10 – Бальмерское; 11 – Разбойничий Остров (крест); 12 – Дамба I (Алексеевское у дамбы или Песчаный Остров); 13 – Мансуровское; 14 – Семеновское II; 15 – Нижнемарьянское; 16, 17 – Коминтерновские II и III; 18 – Березогривское; 19 – Христофоровский; 20 – Бальмерские; 21 – Биляр; 22 – Билярское III; 23 – Старобарановское III; 24 – Тетеевское VIII; 25, 26 – Рождественские V и VIa; 27 – Богородицкое (энколпион); 28 – Лаишевское; 29 – Джукетау; 30 – Грохань; 31 – Котловский; 32 – Танайские II (птицевидные подвески); 33 – Елабужское (Чортово); 34 – Ананьинский (украшения); 35 – Староселищенские (подвеска-конек, керамика); 36 – Кирменское; 37 – Чалыньское; 38 – Камаевское; 39 – Руссо-Урматское; 40 – Казань.

Нижняя Вятка: 41 – Изран.

Средняя Вятка: 42 – Уржумское; 43 – Мысы IV; 44 – Лебяжское; 45 – Ботылы IV; 46 – Слободское; 47 – Родионовское; 48 – Подчуришское; 49 – Никульчинское; 50, 51 – Никульчинские II, IV; 52 – Никульчинский I; 53 – Кривоборское; 54 – Северюхинский; 55 – Усть-Чепецкий; 56 – Чижевское; 57 – Хлыновское; 58 – Хлыновское; 59 – Хлыновский I; 60 – Вятское; 61 – Большеждановское; 62 – Орловское; 63 – Тороповское; 64 – Вязовое; 65 – Барзичи II; 66 – Спасское; 67 – Нижнекордаковская (нож); 68–70 – Шабалинские; 71 – Ковровское; 72 – Искра; 73 – Исковская (наконечник стрелы); 74 – Котельничское; 75 – Скорняковское; 76 – Еманаевское I; 77 – Еманаевский; 78, 79 – Еманаевские IV, II; 80–82 – Покста I–III; 83 – Покста; 84 – Худяковское; 85 – Грековское; 86 – Пижемское.

Чепца: 87,88 – Глазовский уезд (змеевик, привеска-иконка); 89 – Иднакар; 90 – Качкашурская (амулет-топорик); 91 – Нижнекузьминская (браслетовидные височные кольца).

Верхняя Вятка: 92 – Киришатское (эфес палаша).

Верхокамье: 93 – Гидаевские (керамика, привески).

Верхняя Кама: 94 – Роданово; 95 – Кыласово (Аношкар); 96 – Кудымкарский; 97 – Рождественское; 98 – Пешигортская; 99 – Искор; 100 – Чердынский уезд (крест «скандинавского типа»); 101 – Покчинское; 102 – Красная Горка; 103 – Чердынская («Перун»); 104 – Чердынь; 105 – Лобанихинское; 106 – Мелехинское; 107 – Корнинское; 108 – Редикорское; 109 – Пянтежское («Перун»); 110 – Пермская губерния (амулет-топорик); 111 – Пустой Урол; 112 – Урольское; 113 – Эсперово; 114 – Пенягинское; 115 – Городищенское (крест, лунницы, пряжка); 116 – д. Пятигоры (крест); 117 – Старица (крест «скандинавского типа», перстень); 118 – Гайнская волость (энколпион, крест с эмалью).

Сылва: 119 – Елкинское; 120 – Верх-Саинское IV; 121 – Пуздринское II; 122 – Верх-Саинское I; 123 – Усть-Мечкинское; 124 – Шубинское; 125 – Кунгурский уезд (энколпион); 126 – Стрелка; 127, 128 – Кишерттские I, II; 129 – Сасыковское II; 130 – Опалихинское; 131 – Тохтаревское; 132 – Усть-Иргино; 133 – Ярушинское; 134 – Чекарда.

Средняя Кама: 135 – Нижнегородищенское V; 136 – Большеголовнихинское III; 137 – Малопургинская (змеевик); 138 – Пуромозгинское; 139 – Зуево-Ключевское I; 140 – Мелятамакское.

Белая: 141 – Уфимское (Чортово); 142 – Гумеровское (?); 143 – Юнусовское; 144 – Большеустыкинское; 145 – Абдуллинское; 146 – Усть-Айское; 147 – Метелинское II.

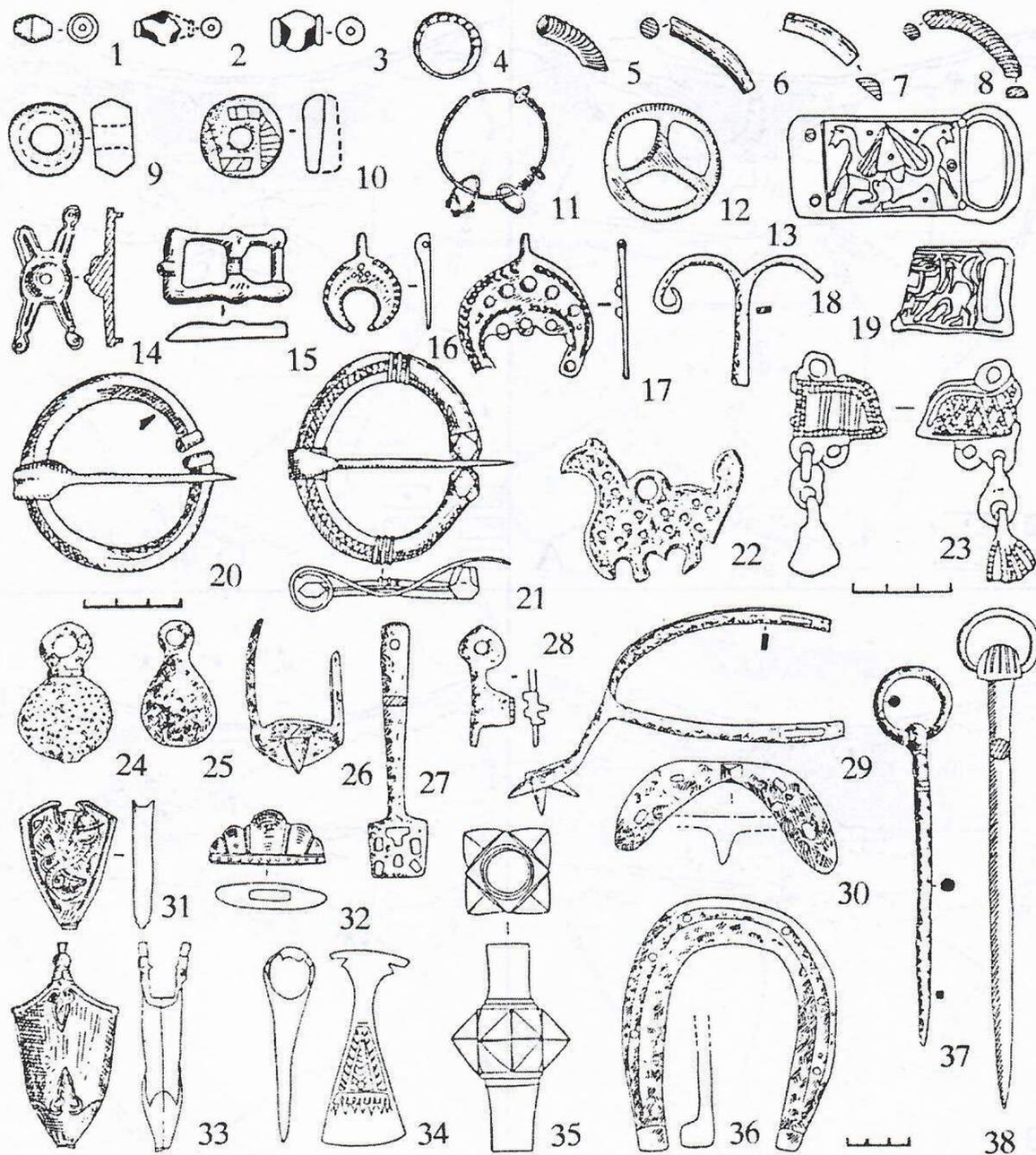

Рис. 4. Древнерусский импорт на нижнекамских памятниках Волжской Болгарии.
 1-4, 7, 8, 10-13, 16, 17, 22, 24-26, 38 - Билляр; 5, 6, 9 - Казань; 14 - Малиновское I; 15 - Соколовское I;
 18, 23 - Семеновское III; 19 - Семеновское V; 20 - Мурзихинское; 21 - Измерское I селища;
 37 - Коминтерновское II городище (1, 9, 10 - шифер; 2, 3, 5-8 - стекло; 11 - серебро; 4, 12-17, 19-23, 29, 30,
 33, 35 - бронза; 18, 24-28, 31, 32, 34, 36-38 - железо). 1-3 - бусы; 4 - перстень; 5-8 - браслеты;
 9, 10 - пряслица; 11 - височная подвеска; 12 - ременный разделитель; 13, 15, 19 - пряжки; 14 - накладка;
 16, 17 - привески-лунницы; 18 - светец; 20, 21 - фибулы; 22, 23 - зооморфные подвески; 24, 25 - кистени;
 26 - ледоходный шип; 27, 28 - ключи; 29 - шпора; 30, 36 - конские подковы; 31, 33 - наконечники ножен
 мечей; 32 - навершие меча; 34 - топор; 35 - булава; 37, 38 - острия с кольцами.

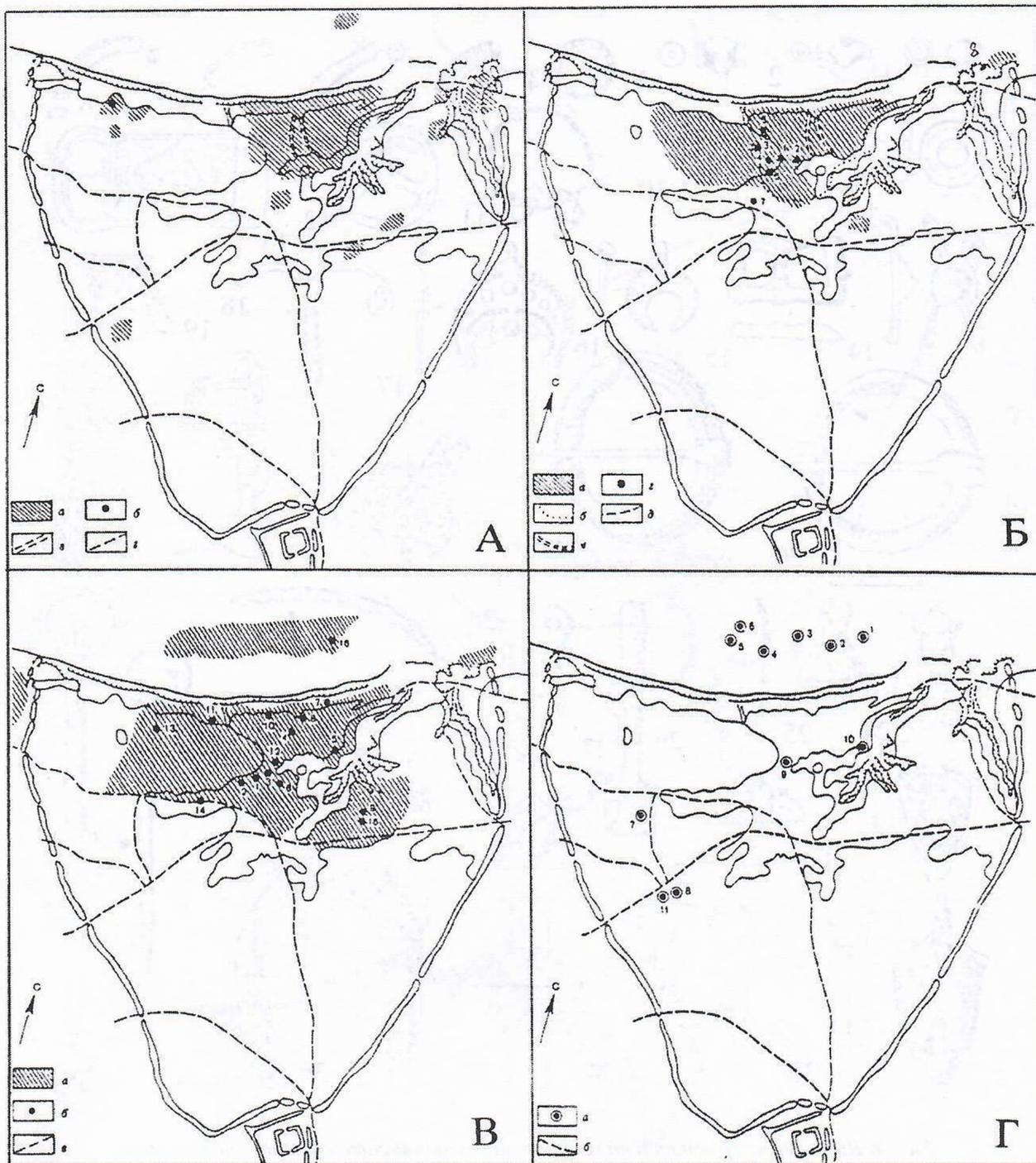

Рис. 5. Этапы роста Болгарского городища в X – XV вв. и признаки присутствия на его территории древнерусских поселенцев (по М.Д. Полубояриновой, 1993).

- А. X – начало XI в. (а – распространение слоев; б – пункты находок древнерусской керамики; в – рвы; г – дороги). Б. Вторая половина XI – начало XIII в. (а – распространение слоев; б – «замочный вал» XII – начала XIII в.; в – рвы X в.; г – пункты находок древнерусской посуды; д – дороги). В. Вторая половина XIII – начало XIV в. (а – распространение слоев, б – пункты находок древнерусской керамики; в – дороги). Г. XIV – начало XV в. (а – раскопанные жилища с древнерусской керамикой; б – дороги).

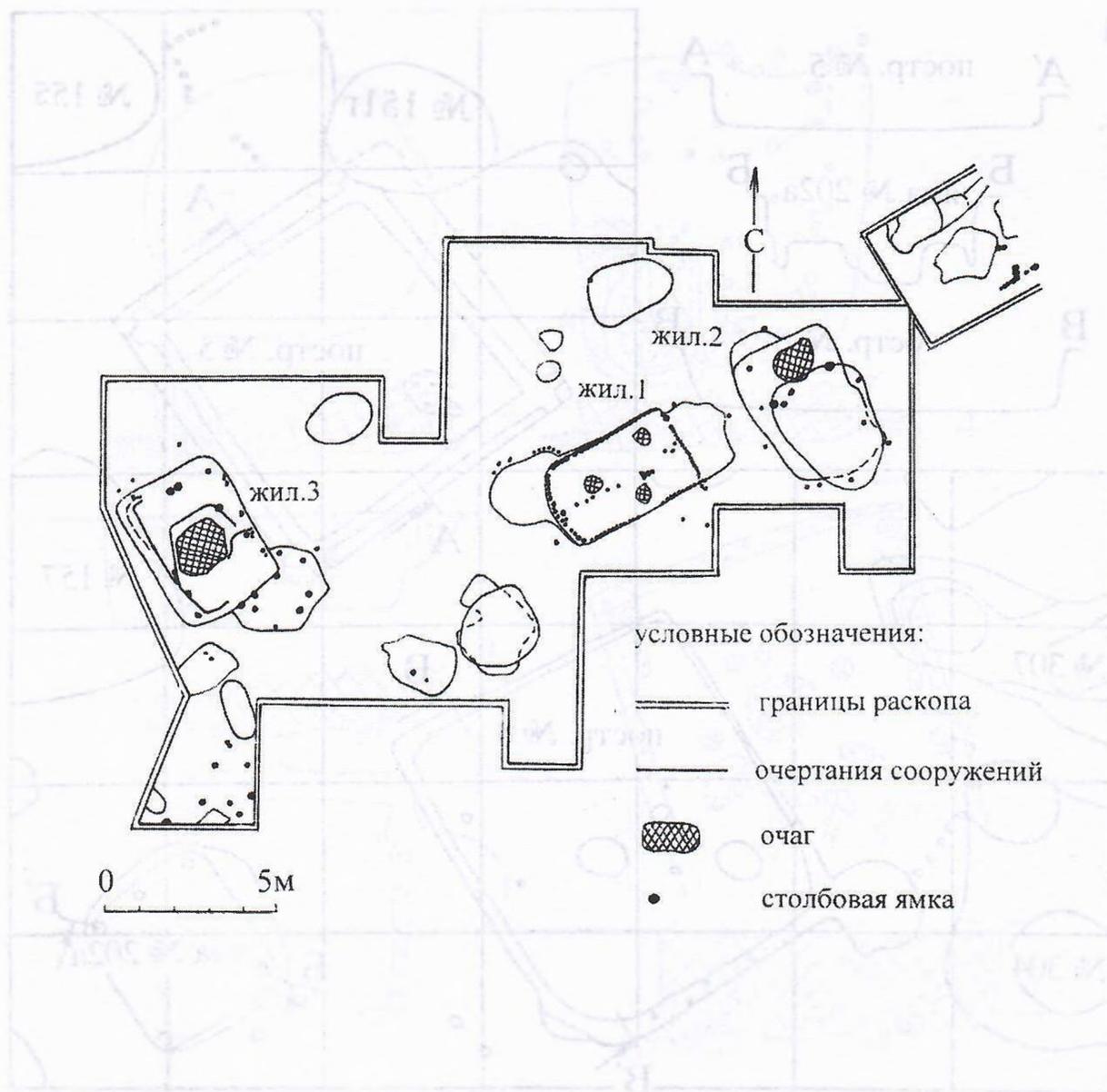
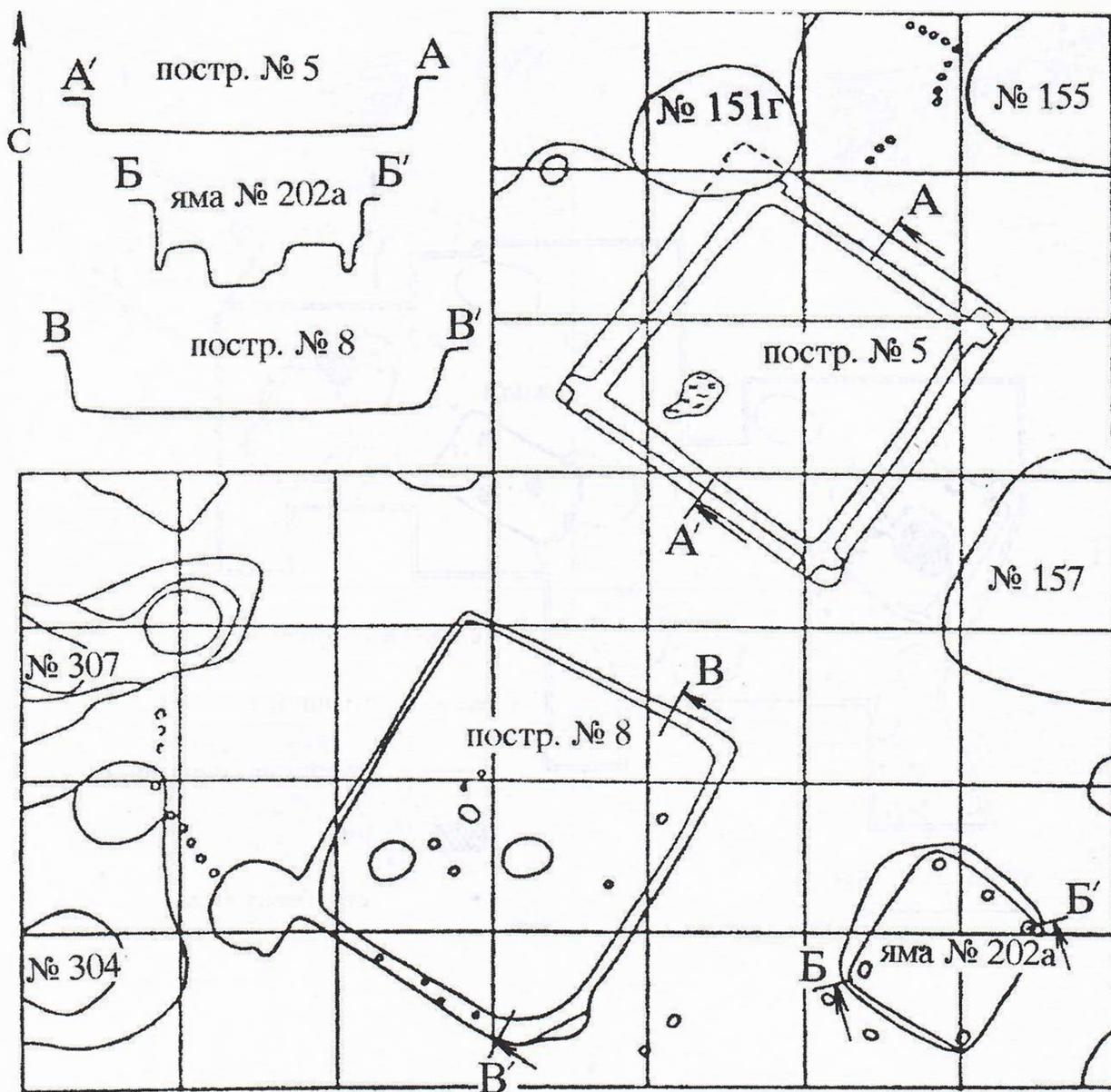

Рис. 6. Часть древнерусского поселка второй половины XIII – первой половины XIV в. в заречной части Болгара (по Т.А. Хлебниковой, 1956).

0 80 160 240 см

Рис. 7. Билярское городище. План и профили древнерусских сооружений раскопа XXIII
(по Ф.Ш. Хузину и С.И. Валуллиной, 1986).

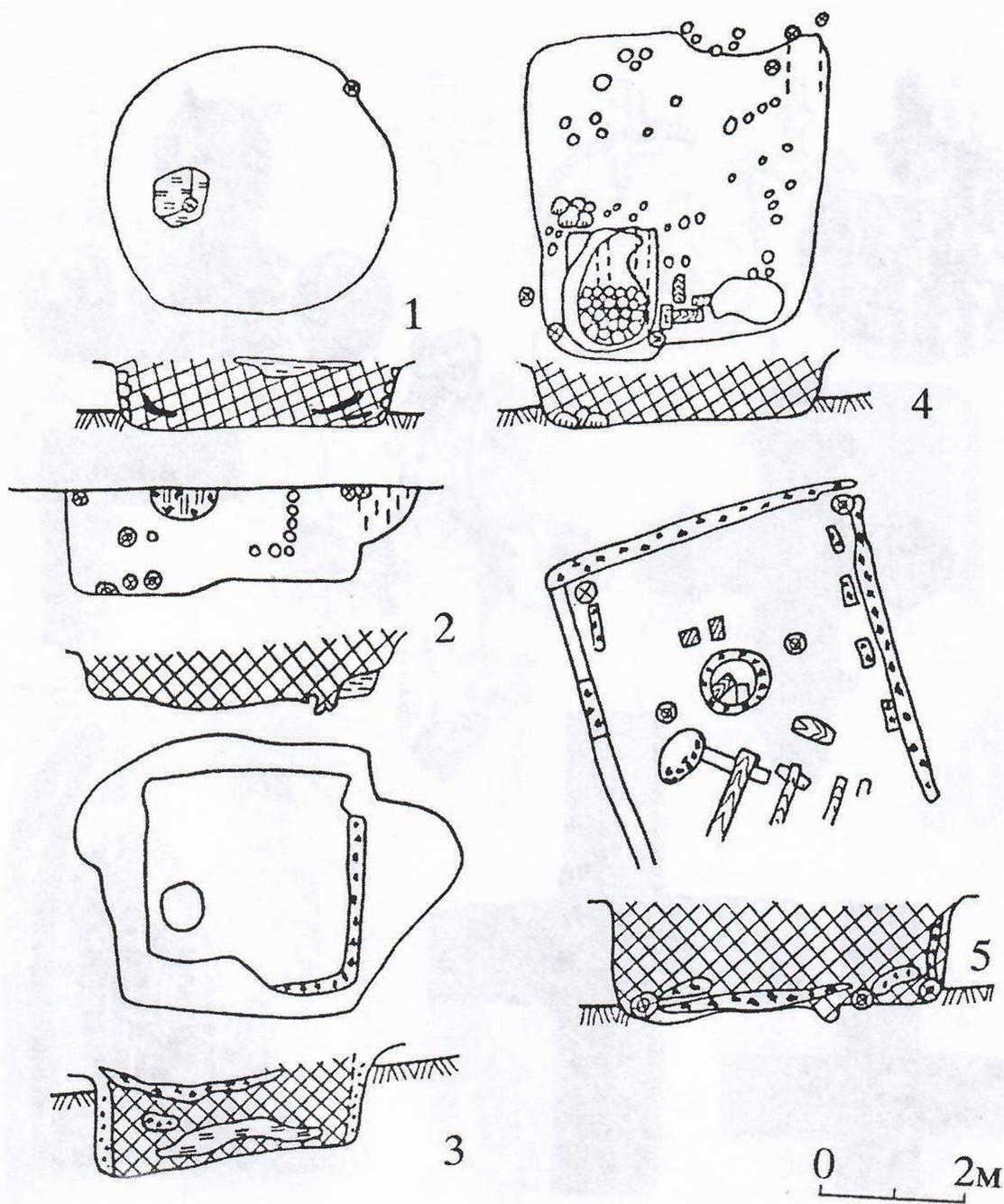

Рис. 8. Планы и профили жилищ с древнерусскими находками из г. Болгара
(по М.Д. Полубояриновой, 1993).

1 – жилище 1 (раскоп VI, 1953); 2 – жилище 4 (раскоп IV, 1953); 3 – жилище 6 (раскоп LXII, 1979);
4 – жилище 1 (раскоп VII, 1953); 5 – жилище 2а (раскоп XXXVI, 1970).

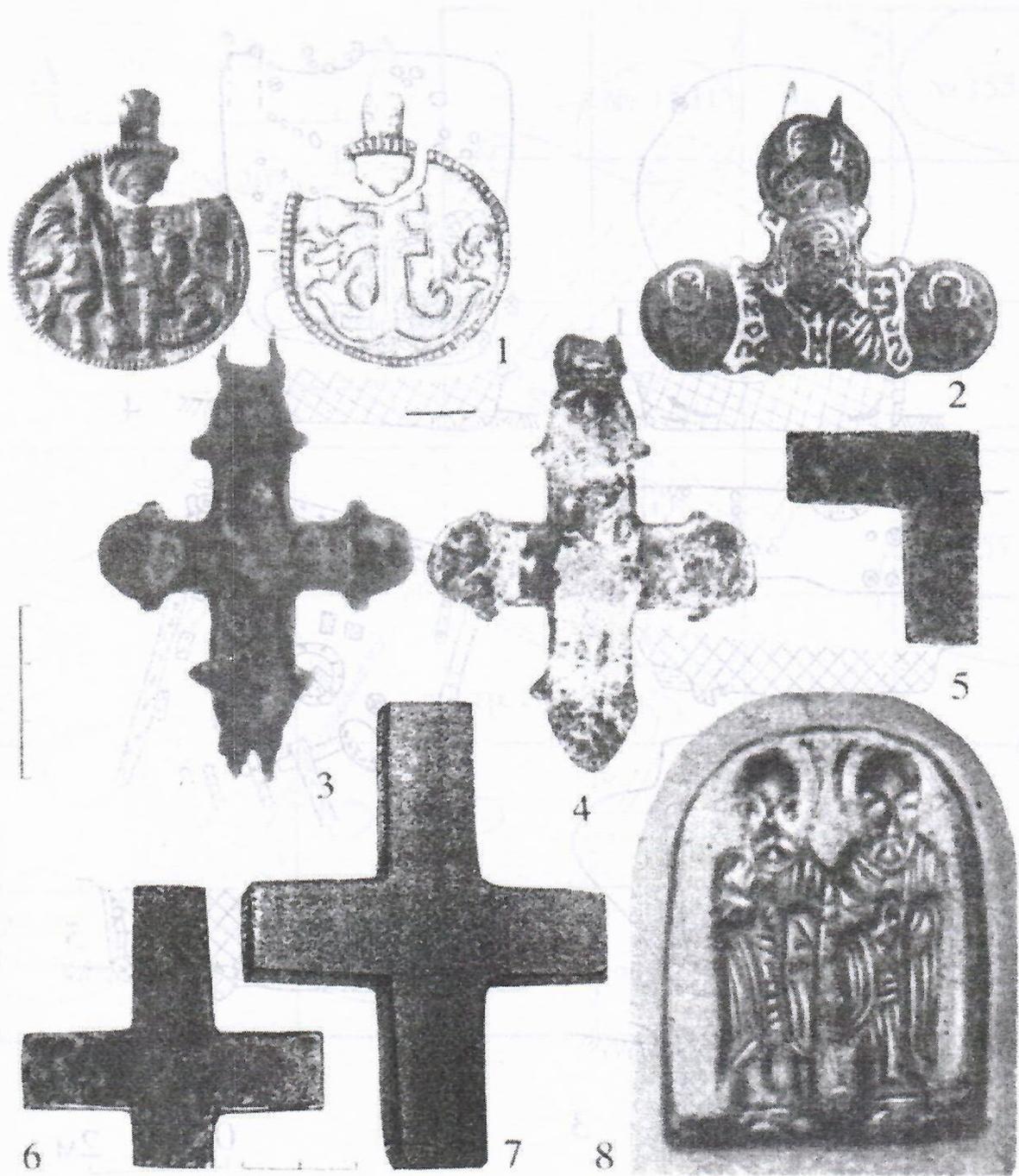

Рис. 9. Предметы православного культа из Болгара (1–22) и Ага-Базара (23–26)
 (по М.Д. Полубояриновой, 1993).

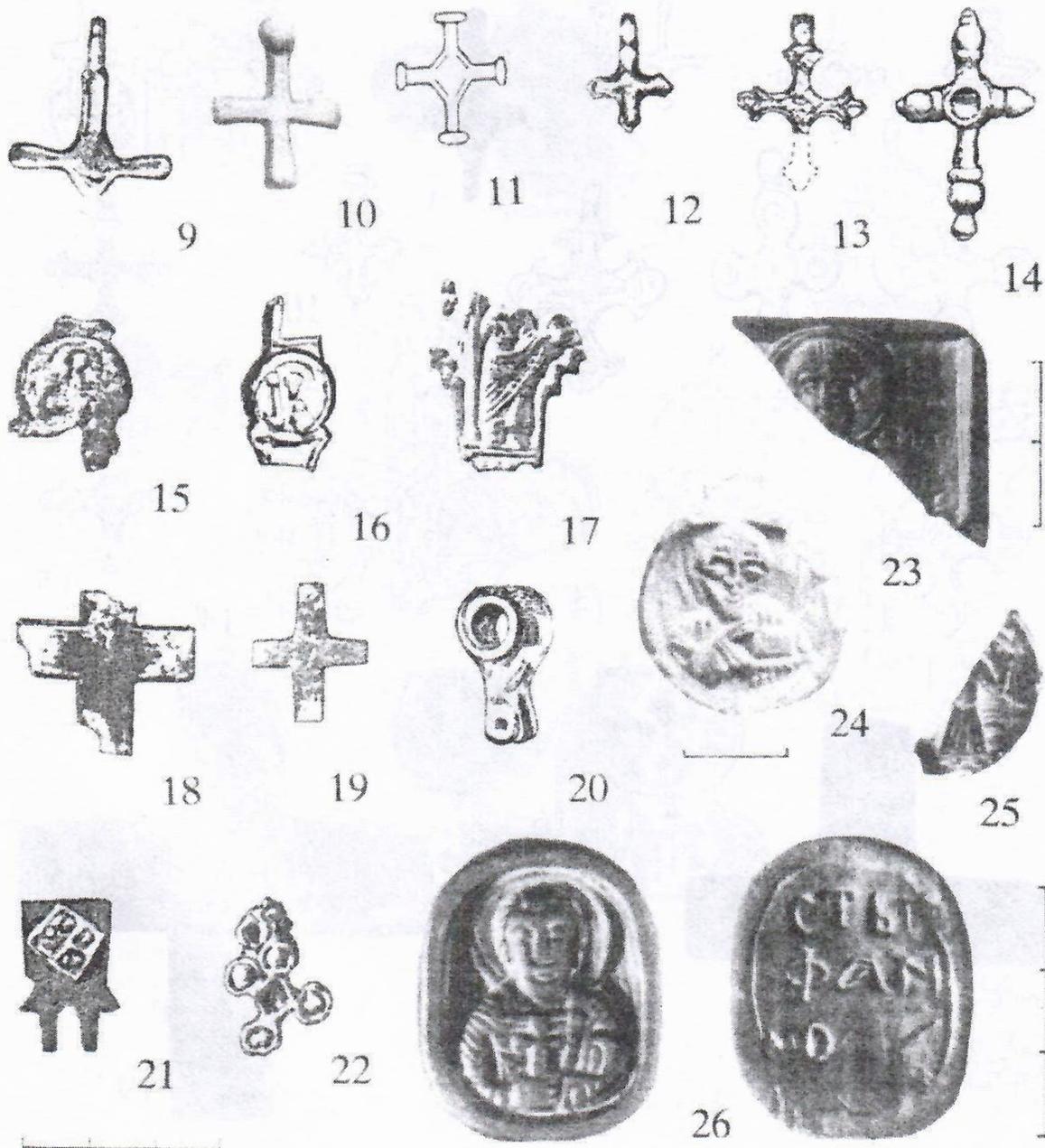

Рис. 9. (Продолжение).

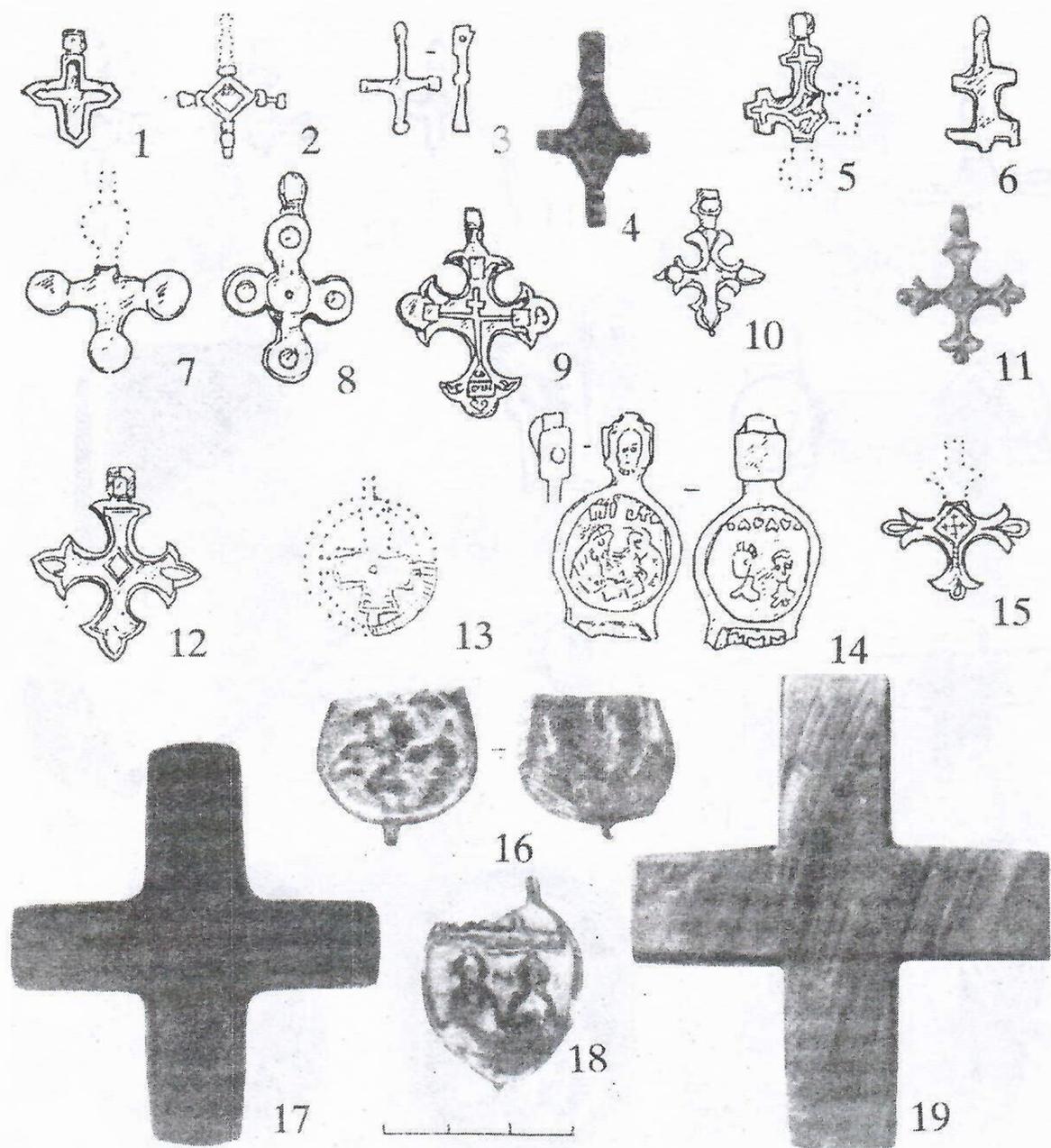

Рис. 10. Кресты и энколпионы с городиц (4, 17, 18) и селиц (1-3, 5-16, 19-25) Волжской Болгарии
(по Е.П. Казакову, М.Д. Полубояриновой, К.А. Руденко).

1-3, 5-8, 10, 12, 15, 23, 25 - Лашевское; 4, 17 - Старокуйбышевское; 9 - Разбойничий Остров;
11, 22 - Алексеевское VI; 13 - Измерское I; 14 - Рождественское VIa; 16 - Мансуровское;
18 - Билярское; 19 - Тетеевское; 20 - Новомордовское; 21, 24 - Богородицкое.

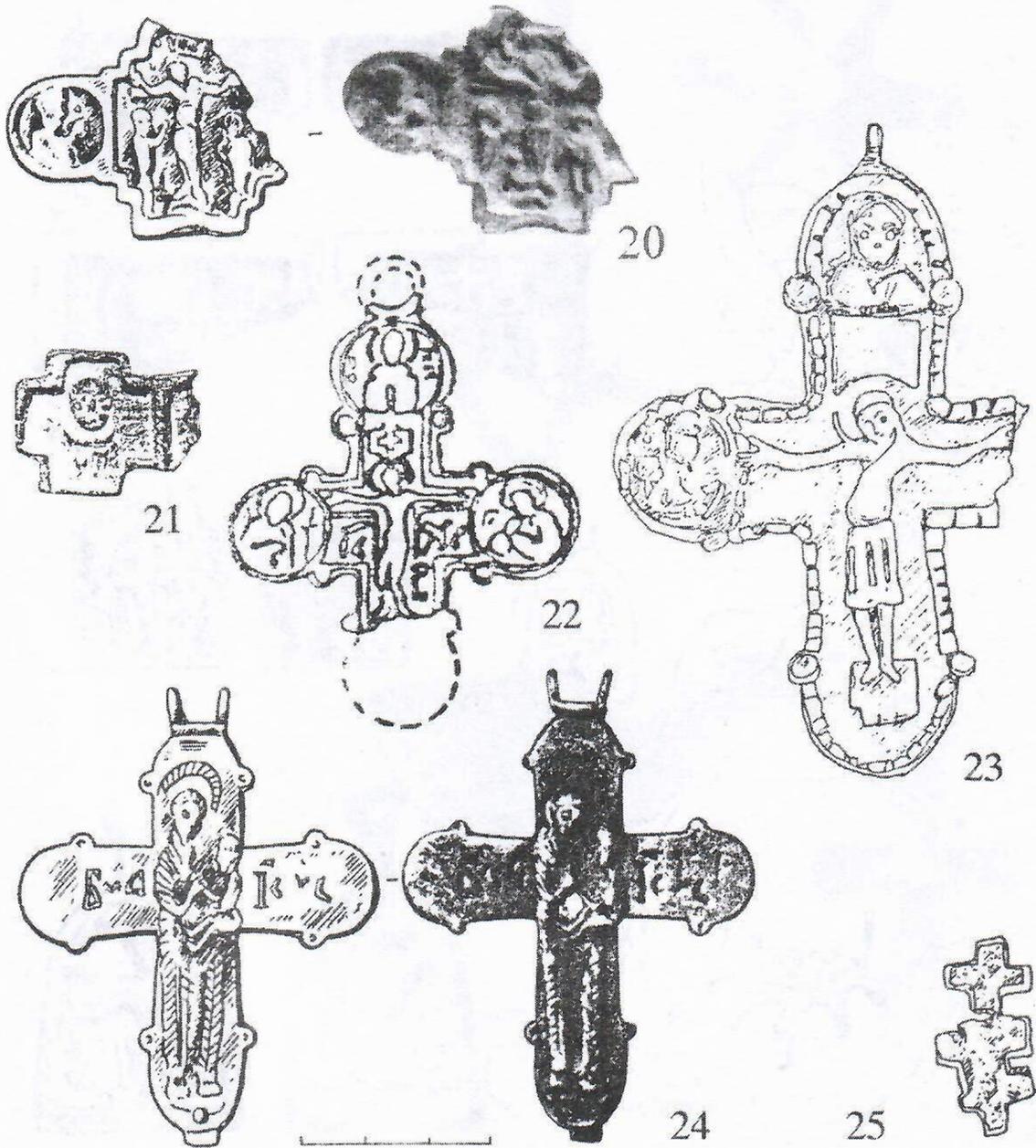

Рис. 10. (Продолжение).

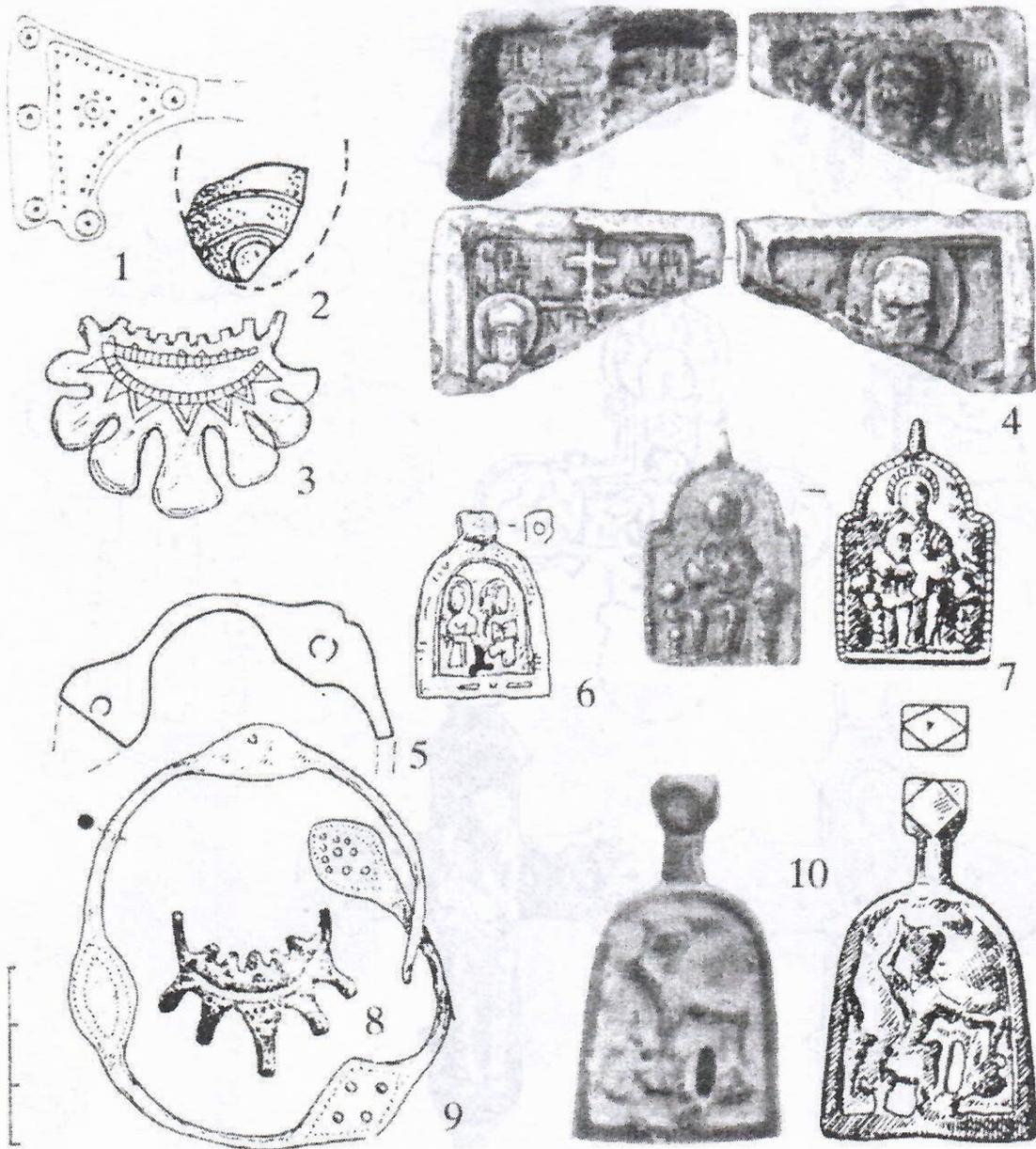

Рис. 11. Славяно-русские культовые предметы с памятников Волжской Болгарии
(по Е.А. Беговатову, Е.П. Казакову, М.Д. Полубояриновой, К.А. Руденко).

1 – языческая подвеска-топорик; 2 – фрагмент писанки; 3, 5, 8, 9 – височные кольца; 4, 6, 7, 10 – иконки.

1, 2 – Измерское I селище; 3 – Алексеевское VI селище; 4 – Камаевское городище;

5 – Семеновское III селище; 6 – Рождественское V селище; 7 – Мурзихинское селище;

8, 9 – Семеновское I селище; 10 – Коминтерновское III селище.

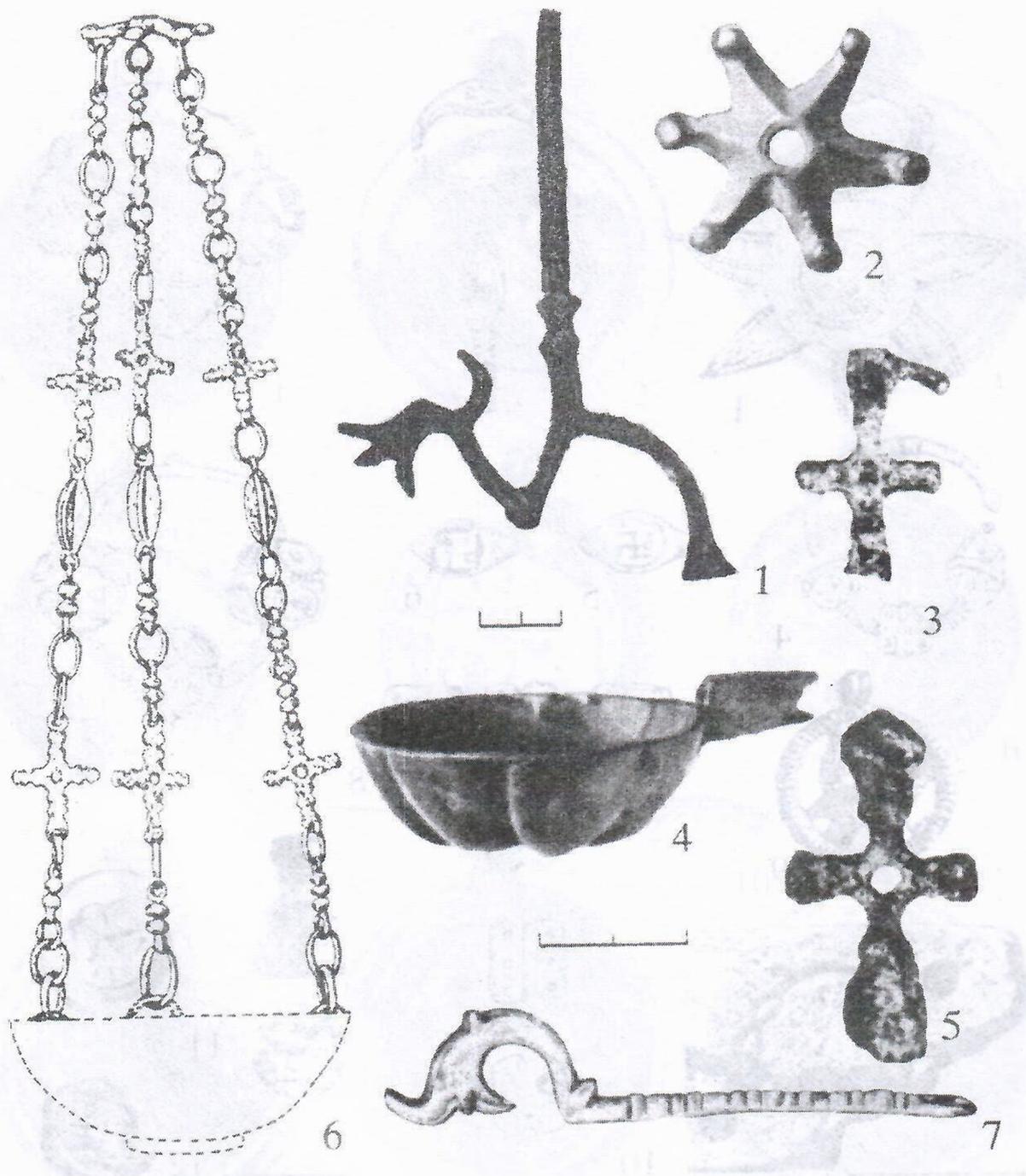

Рис. 12. Бронзовая церковная утварь из Болгара (по М.Д. Полубояриновой, 1993).
 1 – подсвечник от хороса; 2 – держатель лампы; 3, 5 – части цепочки от лампы;
 4 – кадильница; 6 – реконструкция лампы; 7 – деталь хороса.

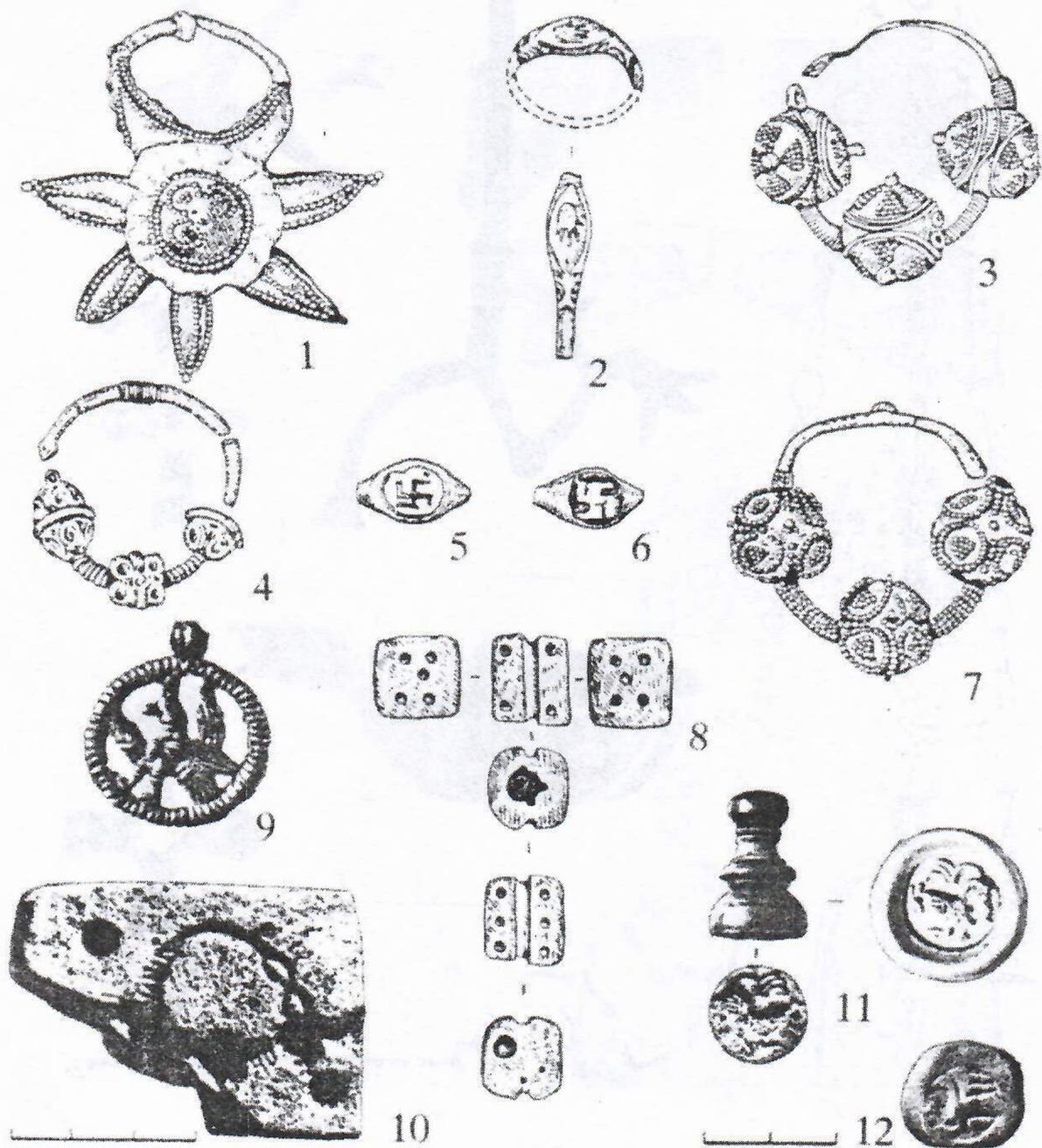

Рис. 13. Древнерусские вещи из Болгара (по М.Д. Полубояриновой, 1993).
 1, 3, 4, 7 – серебряные височные кольца; 2, 5, 6 – медные перстни; 8 – шиферная игральная кость;
 9 – биллоновая подвеска; 10 – каменная литейная форма для отливки височного кольца;
 11 – костяная печать, найденная в 1980 г.; 12 – оттиск печати, найденной в 1951 г.

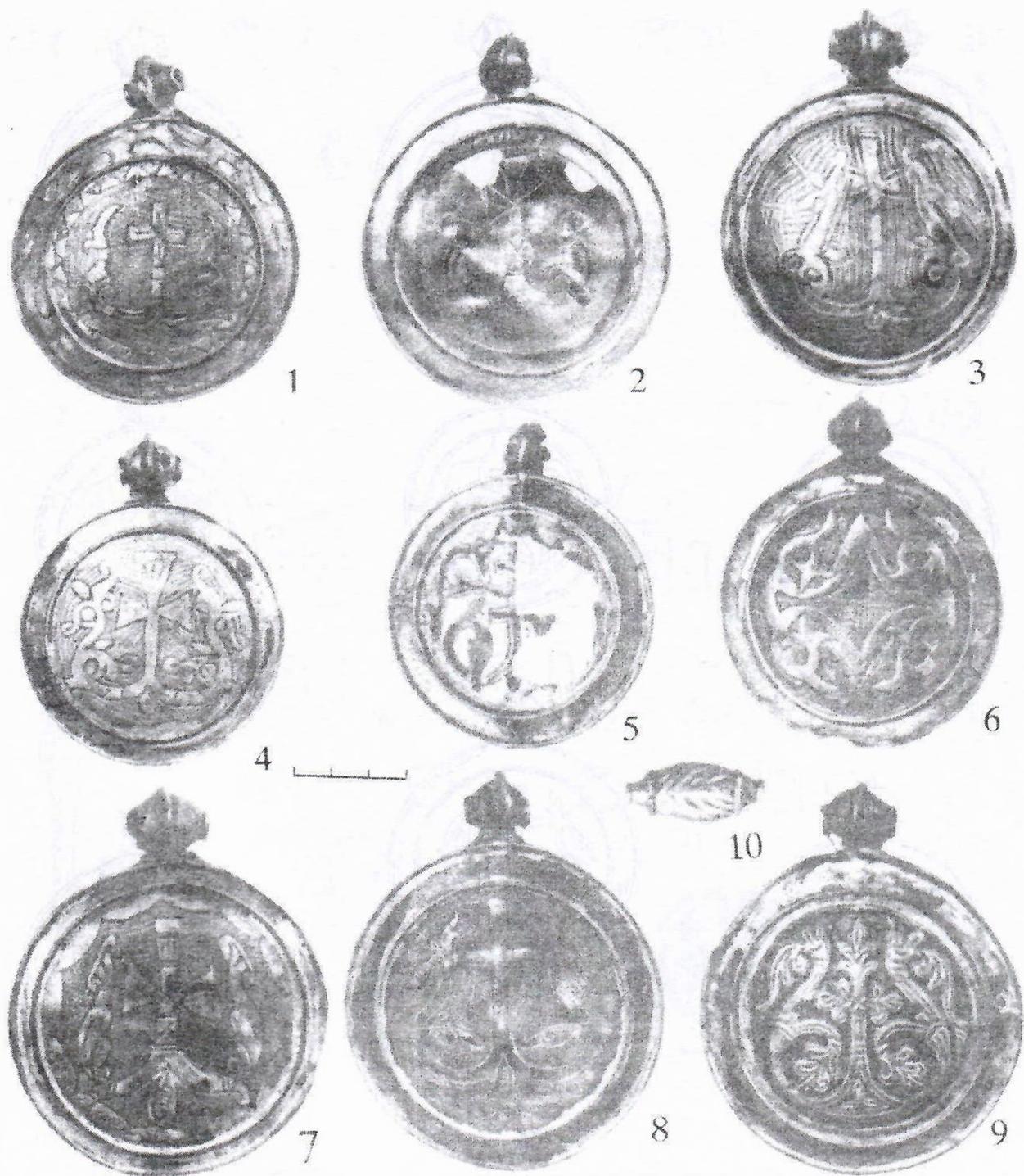

Рис. 14. Болгарский клад 1888 г. (по М.Д. Полубояриновой, 1993).
 1-9 – медальоны оплечья; 10 – бусина. Серебро и позолота.

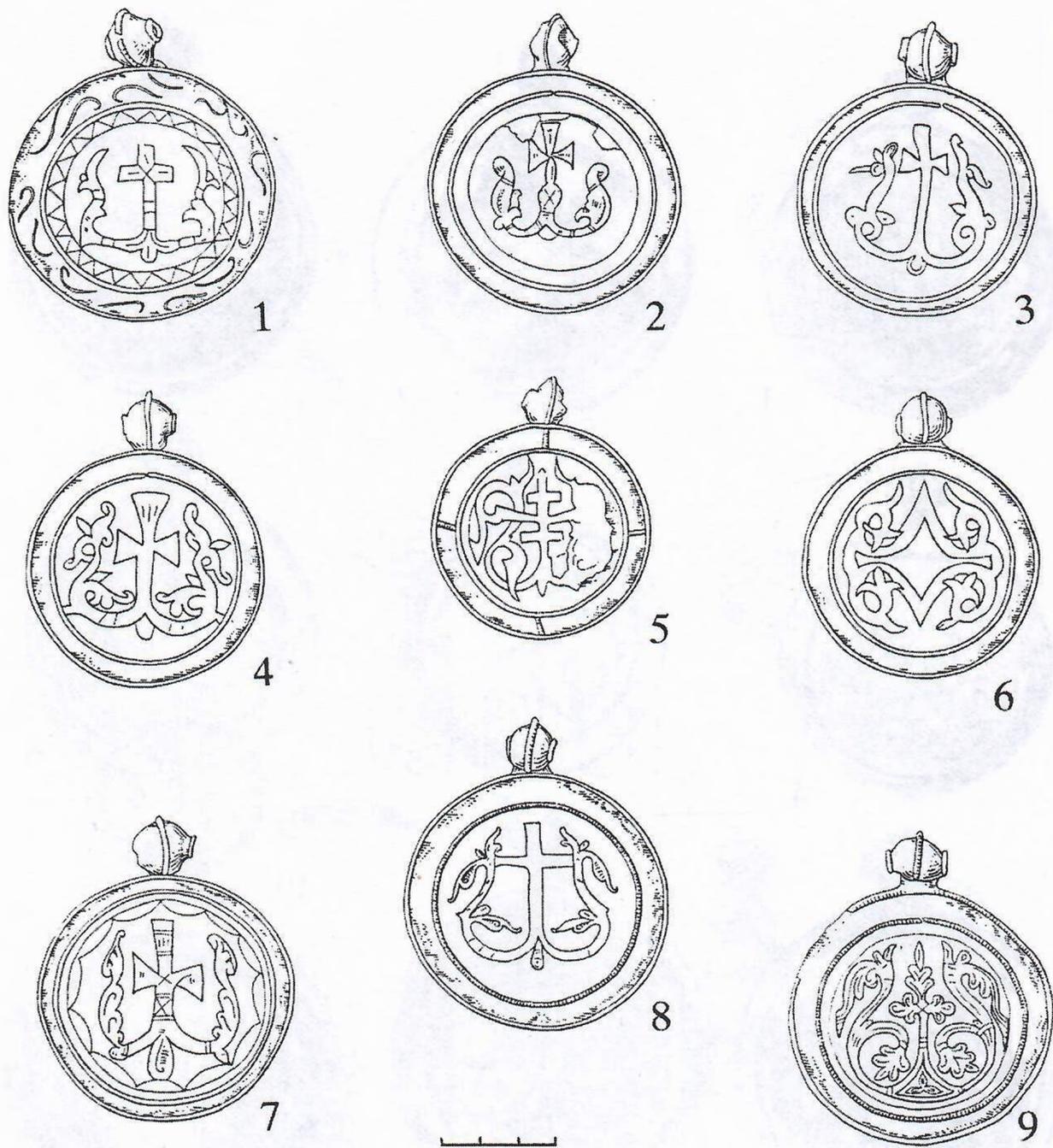

Рис. 15. Болгарский клад 1888 г. (по Т.И. Макаровой, 1986).
1-9 – прорисовка медальонов оплечья.

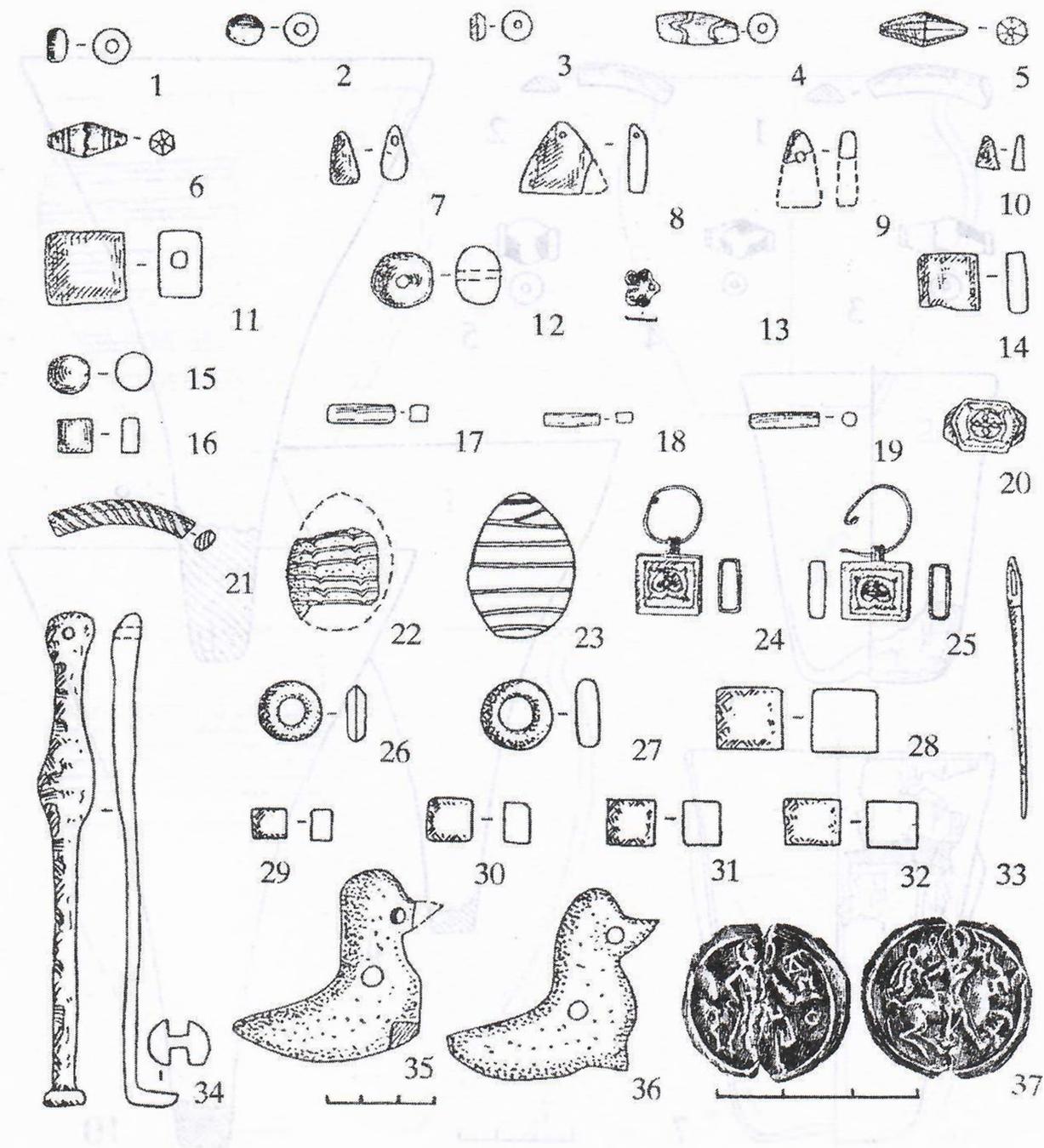

Рис. 16. Биллярское городище. Находки из комплекса жилищ 5 и 8 (раскоп XXIII)

(по Ф.Ш. Хузину и С.И. Валуллиной, 1986; В.Л. Янину, 1979).

1-12 - бусы; 13 - накладка; 14-15, 17-19 - заготовки изделий; 16, 28-32 - гирьки; 20 - перстень;
 21 - обломок браслета; 22, 23 - писанки; 24, 25 - медальоны; 26, 27 - пряслица; 33 - игла; 34 - ключ;
 35, 36 - свистульки; 37 - актовая печать. (1-4, 21 - стекло; 5, 6 - сердолик; 7-12, 14, 15, 17-19 - янтарь;
 13 - золото; 16, 28-34 - железо; 20, 24, 25 - серебро; 22, 23, 35, 36 - глина; 26, 27 - шифер; 37 - свинец).

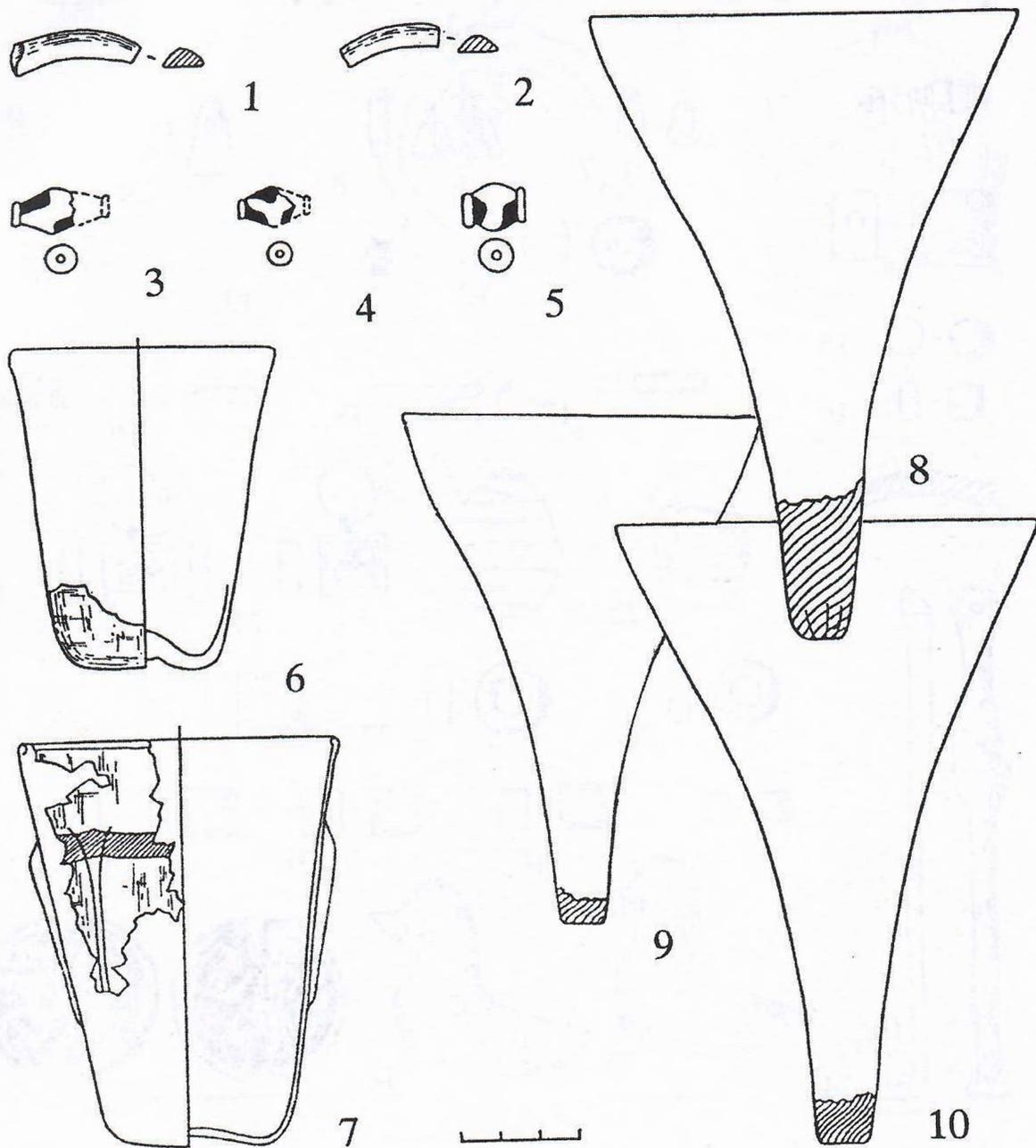
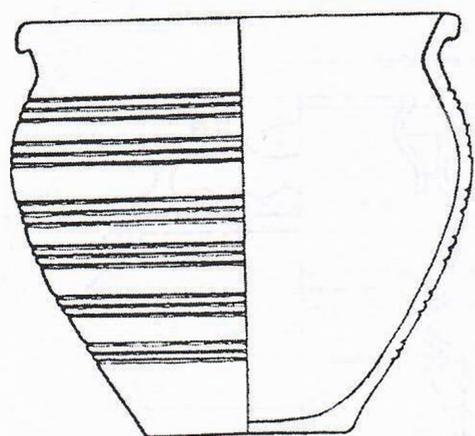
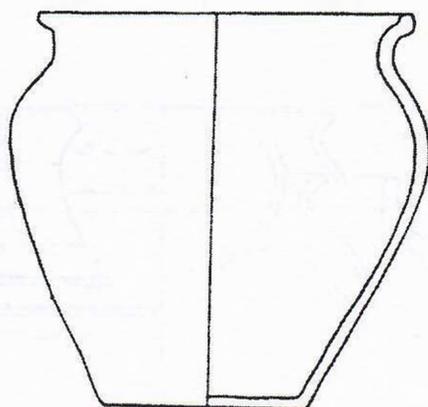

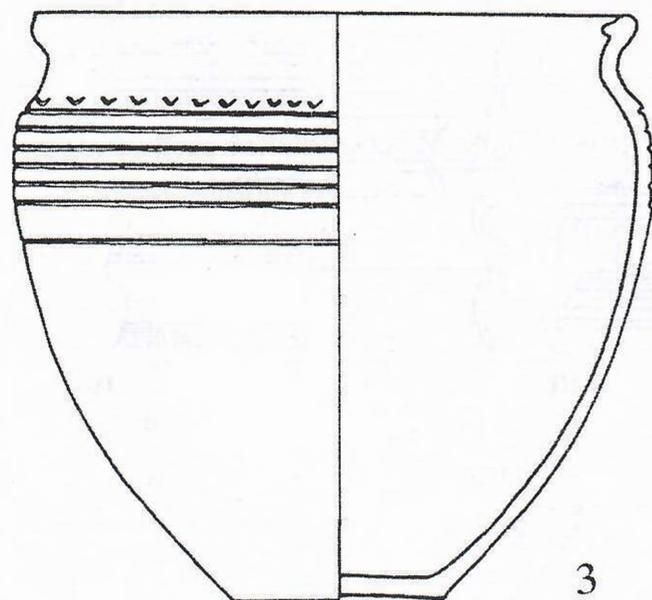
Рис. 17. Биллярское городище. Стекланные изделия древнерусского происхождения
 (по Ф.Ш. Хузину и С.И. Валуллиной, 1986).
 1,2 – обломки браслетов; 3–5 – бусы; 6–10 – сосуды.

1

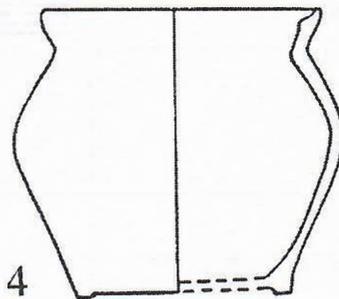
2

3

5

4

Рис. 18. Керамика Болгара (по М.Д. Полубояриновой, 1993).
1-4 – древнерусские глиняные сосуды; 5 – донное клеймо.

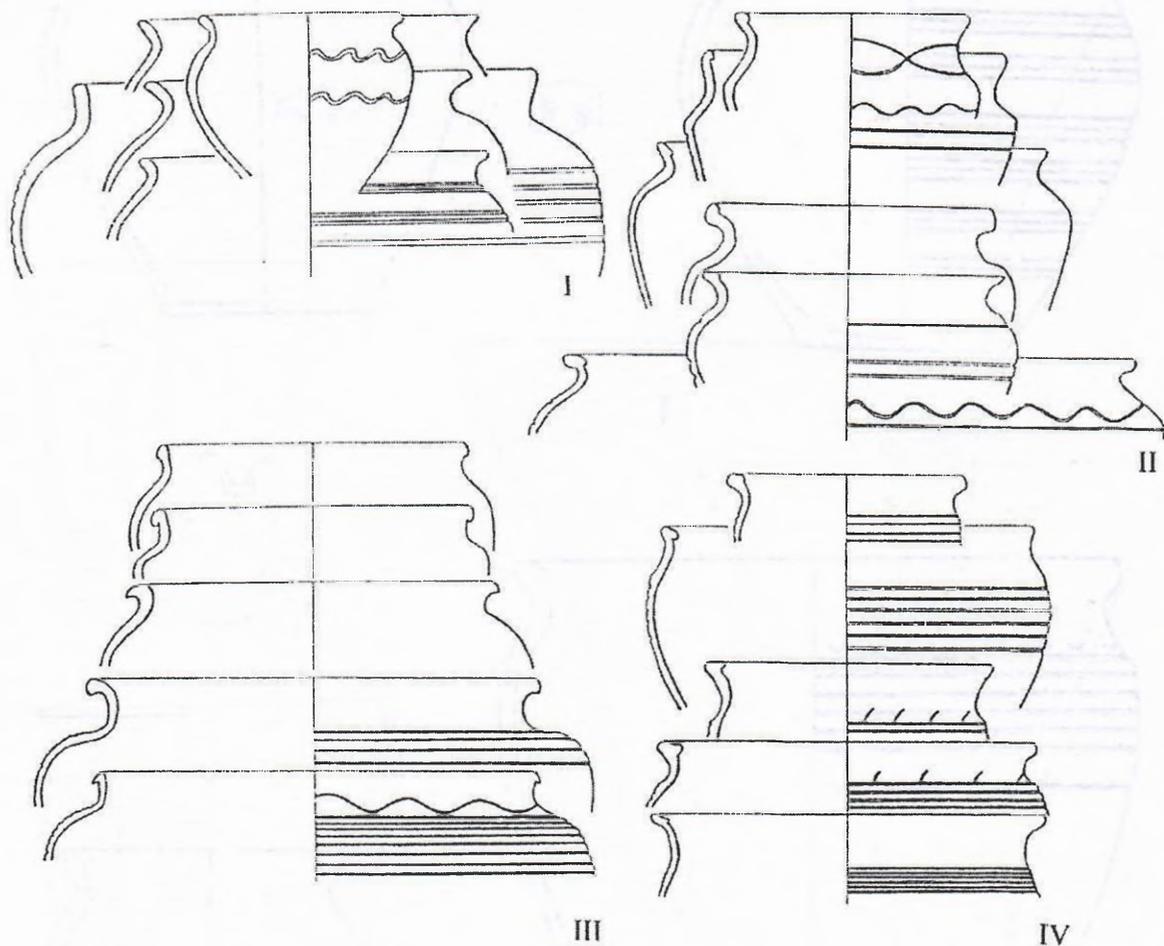

Рис. 19. Типология древнерусской керамики из Болгара (по М.Д. Полубояриновой, 1993).

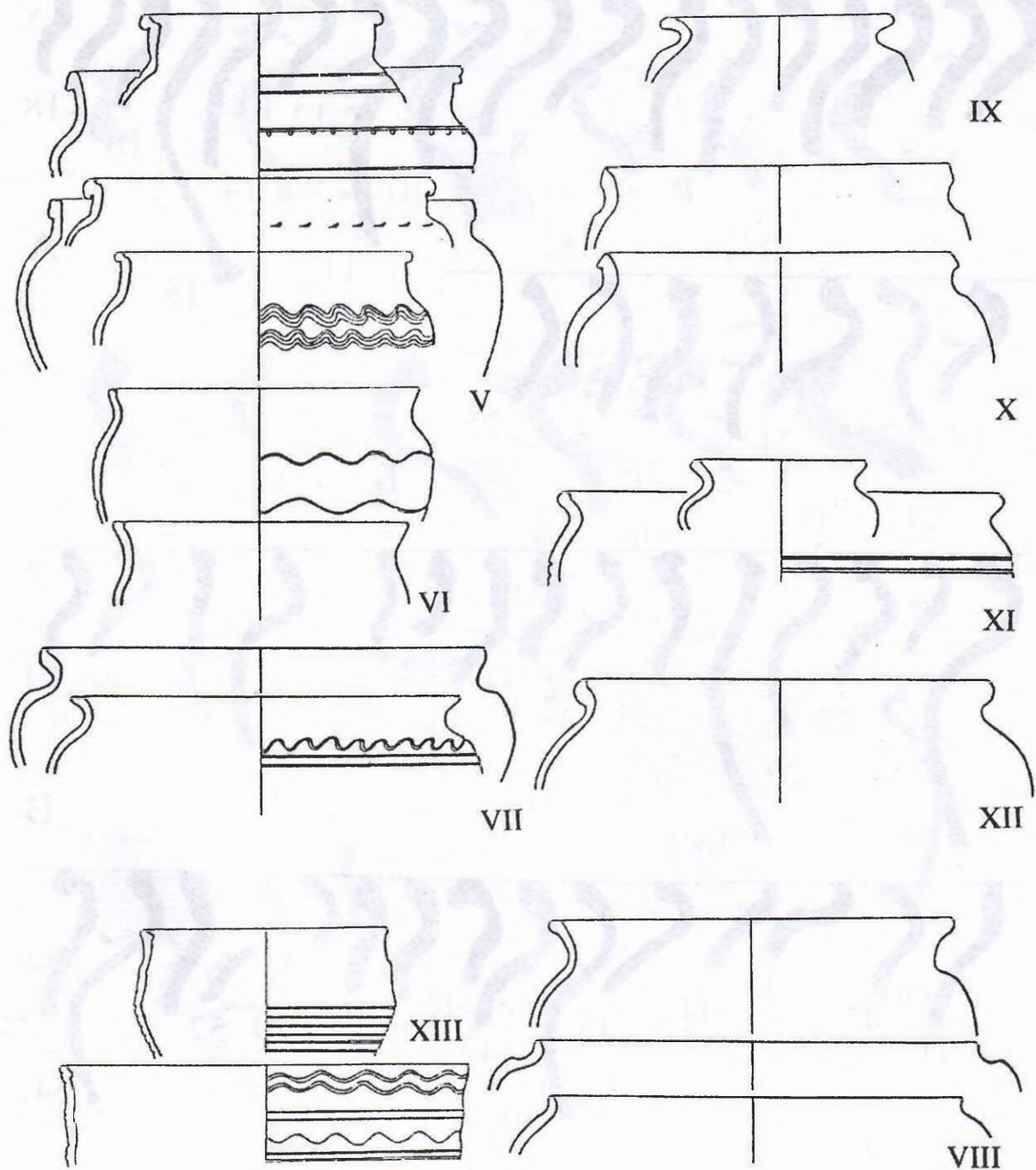

Рис. 19. (Продолжение).

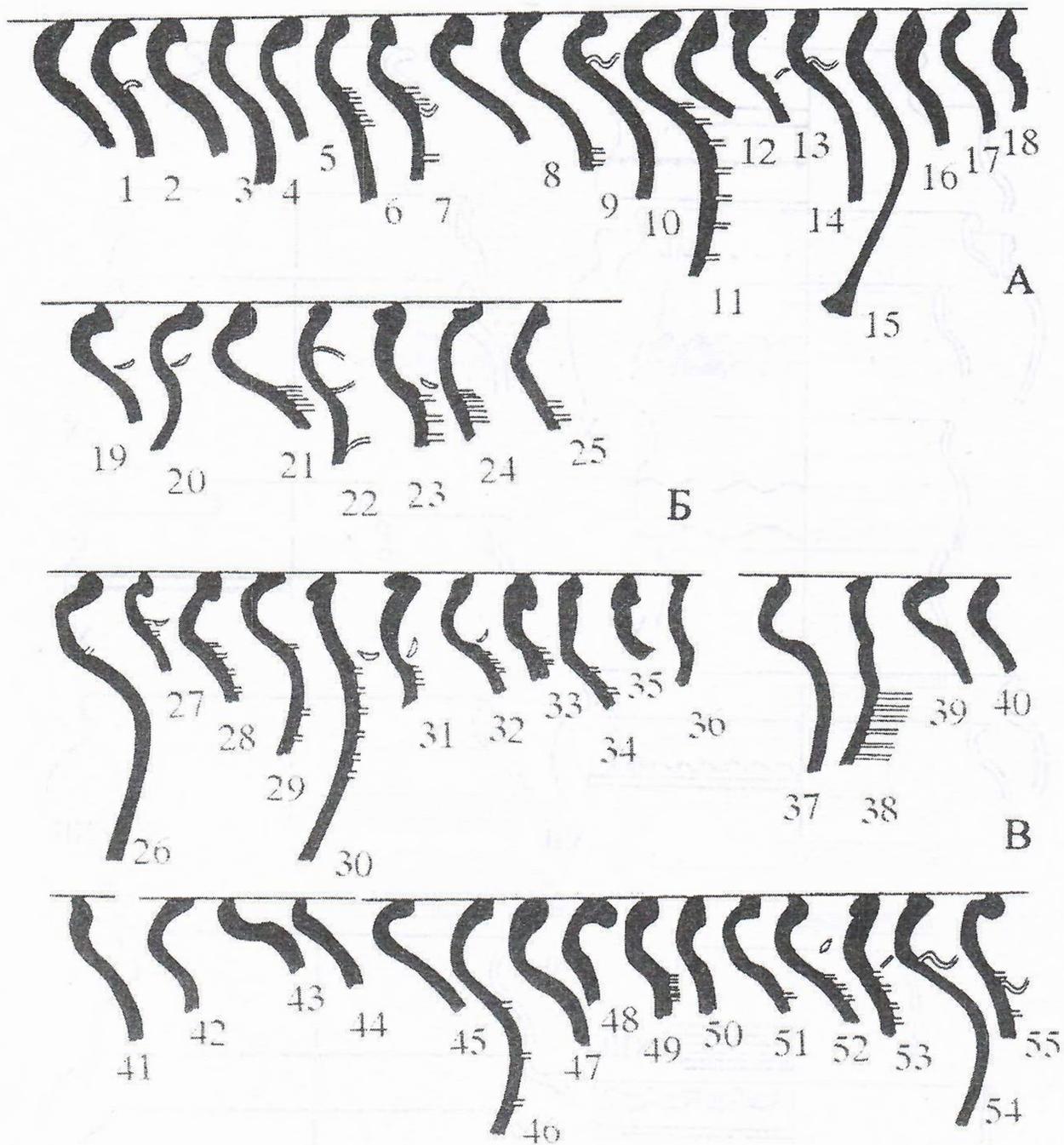

Рис. 20. Болгар. Распределение типов венчиков по слоям (по М.Д. Полубояриновой, 1993).

А. 1-18 – домонгольский слой (XII – начало XIII в.);

Б. 19-25 – раннезолотоордынский слой (вторая половина XIII – начало XIV в.);

В. 26-55 – позднезолотоордынский слой (середина XIV – начало XV в.).

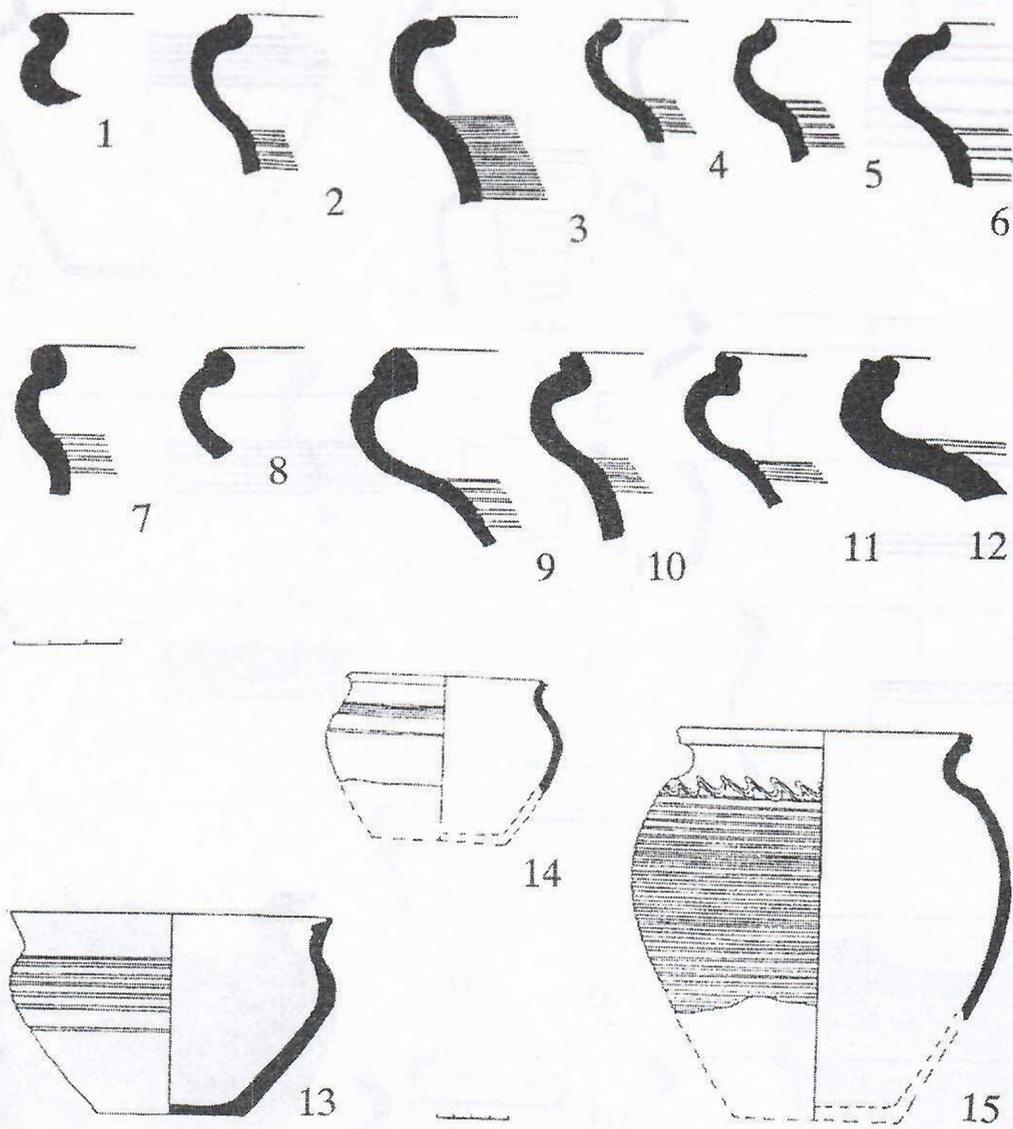

Рис. 21. Билярское городище (по А.Ф. Кочкиной, 1986). Древнерусская керамика.

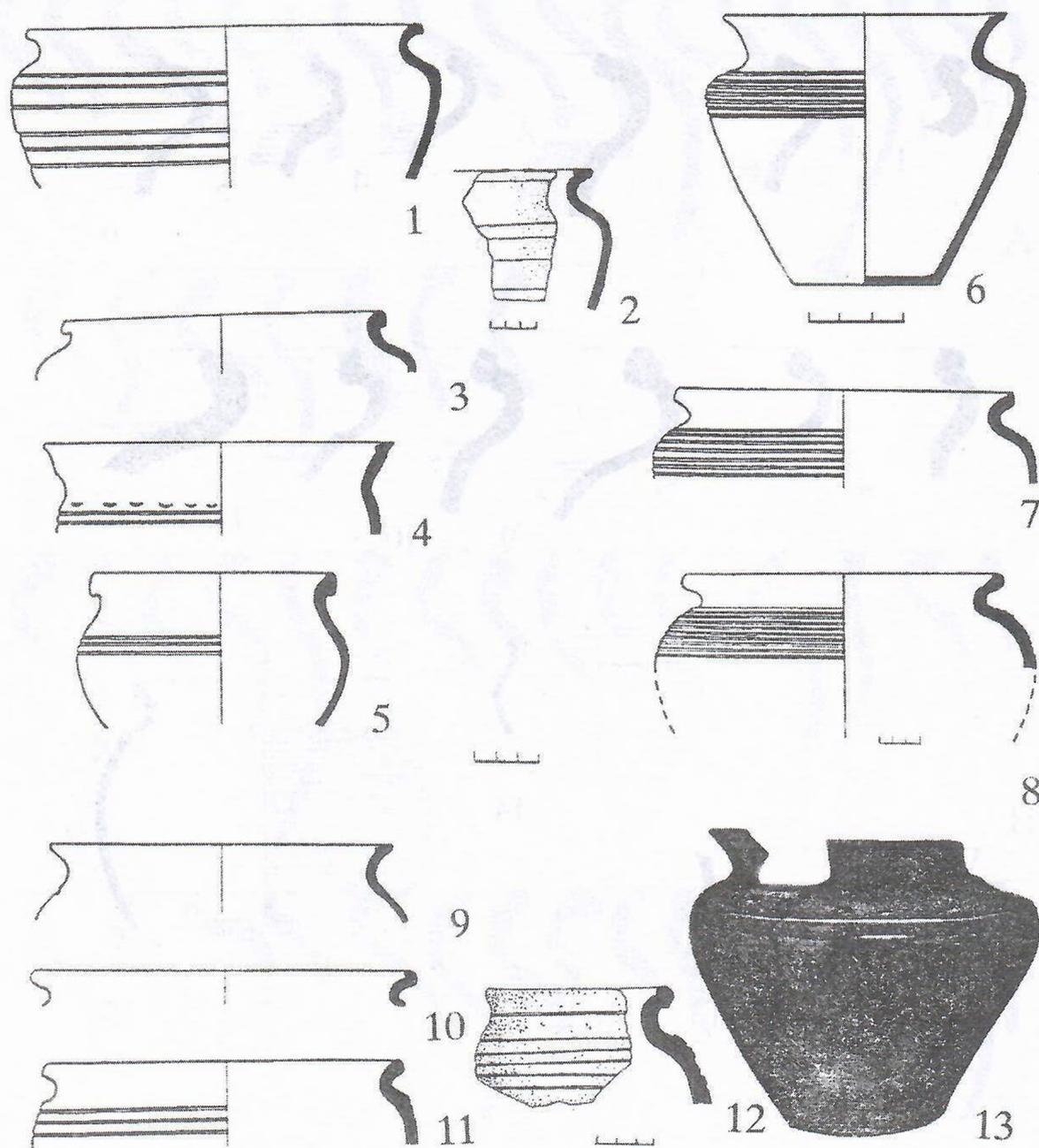

Рис. 22. Древнерусская (славянская) керамика памятников Волжской Болгарии
 (по Е.П. Казакову, М.Д. Полубояриновой, П.Н. Старостину, Т.А. Хлебниковой).
 1, 2 – Мурзихинское селище; 3 – Старокуйбышевское городище; 4, 5 – Старокуйбышевское IV селище;
 6–8 – Семеновское I селище; 9 – Восточнолаишевское селище; 10 – Семеновское
 II селище; 11, 12 – Измерское I селище.

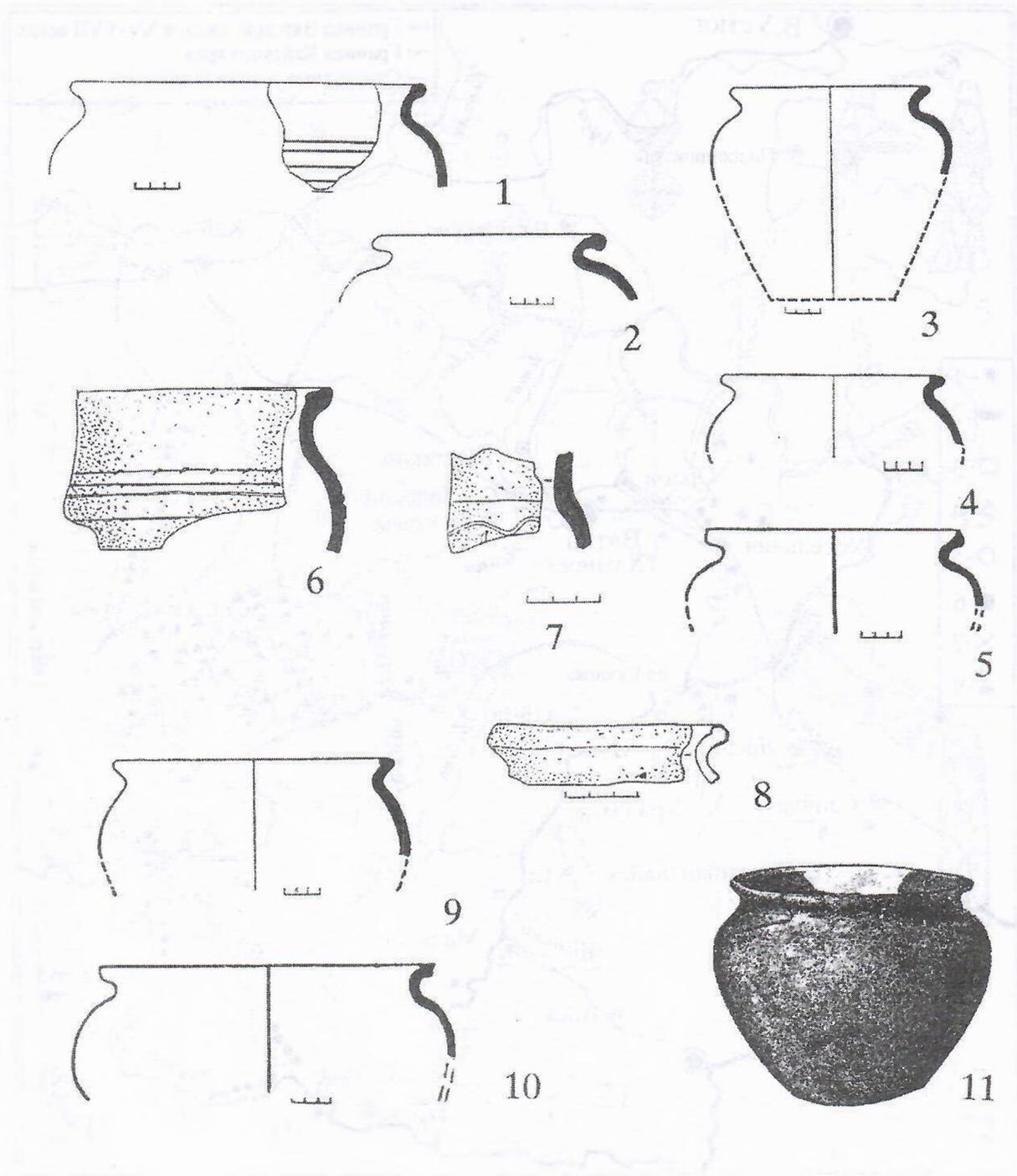

Рис. 23. Древнерусская (славяно-финно-пермская) керамика поселений Волжской Болгарии
 (по Е.П. Казакову, П.Н. Старостину, Т.А. Хлебниковой).

1, 2 – селище Чакма; 3–5, 9, 10 – городище Джукетау; 6–8 – Семеновское V селище.

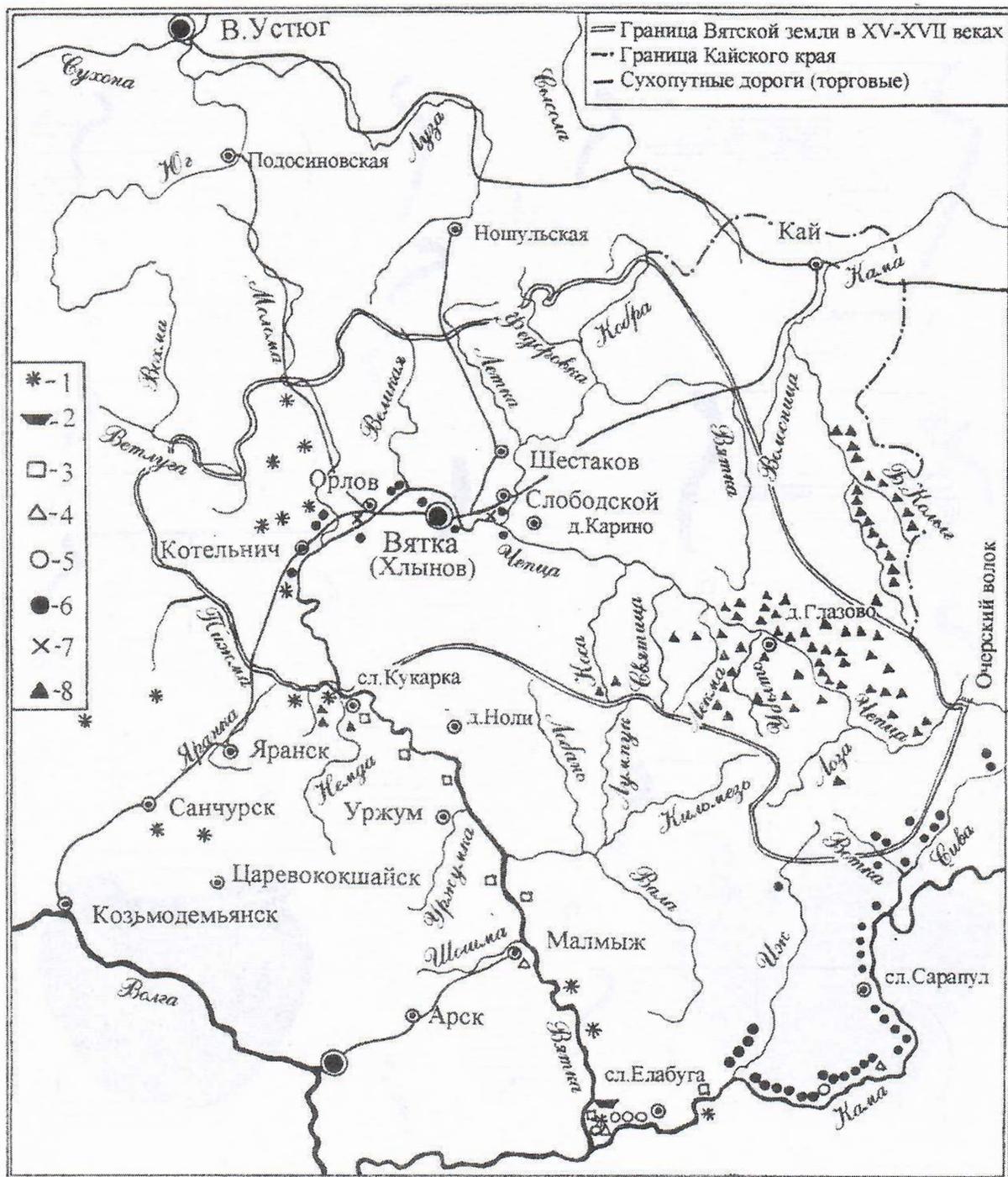

Рис. 24. Вятский край в древности по представлениям исследователей 1920 – 1930-х гг.
(по П.Н. Лупову, 1929).

1 – находки каменного века; 2 – Анапнинский могильник (X–V вв. до н.э.); 3 – костяные городища (IX–I вв. до н.э.); 4 – остатки пьяноборской культуры (I–VI вв.); 5 – болгарские городища (VIII–XIII вв.); 6 – камские и средневятские вотские городища (X–XIV вв.); 7 – средневятские русские городища (XIII–XIV вв.); 8 – чудские по рекам Чепце, Каме и Пижме (VII–XIV вв.).

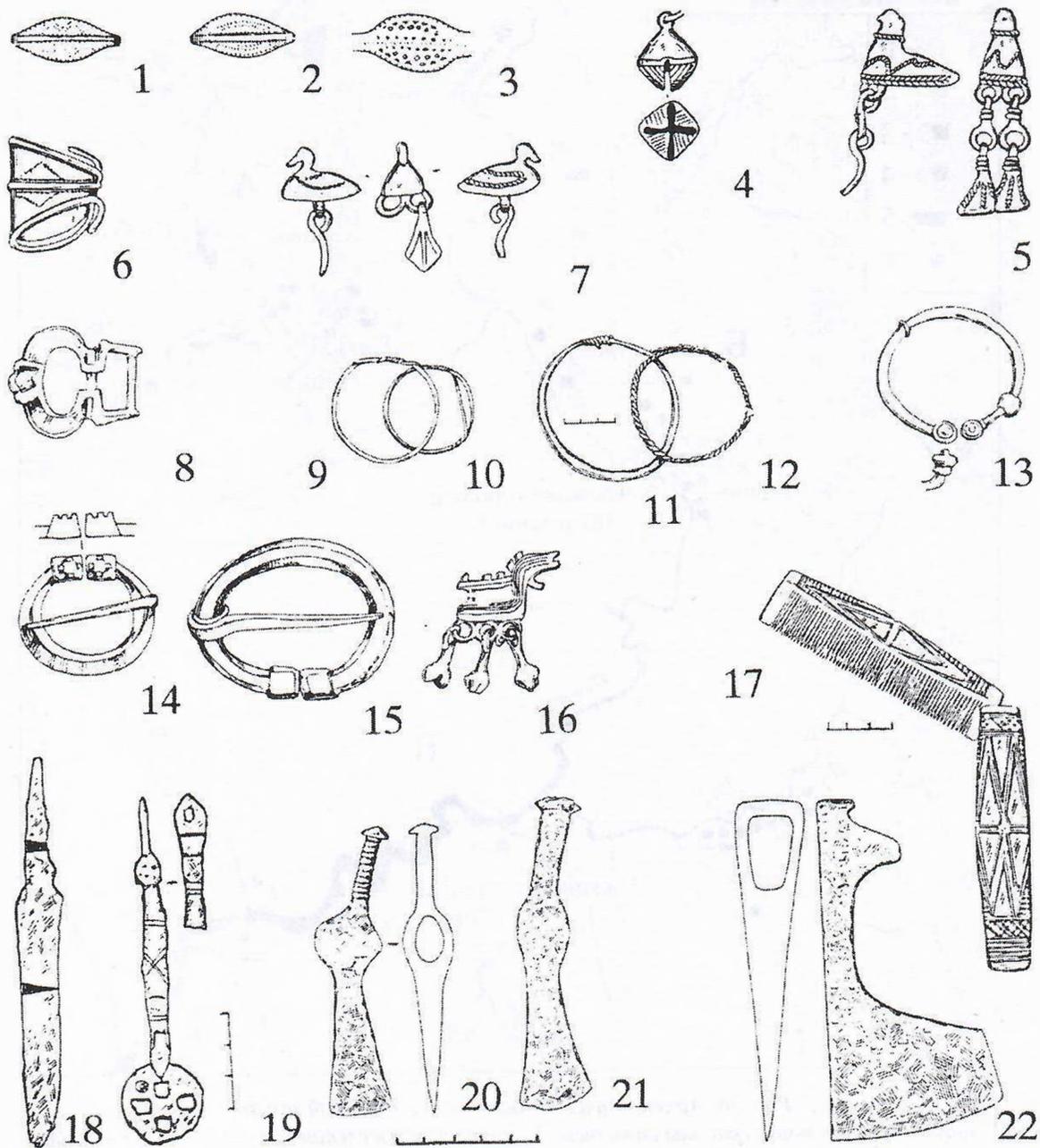

Рис. 25. Предметы древнерусского происхождения на памятниках Вятского края
 (по Н.А. Лещинской, Е.М. Черных).
 1-17, 20, 22 – Веселовский могильник; 18, 19 – поселение Изран; 21 – Кочергинский могильник
 (1-16 – бронза; 17 – кость; 18-22 – железо).

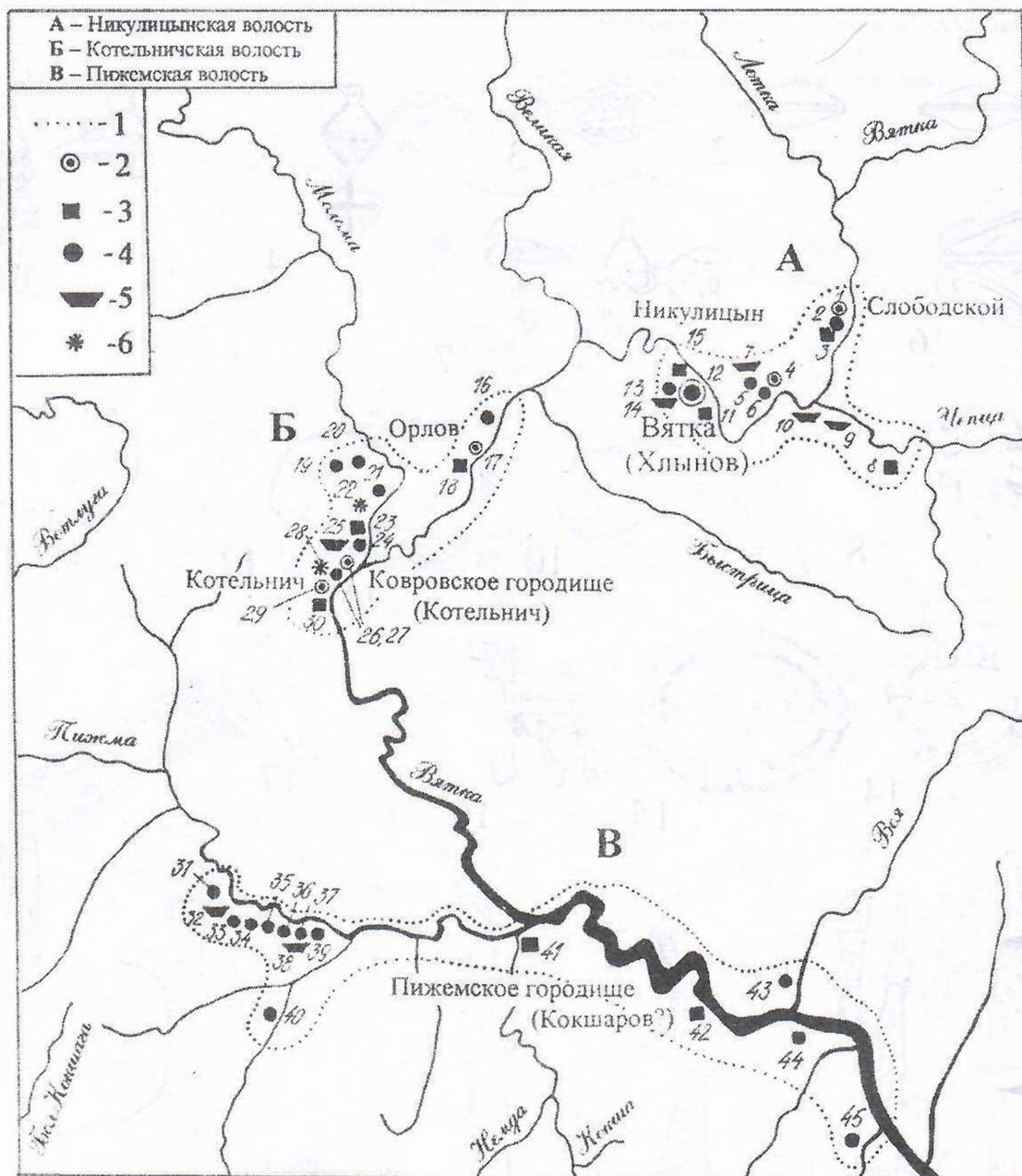

Рис. 26. Археологические памятники Вятской земли.

1 – предположительные границы волостей; 2 – городские поселения; 3 – городища; 4 – селища;
5 – могильники; 6 – местонахождения.

- 1 – Слободской; 2 – Родионовское; 3 – Подчуришинское; 4 – Никулицын; 5, 6 – Никульчинские II и IV;
7 – Никульчинский; 8 – Кривоборское; 9 – Северюхинская; 10 – Усть-Чепецкий; 11 – Чижевское;
12 – Хлынов; 13 – Хлыновское; 14 – Хлыновский I; 15 – Вятское; 16 – Большеждановское; 17 – Орлов;
18 – Тороповское; 19 – Вязовое; 20 – Барзичи II; 21 – Спасское; 22 – Нижнекордаковское;
23–25 – Шабалинские; 26 – Ковровское; 27 – Искра; 28 – Искровское; 29 – Котельнич; 30 – Скорняковское;
31 – Еманаевское I; 32 – Еманаевский; 33, 34 – Еманаевские IV и II; 35–37 – Покста I–III; 38 – Покста;
39 – Худяковское; 40 – Грековское; 41 – Пижемское; 42 – Лебяжское; 43 – Ботыли IV;
44 – Мысы IV; 45 – Уржумское.

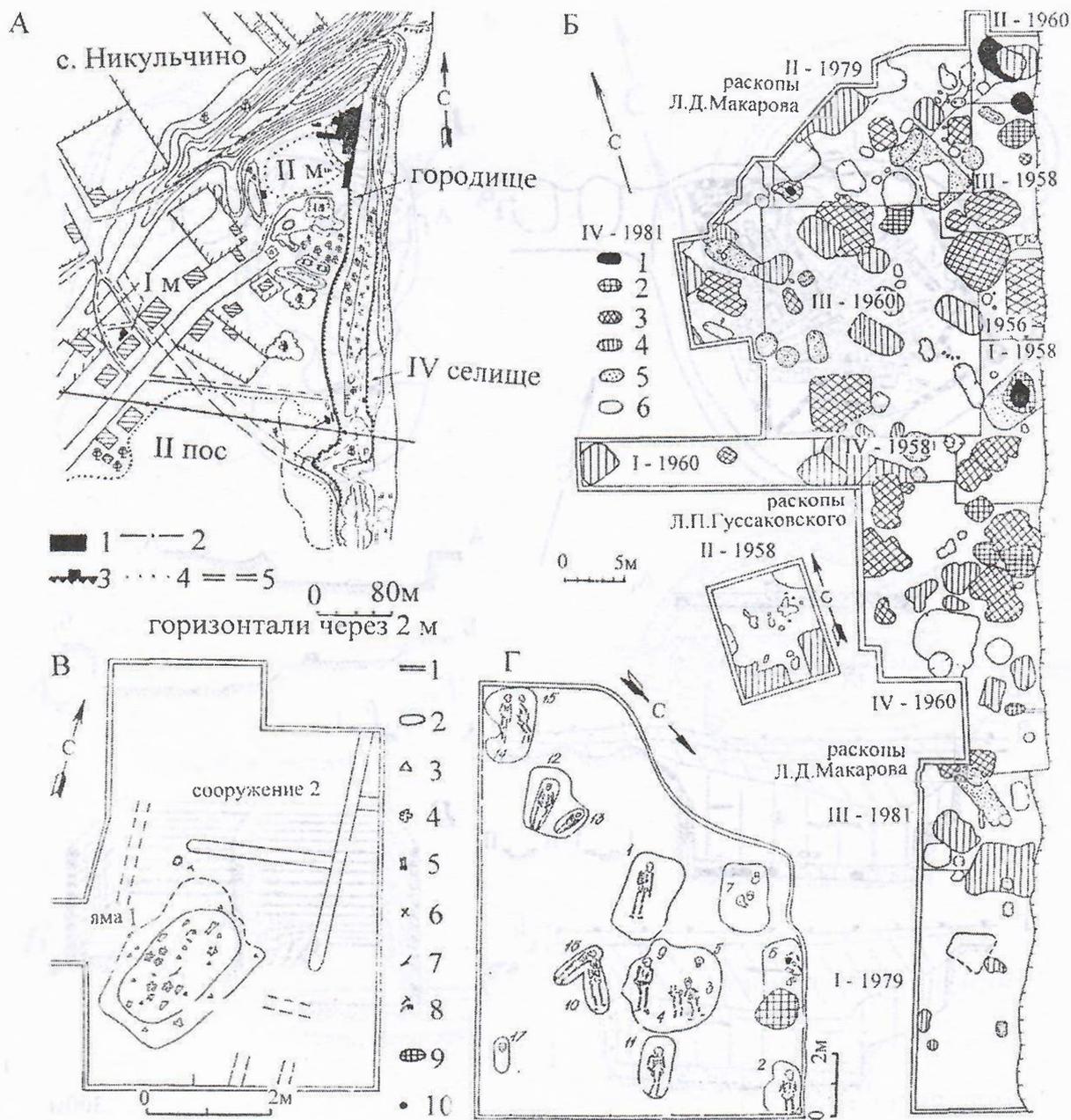

Рис. 27. Древнерусский археологический комплекс у с. Никульчино
(по Л.П. Гуссаковскому, Л.Д. Макарову).

А – топографический план (1 – раскопы; 2 – границы поселения; 3 – зачистка обрыва; 4 – границы пашни; 5 – предполагаемые укрепления посада); Б – план раскопанной части (1 – дорусские ямы; 2 – XII–XIII вв.; 3 – XIII–начало XIV в.; 4 – XIV–начало XV в.; 5 – XV–XVII вв.; 6 – недатированные); В – планы раскопов на Никульчинском II поселении и Г – на Никульчинском I могильнике. 1 – границы раскопов; 2 – очертания ям и канав; 3 – керамика; 4 – шлак; 5 – кость; 6 – кремь; 7 – нож; 8 – гвозди; 9 – поздний перекоп; 10 – уголь в погребении 6.

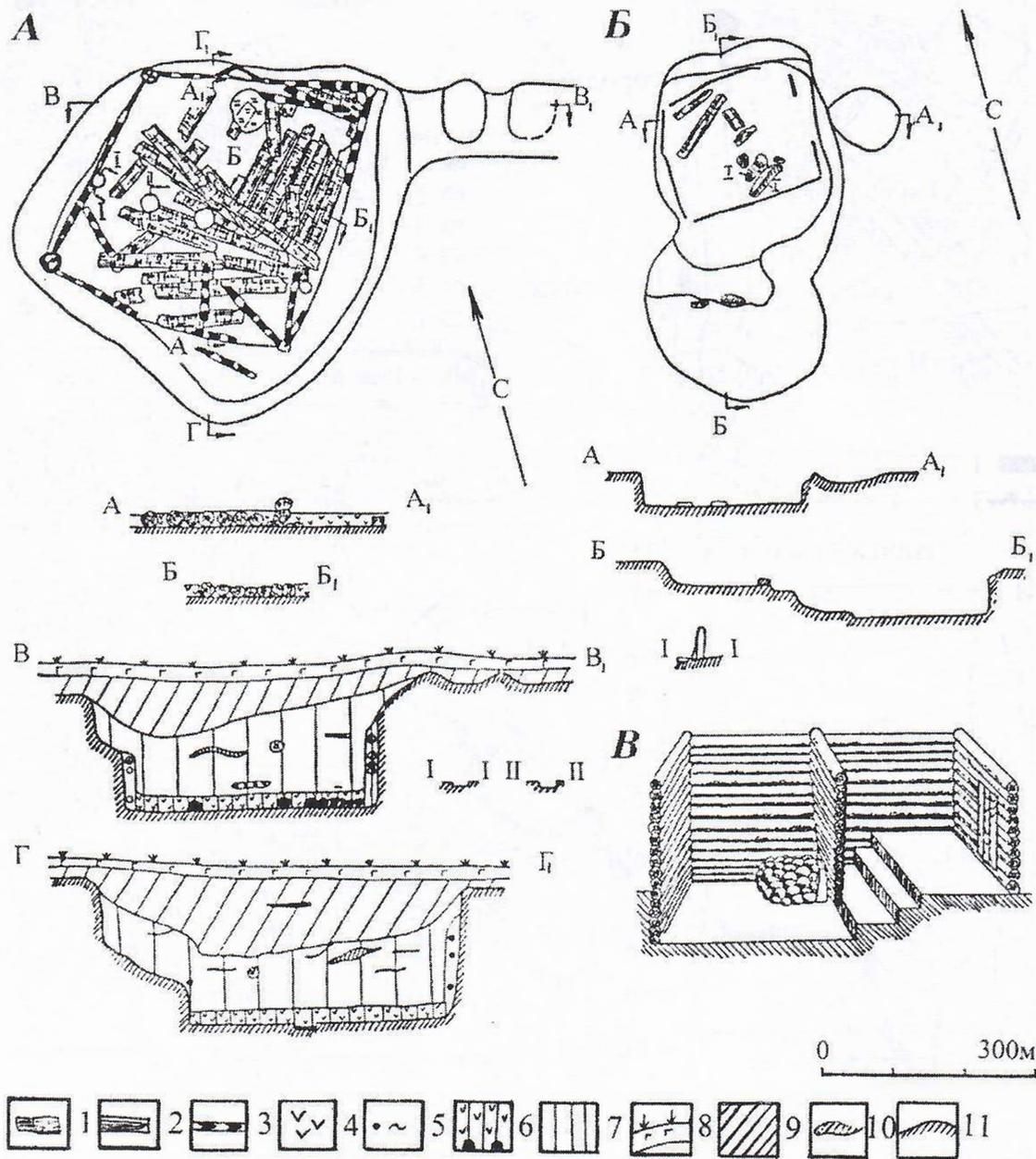

Рис. 28. Углубленные жилища Вятской земли (Никкульчинское городище)

(по Л.П. Гуссаковскому, Л.Д. Макарову).

А – землянка, Б – двухкамерная полуземлянка и В – ее реконструкция. (1 – бревна; 2 – плахи; 3 – жерди; 4 – уголь; 5 – угольные линзы; 6 – слой угля с остатками сгоревших бревен; 7 – слой глины с мелкими вкраплениями угля; 8 – дерн; 9 – темный слой; 10 – белая глина; 11 – материк).

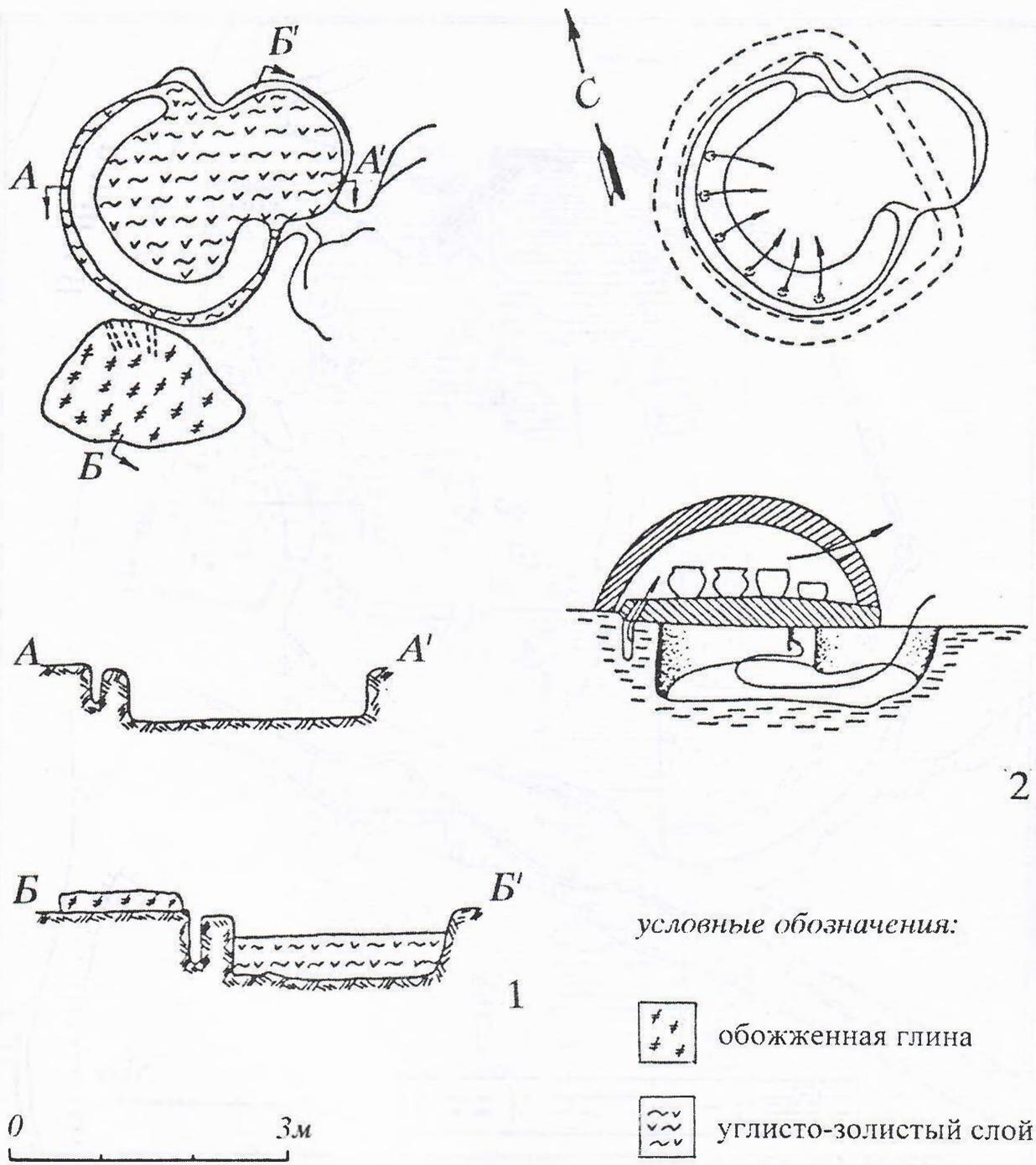

Рис. 29. Гончарный горн Никульчинского городища (по Л.П. Гуссаковскому).
 1 – полевые материалы; 2 – реконструкция.

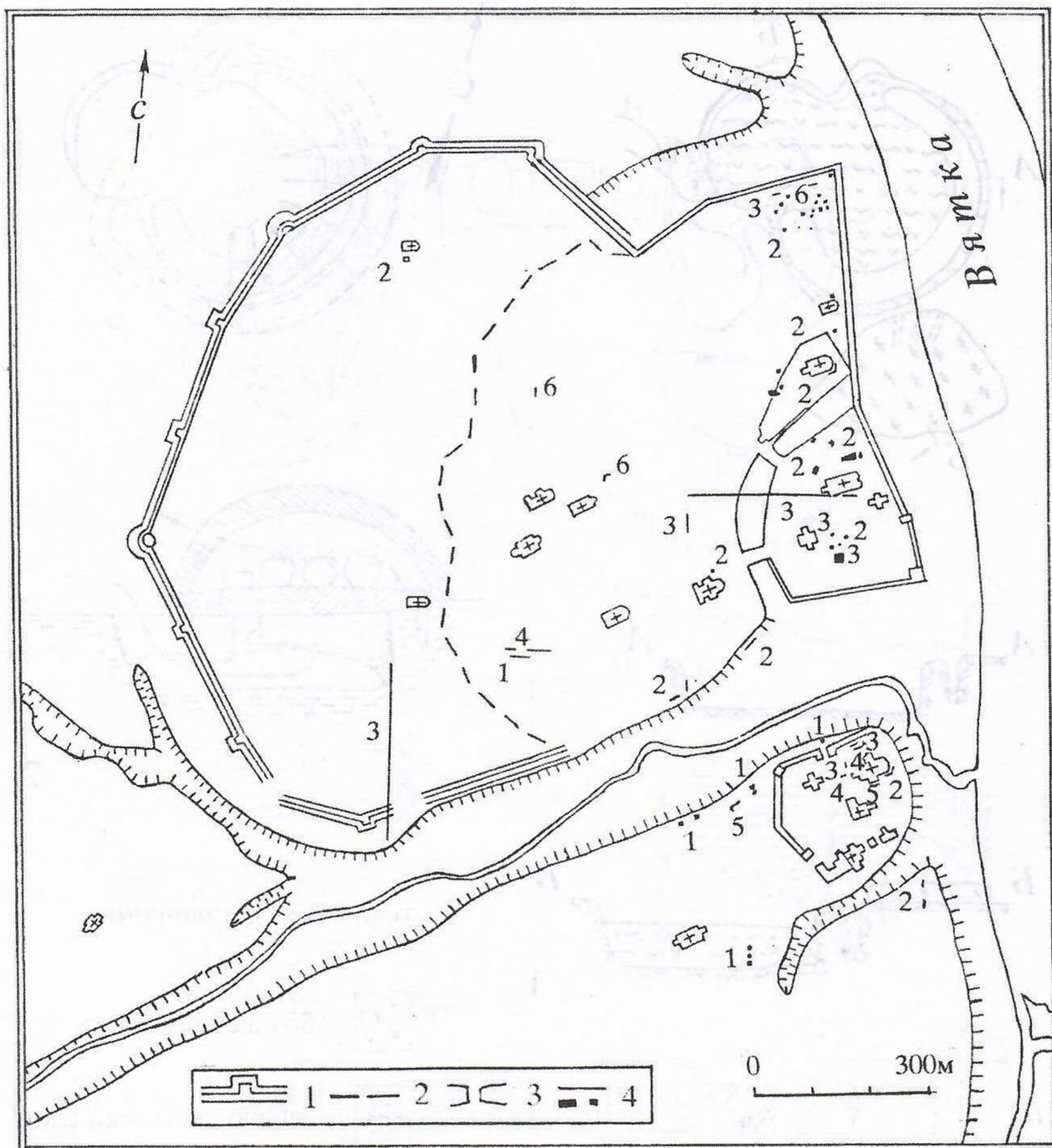

Рис. 30. Схема г. Жынова по плану 1759 г.

1 – укрепления посада по границам 1663–1665 гг.; 2 – предполагаемые границы посада XVI – середины XVII в. (по А.Г. Тинскому, 1976); 3 – укрепления кремля; 4 – зачистка траншеей, раскопы и шурфы, заложенные археологами (1 – М.П. Грязновым, 1935; 2 – Л.П. Гуссаковским, 1956–1959; 3 – Л.Д. Макаровым, 1981, 1983, 1990; 4 – В.В. Ванчиковым, 1986, 1989; 5 – Л.А. Сенниковой, 1991; 6 – Е.А. Кошелевой, 1992, 1994).

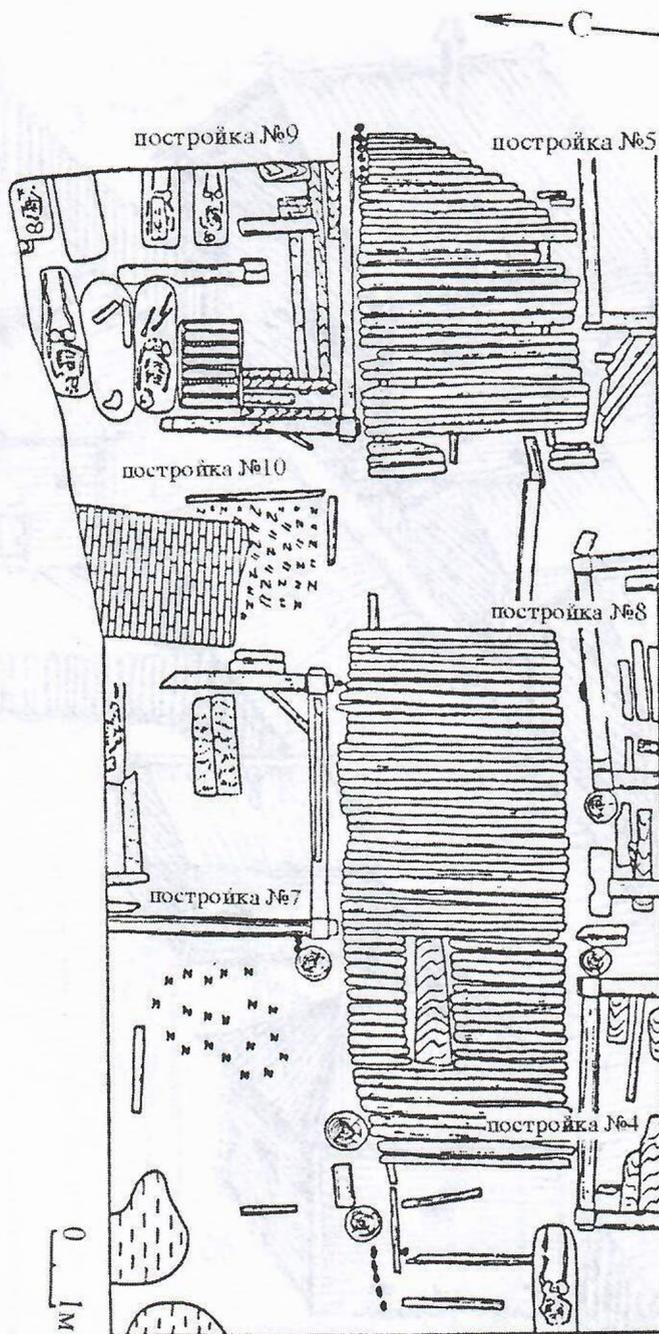

Рис. 31. Хлыновский кремль (по Л. П. Гуссаковскому).
 Фрагмент городской улицы конца XIV–начала XV в. (4-й строительный ярус) с жилыми и хозяйственными постройками, нарушенными захоронениями XVI–XVIII вв.

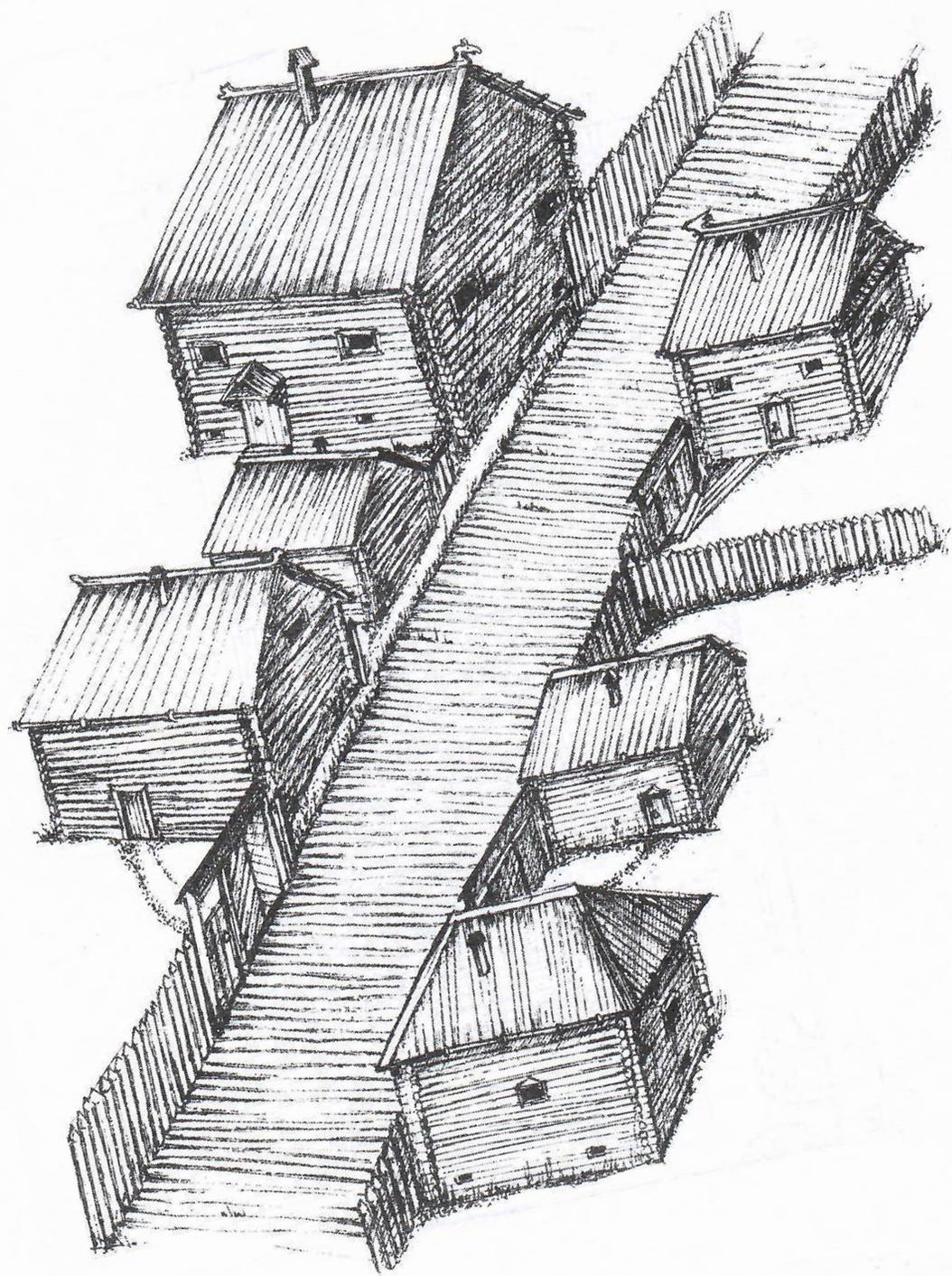

Рис. 32. Улица Хлыновского кремля конца XIV–начала XV в. (реконструкция автора).

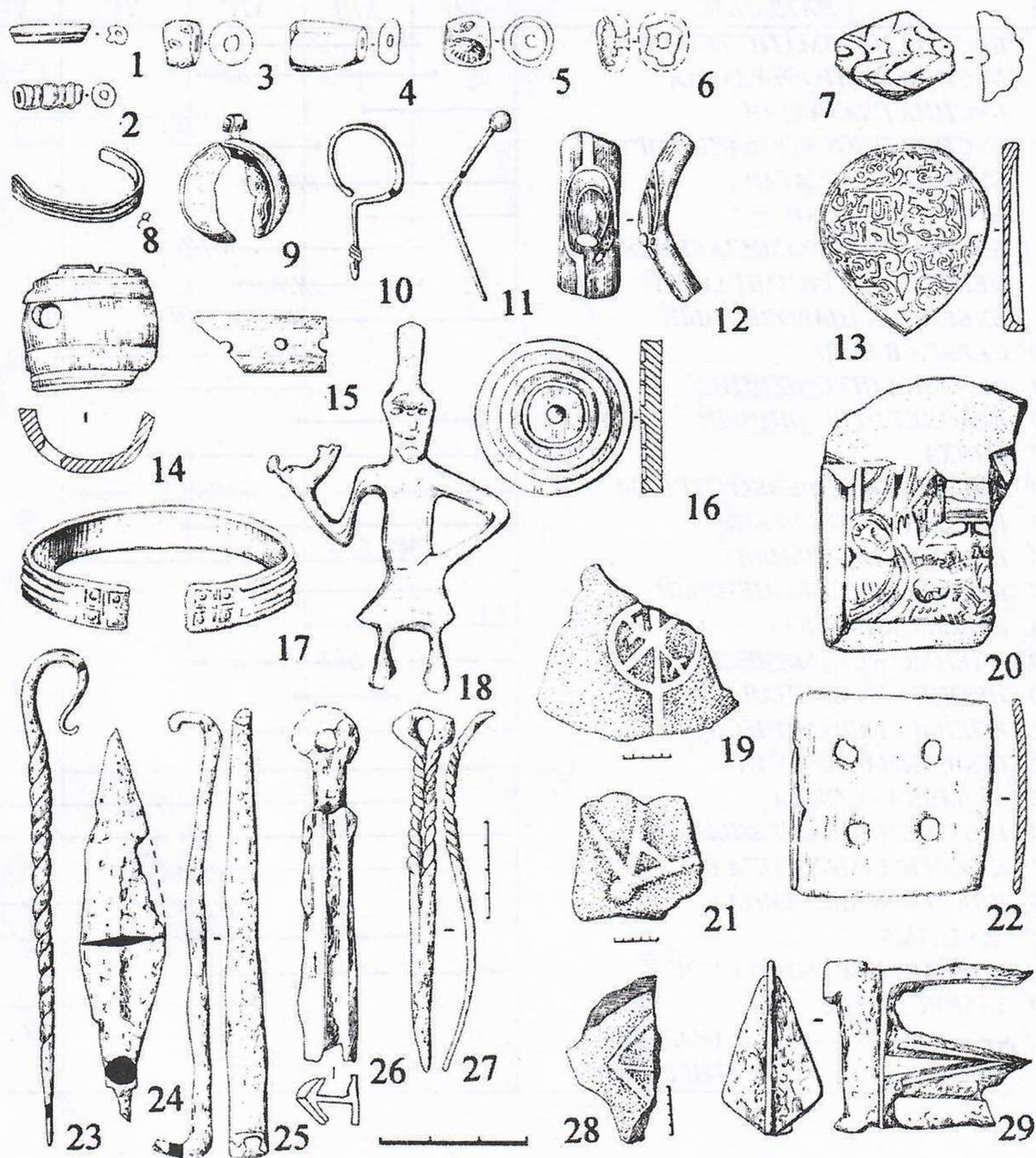

Рис. 33. Вещевой инвентарь Хлыновского кремля.

1-7 - бусы; 8 - перстень; 9 - бубенчик; 10 - серьга; 11 - булавка; 13 - бляха; 14 - насадка на древко стрелы; 15 - накладка гребня; 16 - шашка; 12, 17 - браслеты; 18 - подвеска-идол; 19, 21, 28 - донные клейма; 20 - фрагмент иконки; 22 - ткацкая пластина; 23 - булавка-спица; 24 - наконечник стрелы; 25, 26 - ключи; 27 - кочедык; 29 - замок (1-3, 5-7, 12 - стекло; 4 - янтарь; 8, 13, 17 - медь; 9, 18 - бронза; 10 - серебро; 11, 23-27, 29 - железо; 14-16, 22 - кость; 19, 21, 28 - глина; 20 - камень).

ПРЕДМЕТ (РИС. 33)		В	Е	К	А	
№	НАЗВАНИЕ	XII	XIII	XIV	XV	XVI
1	БУСИНА ПРИЗМАТИЧЕСКАЯ	—	—	—	—	—
2	БУСИНА ВИНТООБРАЗНАЯ	—	—	//////	—	—
3	БУСИНА ГЛАЗЧАТАЯ	—	—	—	—	—
4	БУСИНА ПЛОСКООВАЛЬНАЯ	—	—	—	—	—
5	БУСИНА ГЛАЗЧАТАЯ	—	—	//////	—	—
6	БУСИНА ЗОННАЯ	—	—	—	—	—
7	БУСИНА БИПИРАМИДАЛЬНАЯ	—	—	//////	—	—
8	ПЕРСТЕНЬ ПЛАСТИНЧАТЫЙ	—	—	//////	—	—
9	БУБЕНЧИК ШАРОВИДНЫЙ	—	—	—	///	—
10	СЕРЬГА В ВИДЕ "?"	—	—	//////	—	—
11	БУЛАВКА (ПУС-ЙЕППИ?)	—	—	—	—	—
12	БРАСЛЕТ СТЕКЛЯННЫЙ	—	—	—	—	—
13	БЛЯХА	—	—	—	—	—
14	НАСАДКА НА ДРЕВКО СТРЕЛЫ	—	—	//////	—	—
15	НАКЛАДКА ОТ ГРЕБНЯ	—	—	—	—	—
16	ШАШКА ИГРАЛЬНАЯ	—	—	—	—	—
17	БРАСЛЕТ ТУПОКОНЕЧНЫЙ	—	—	—	—	—
18	ПОДВЕСКА - ИДОЛ	—	—	—	—	—
19	КЛЕЙМО КЕРАМИЧЕСКОЕ	—	///	—	—	—
20	ИКОНКА КАМЕННАЯ	—	—	—	—	—
21	КЛЕЙМО КЕРАМИЧЕСКОЕ	—	///	—	—	—
22	ПЛАСТИНА ТКАЦКАЯ	—	—	///	—	—
23	БУЛАВКА - СПИЦА	—	—	—	///	—
24	НАКОНЕЧНИК СТРЕЛЫ	—	—	—	—	///
25	КЛЮЧ К ЗАМКУ ТИПА В	—	—	—	—	—
26	КЛЮЧ К ЗАМКУ ТИПА Е	—	—	—	—	—
27	КОЧЕДЫК	—	—	—	////	—
28	КЛЕЙМО КЕРАМИЧЕСКОЕ	—	///	—	—	—
29	ЗАМОК ТИПА Е	—	—	—	////	—

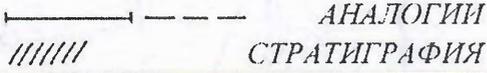

Рис. 34. Хронология вещевого комплекса Хлынова.

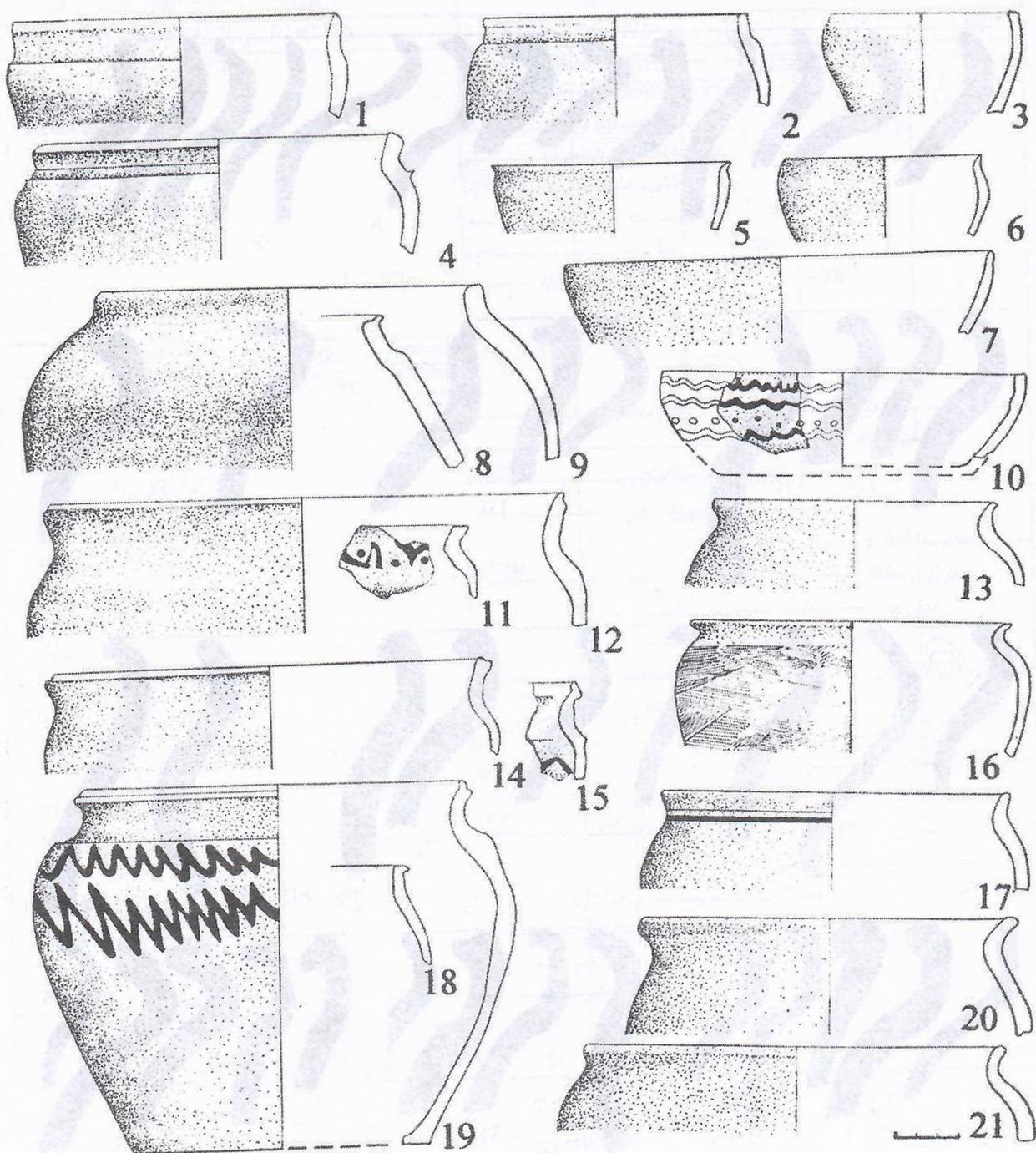

Рис. 35. Керамика из древнейших ярусов Хлыновского кремля.
 1-9, 11-14, 16-19, 21 - лепная; 15-20 - правленная на круге; 10 - круговая.

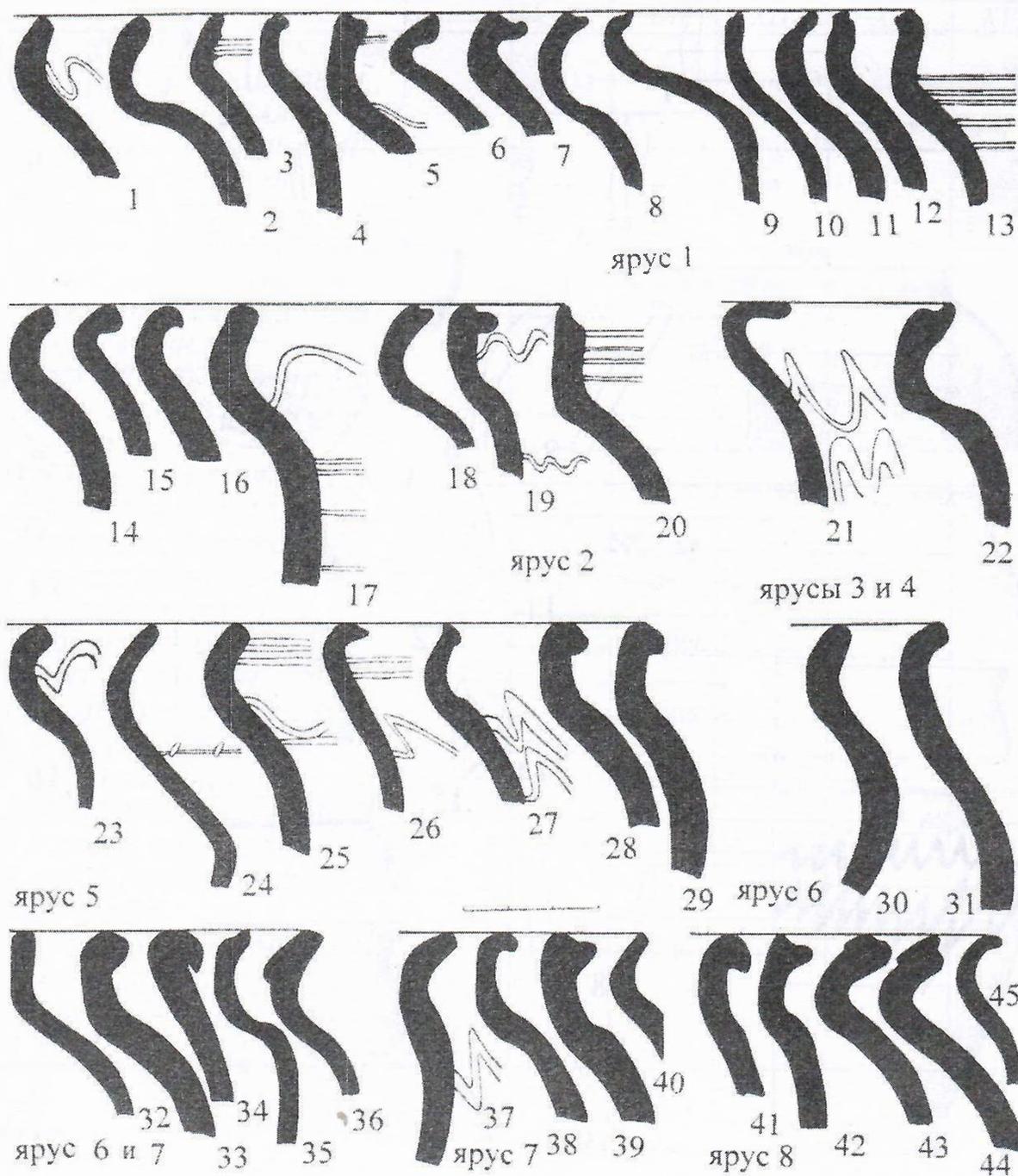

Рис. 36. Размещение круговой посуды по ярусам кремля г. Хлынова
(по материалам Л.П. Гуссаковского, 1956 и 1957 гг.).

А. ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА		В	Е	К	А	
ТИП	УКАЗАТЕЛЬ К РИС. 35	XII	XIII	XIV	XV	XVI
1	12;16;17;19;21			---	---	---
2	11			---		
3	4		---			
4	13;14			---		
5	15;20		---			
6	8;9;18		---			
7	1;2		---			
8	3;5;6					
-	7 (ЧАША)		---			
Б. КРУГОВАЯ КЕРАМИКА						
ТИП	УКАЗАТЕЛЬ К РИС. 36					
IA	1;2;17;25;30;31;37;45					
IB	4;16;26				---	
IV	14;23;24;40					
IIA	32					
IIБ	3					
IIВ	5					
IIIA	6;15		---		---	
IIБ	21		---			
IIВ	7					
IIГ	34			---		
IV	12;13;27				---	
V	9;10;11				---	
VIА	8;18				---	
VIБ	22;35					
VII	20			---	---	
VIIАБ	33;28;29;38;41			---		
VIIВ	19;39;42		---			
IX	36;43;44			---		
	КУВШИНЫ					
	— АНАЛОГИИ					
	СТРАТИГРАФИЯ					

Рис. 37. Хронология керамики Хлыновского кремля.

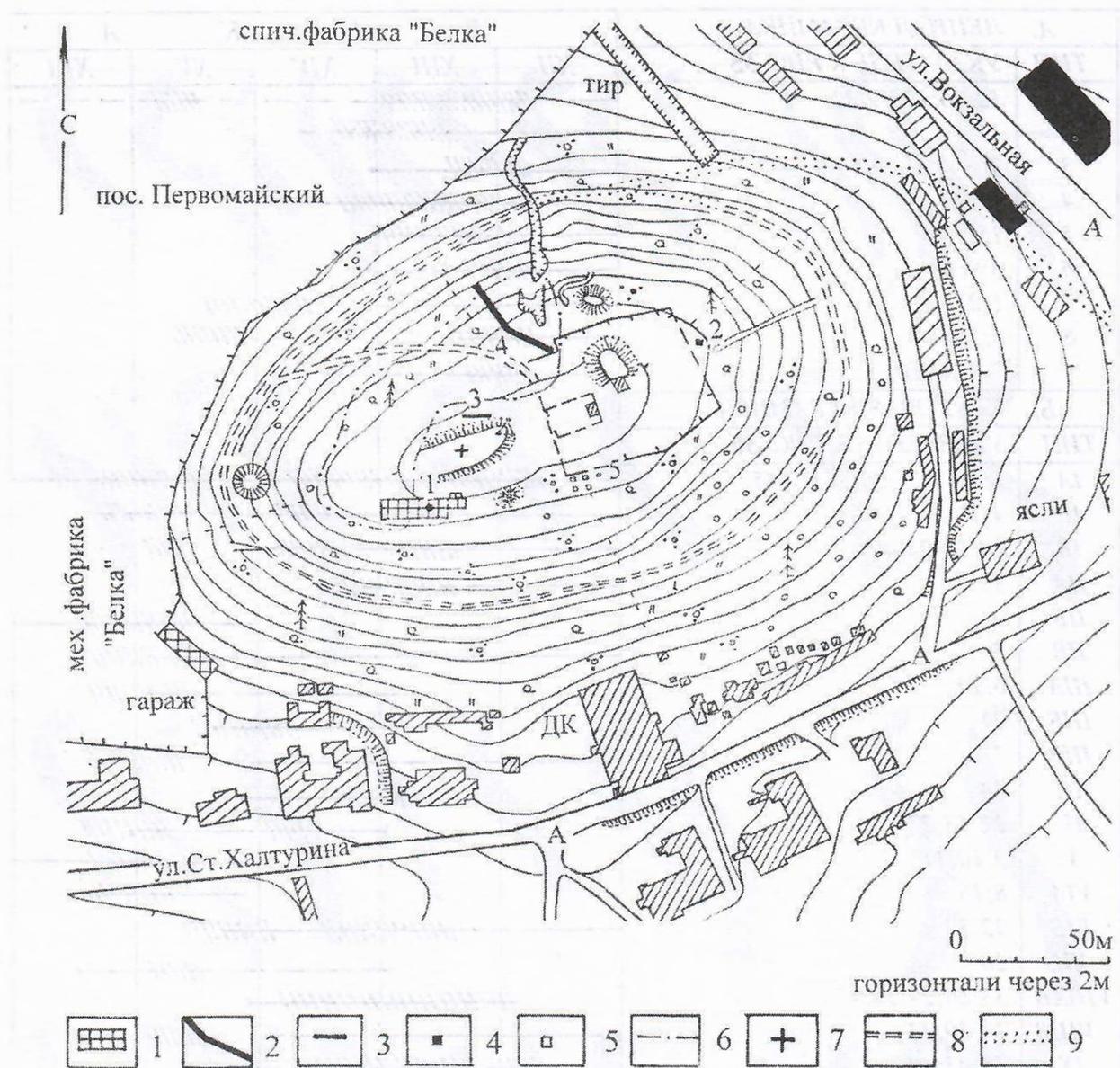

Рис. 38. Подчуринское городище.
 Топографический план (1 – раскоп 1988 г.; 2 – зачистка траншеи 1987 г.; 3 – траншея 1983 г.; 4 – шурфы 1983 г.; 5 – шурфы 1959 г.; 6 – границы могильника; 7 – местоположение часовни; 8 – современная грунтовая дорога на городище; 9 – предполагаемая древняя дорога).

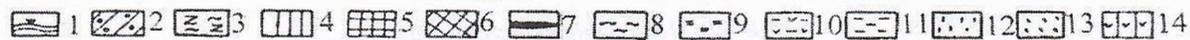
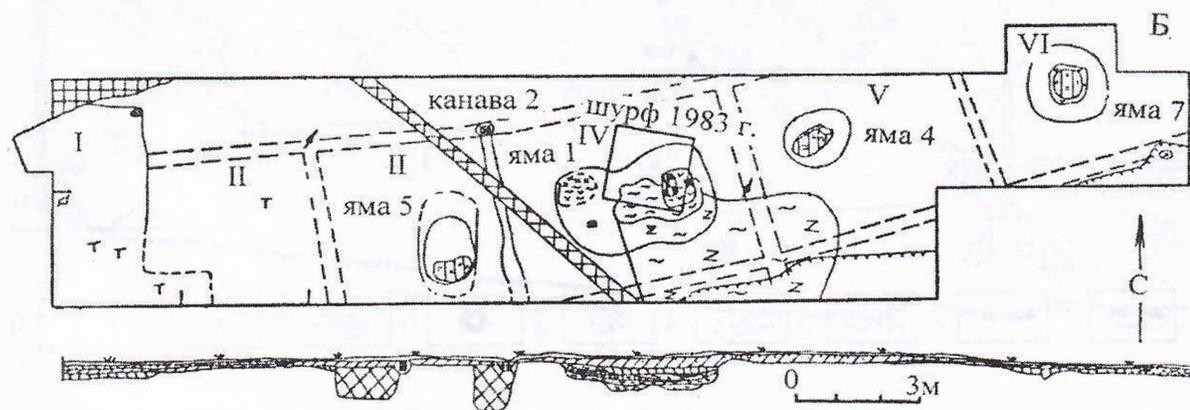
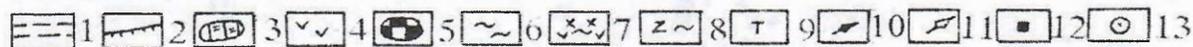
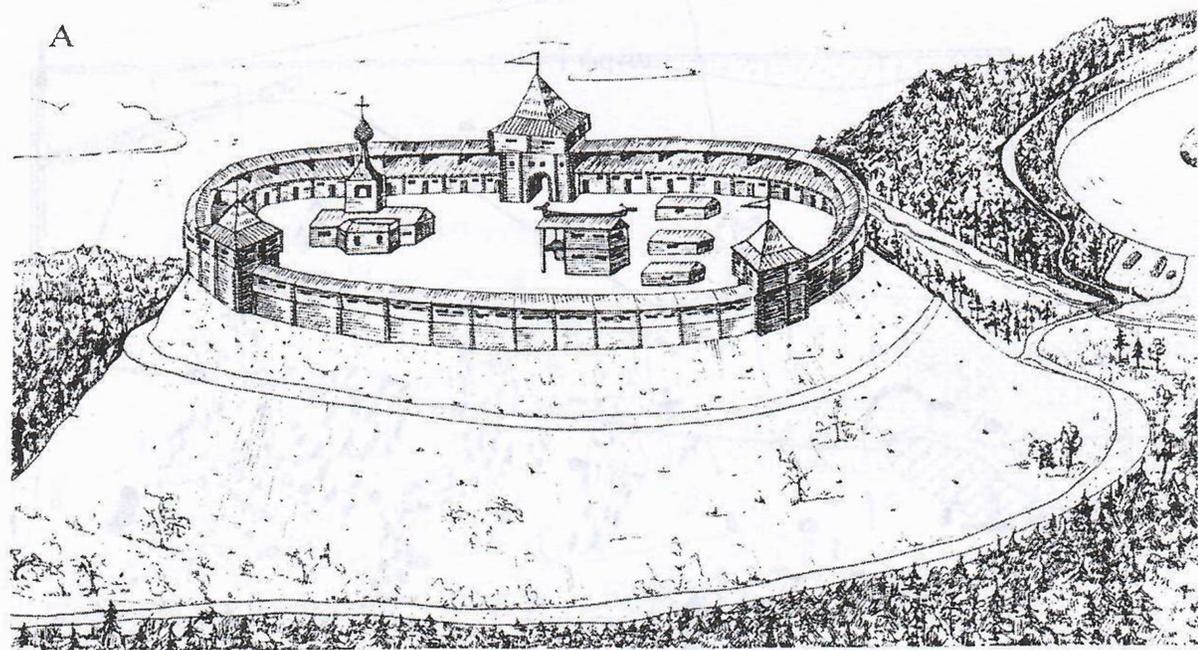

Рис. 39. Подчуршинское городище.

А – реконструкция крепости XIII–XIV вв.; Б – план и профиль раскопа. Обозначения к плану:

1 – предполагаемые очертания; 2 – край искусственного эскарпа; 3 – прокол; 4 – углистое пятно;

5 – обугленное дерево; 6 – зола; 7 – скопление золы, шлака и угля; 8 – золистый слой с известкой;

9 – железные гвозди; 10 – железные наконечники стрел; 11 – костяной наконечник стрелы;

12 – обломок панцирной пластины; 13 – бронзовый умбон от щита (?).

Обозначения к профилю: 1 – дерн и пахота; 2 – темно-коричневый суглинок – слой XVII–XIX вв. со скоплением кирпичного лома; 3 – золистый слой с известкой; 4 – темно-серый суглинок – древнерусский культурный слой XIII–XIV вв.; 5 – заполнение современных траншей; 6 – коричневый пестрый суглинок – заполнение поздних могил; 7 – уголь; 8 – золотистый слой; 9 – слой прокала; 10 – глина с включением угля;

11 – стерильная глина; 12 – глина, перемешанная с культурным слоем; 13 – выброс из современных траншей;

14 – черный суглинок с углем.

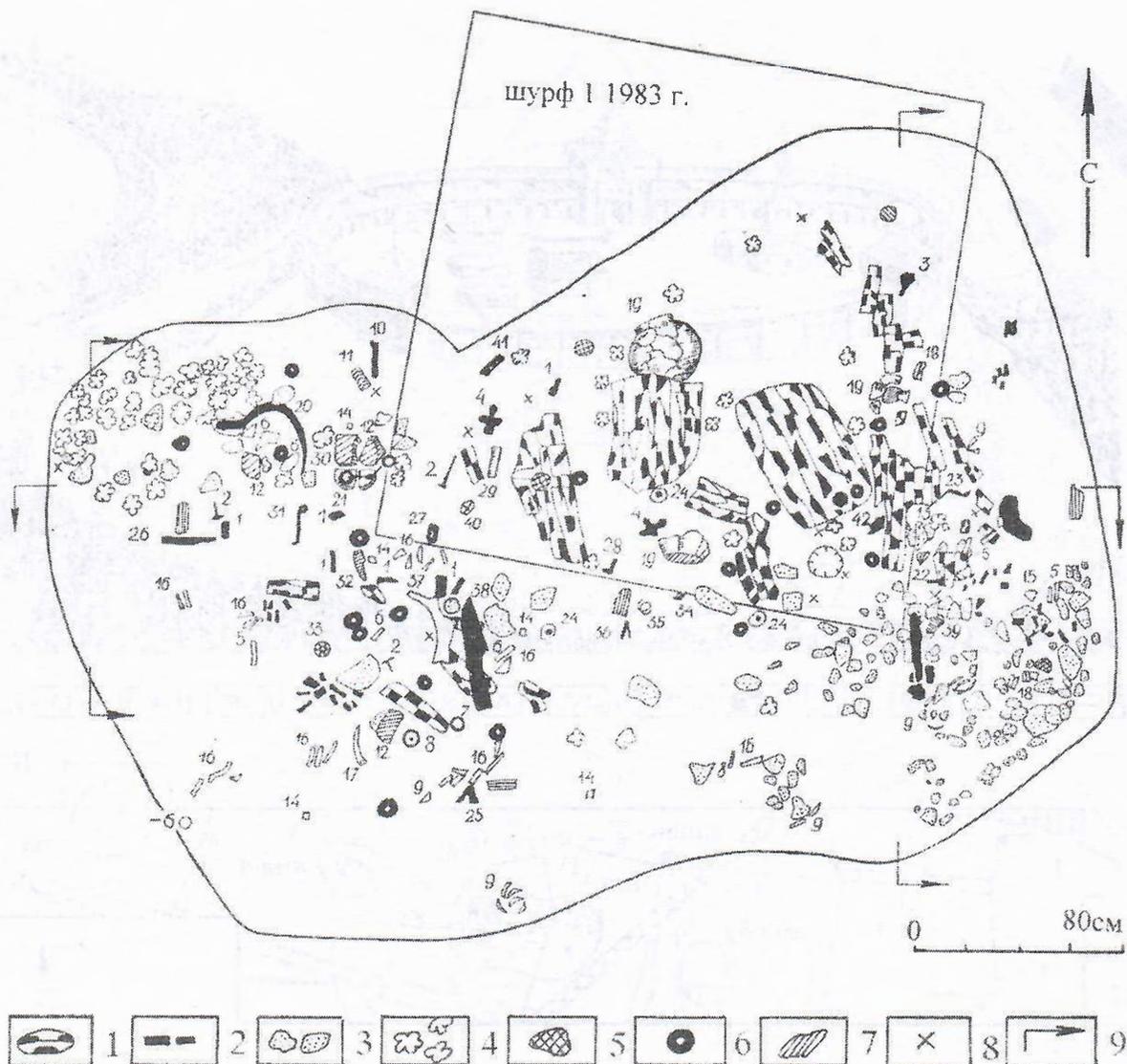

Рис. 40. Подчуринское городище.

Яма 1. (1 – обугленное дерево; 2 – угли; 3 – камни; 4 – шлак; 5 – глиняная обломка; 6 – глиняные грузила и их фрагменты; 7 – окаменевшее дерево; 8 – кремневые отщепы; 9 – разрезы в профилях раскопа). Находки:
 1 – обломки железных вещей; 2 – железные гвозди; 3 – железное навершие рукояти меча; 4 – створки бронзового энколпиона; 5 – кости животных; 6 – обработанные кости; 7 – железное кольцо; 8 – глиняное пряслице; 9 – чешуя и кости рыб; 10 – фрагмент железного дверного крючка; 11 – обугленная рукоятка; 12 – точильные камни; 13 – обгоревшая береста; 14 – кальцинированные кости; 15 – яичная скорлупа; 16 – кости птиц; 17 – рог животного; 18 – зубы животных; 19 – раздавленные сосуды; 20 – железный серп; 21 – железные удила; 22 – речная раковина; 23 – фрагмент железной дужки сосуда; 24 – каменные пряслица; 25 – фрагмент медной вещи; 26 – железный нож; 27 – железное кресало; 28 – фрагмент железного замка; 29 – заготовка костяной рукояти; 30 – железная панцирная пластина; 31 – железный ключ; 32 – галечное точило; 33 – свинцовый грузик; 34 – бронзовая бляшка; 35 – моток бронзовой проволоки; 36 – железный пинцет; 37 – обработанный рог лося; 38 – железное чересло от плуга; 39 – пиленьный камень; 40 – кремневый отщеп с ретушью; 41 – железная гвоздильня; 42 – скол лезвия топора.

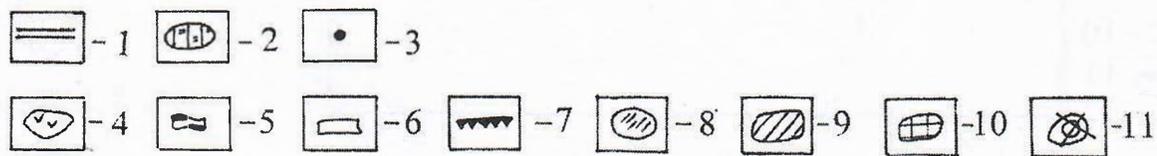
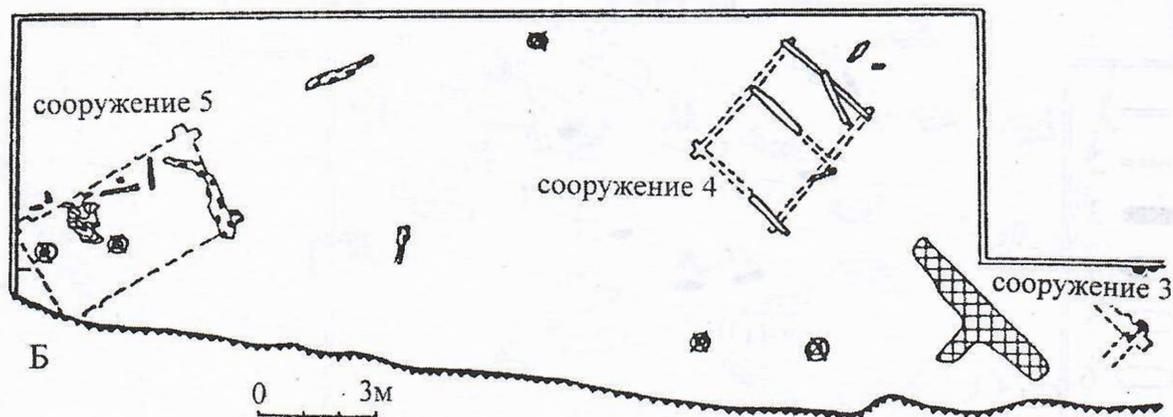
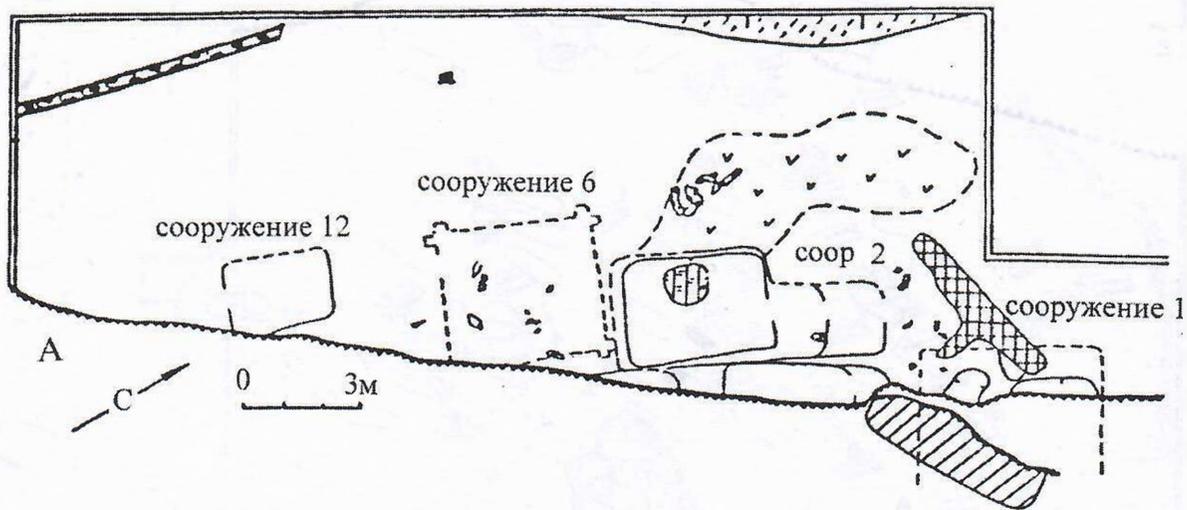

Рис. 41. Поселение Искра.

Планы раскопа. А – древнерусские сооружения (XIII–XIV вв.); Б – позднерусские остатки (XV–XVI вв.).

1 – граница раскопа; 2 – прокол; 3 – столбовые ямки; 4 – углистый слой; 5 – обугленное дерево;
 6 – необугленные бревна и доски; 7 – край обрыва; 8 – естественное западение; 9 – оползший слой;
 10 – поздняя яма; 11 – раздавленный сосуд.

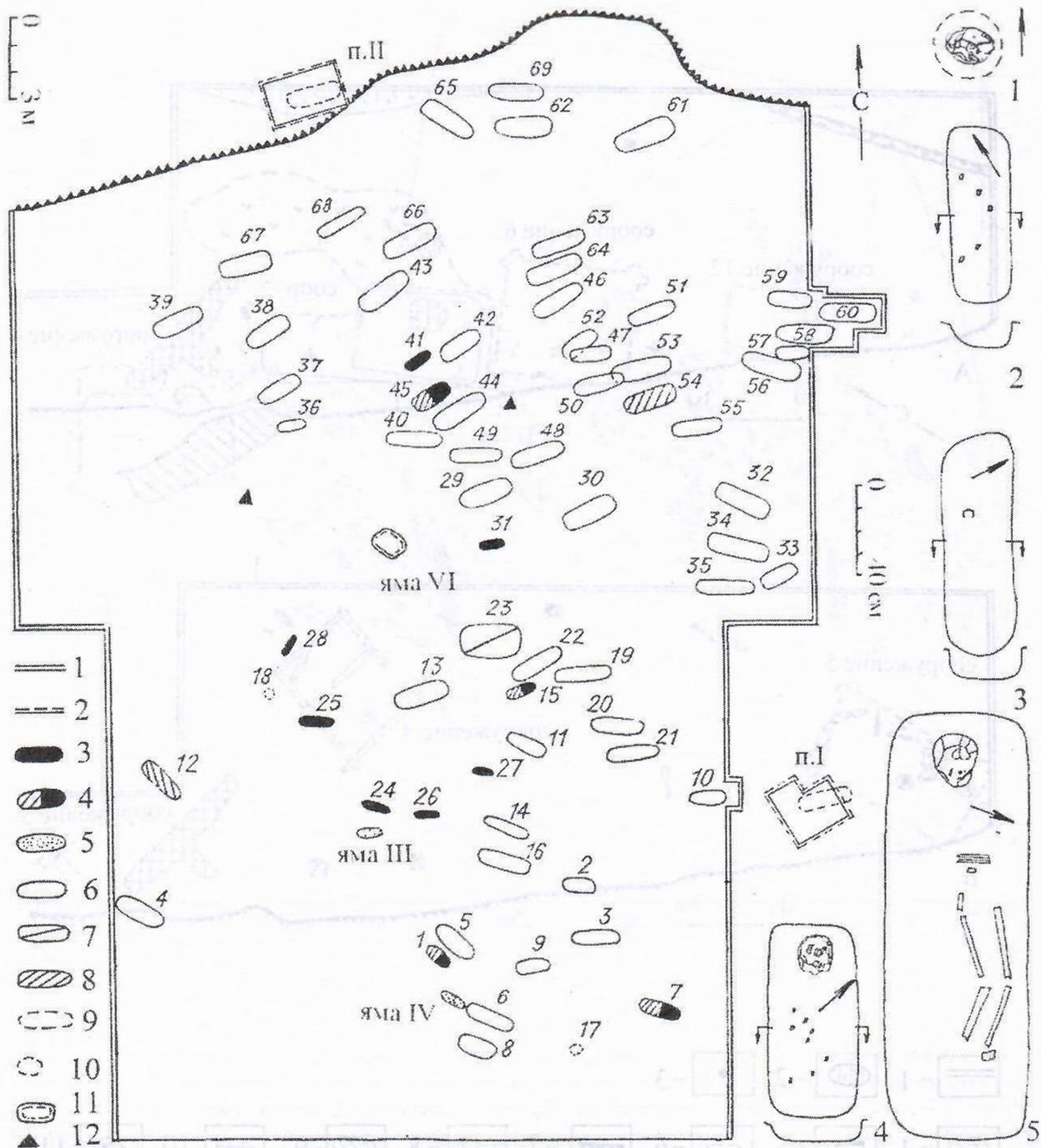

Рис. 42. Еманаевский могильник (по Н.А. Лецинской).

План раскопа (1 – границы раскопа; 2 – очертания шурфов М.В. Талицкого 1929 г.; 3 – могилы с кремациями; 4 – погребения с частичными кремациями; 5 – могилы-кенотафы; 6 – погребения с труположениями; 7 – парное захоронение; 8 – могилы умерших с согнутыми в коленях ногах; 9 – предположительные очертания; 10 – захоронения черепов; 11 – яма в центре культовой постройки; 12 – находки керамики в межмогильном пространстве); планы отдельных погребений (1 – № 17; 2 – № 6; 3 – яма IV; 4 – № 1; 5 – № 54).

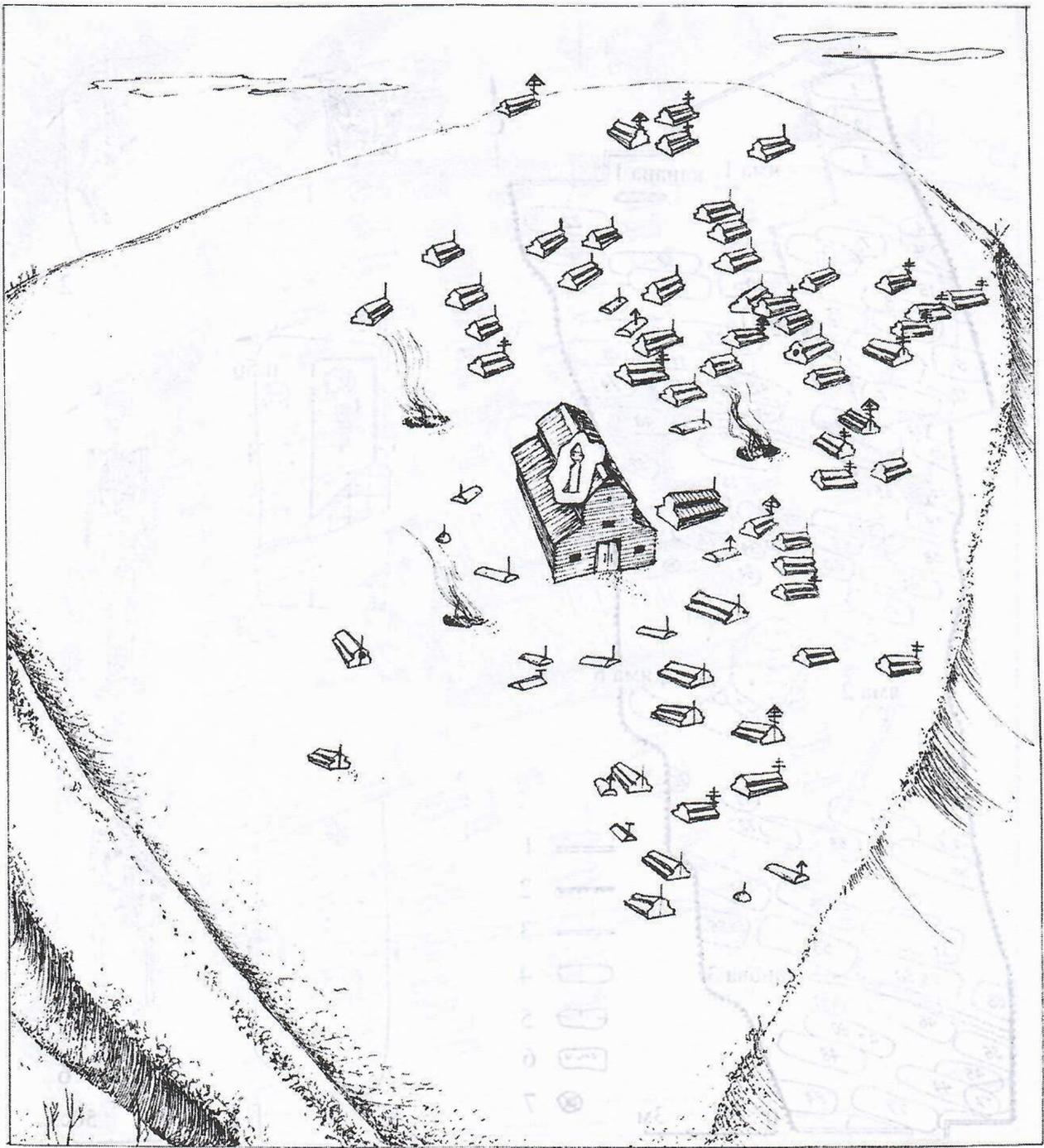

Рис. 43. Предположительная реконструкция Еманаевского комплекса:
языческий храм-могильник.

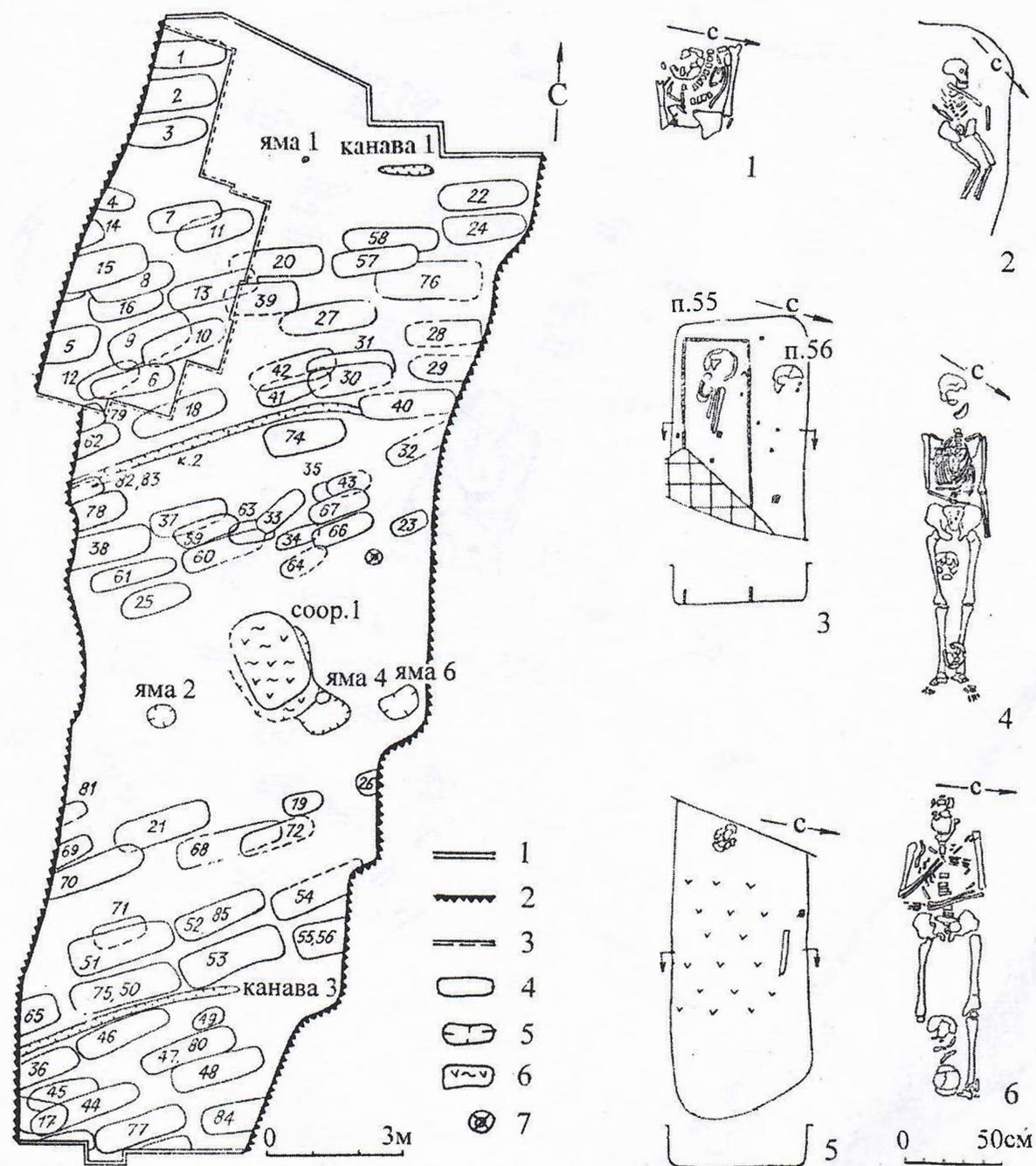

Рис. 44. Материалы могильников.

План раскопа на могильнике Покста (1 – границы раскопа 1988 г.; 2 – край обрыва; 3 – границы раскопа 1985 г.; 4 – очертания могил; 5 – очертания ям и канав; 6 – зольно-углистый слой; 7 – деревянный столб).

Планы отдельных захоронений на могильниках Вятской земли: 1, 4, 6 – Шабалинский;

2 – Никульчинский I; 3, 5 – Покста.

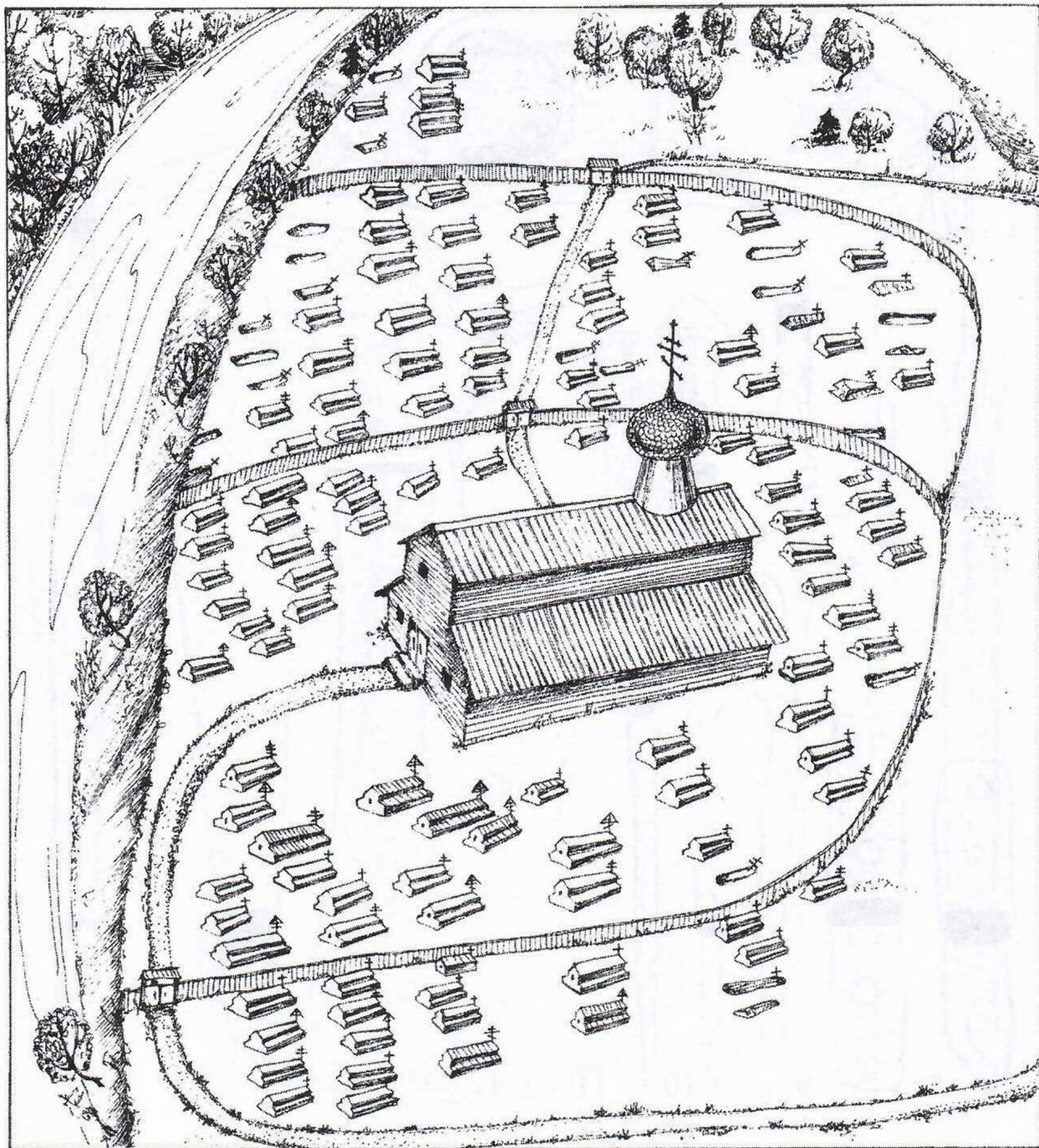

Рис. 45. Возможная реконструкция комплекса Покста: православный храм-могильник.

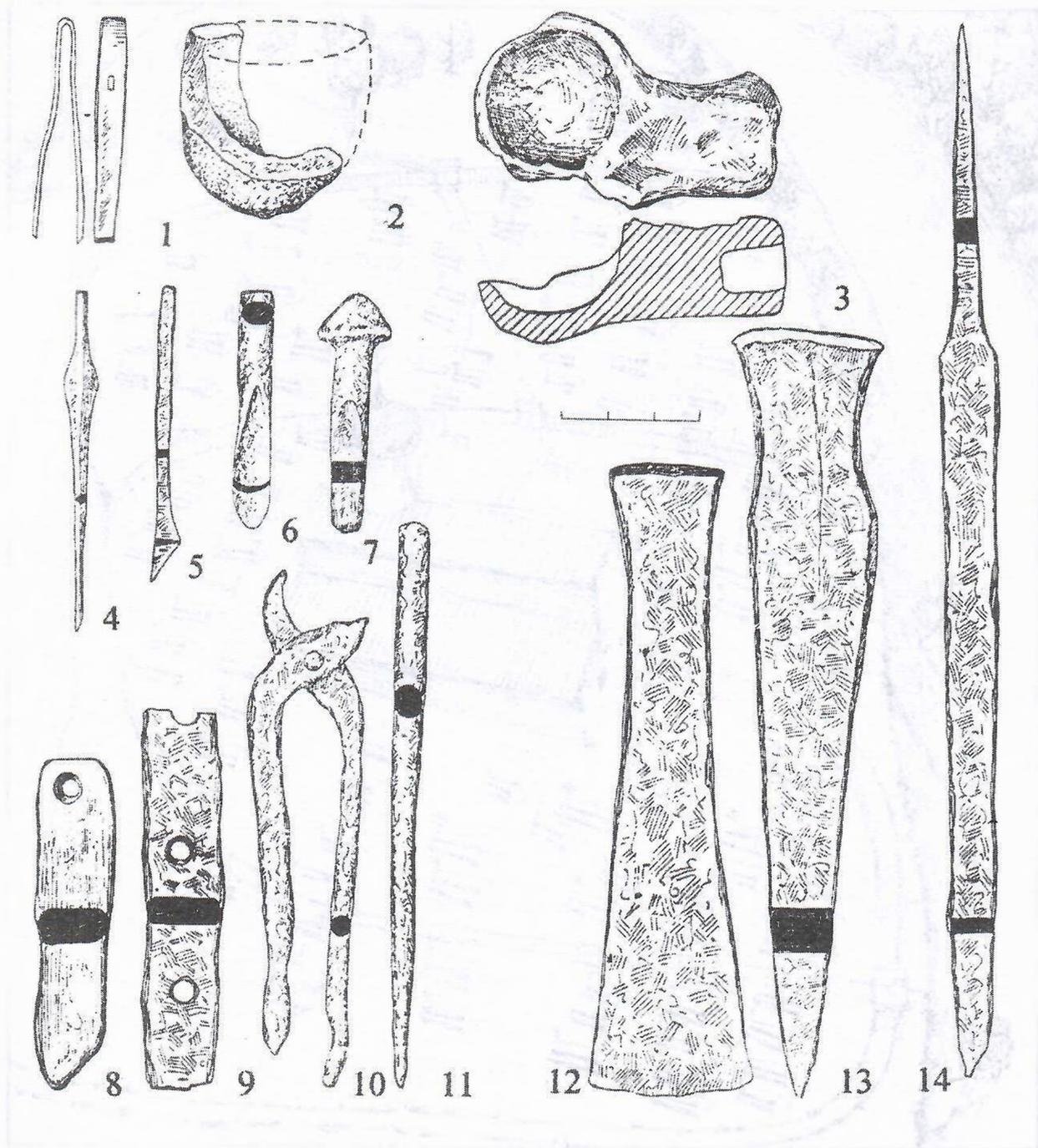

Рис. 46. Инструментарий ювелира и кузнеца с поселений Вятской земли.

- 1 – пинцет; 2 – плавильный тигель; 3 – льячка для разлива металла; 4 – шило; 5 – резец; 6 – сверло; 7 – чекан;
 8 – оселок; 9 – гвоздильня; 10 – щипцы; 11 – пробойник; 12 – зубило; 13 – наковаленка-шперак;
 14 – заготовка напильника (1 – медь; 2–3 – глина; 4–7, 9–14 – железо; 8 – камень). 1, 3, 5, 7,
 12 – Никкульчинское городище; 2 – поселение Искра; 4 – Хлыновское городище; 6, 13, 14 – Ковровское горо-
 дище; 8 – поселение Коктыш II; 9 – Подчуринское городище; 10 – Вятская губерния;
 11 – Котельничское городище.

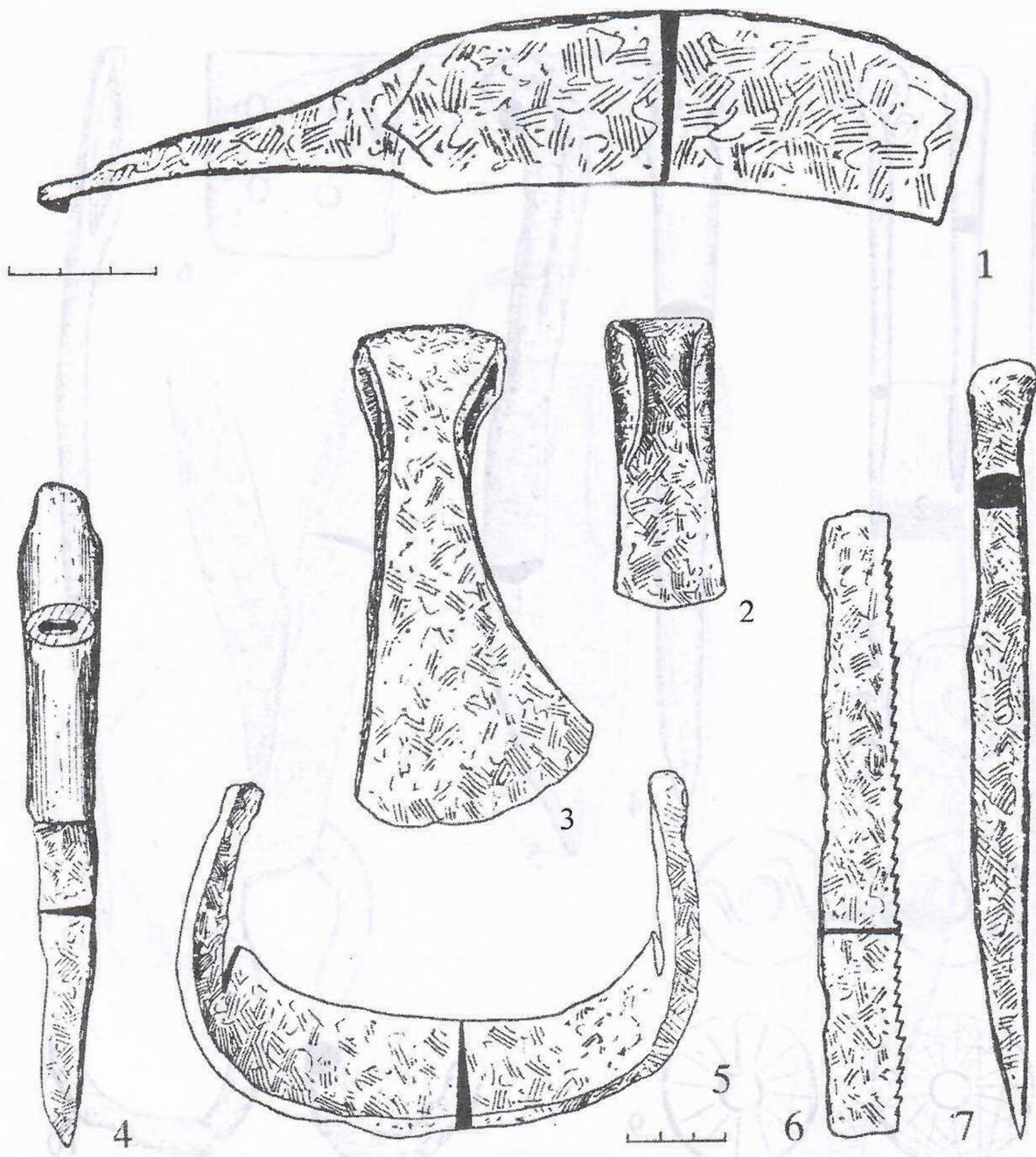

Рис. 47. Деревообрабатывающие инструменты Вятской земли.
 1 – струг; 2 – тесло; 3 – топор; 4 – нож; 5 – скобель; 6 – пила; 7 – долото. 1 – Шабалинское городище;
 2–4, 7 – Никульчинское городище; 5 – Котельнич; 6 – Ковровское городище.

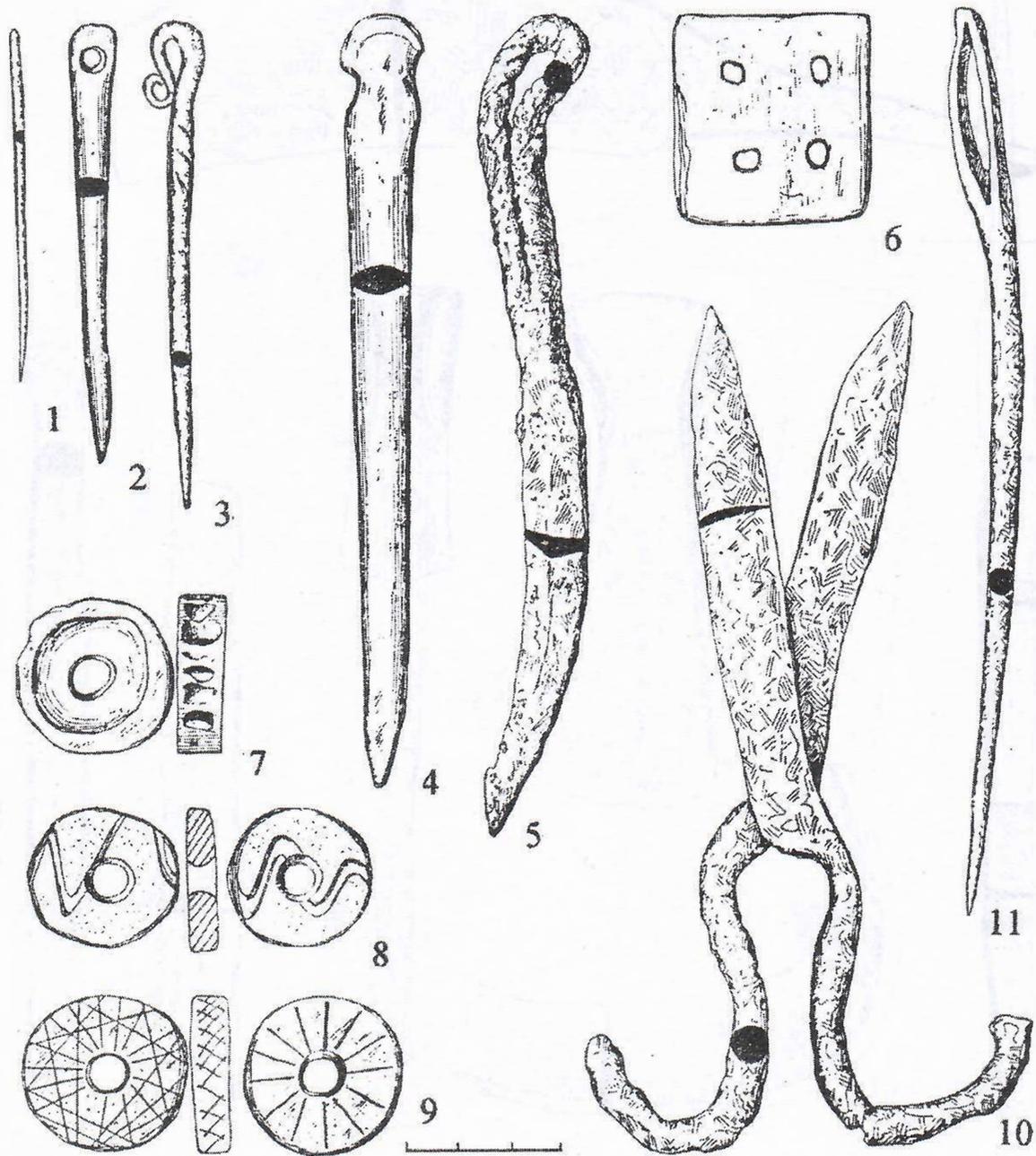

Рис. 48. Инструменты для ткачества, шитья, вязания и плетения с памятников
Вятской земли.

1, 2, 11 – иглы; 3 – булавка; 4, 5 – кочедыки; 6 – пластинка для плетения тесьмы; 7–9 – пряслица;
10 – ножницы. (1, 3, 5, 10, 11 – железо; 2, 4, 6, 7 – кость; 8 – глина; 9 – камень). 1 – Худяковское поселение;
2, 3, 5, 10, 11 – Никульчинское городище; 4 – Котельничское городище; 6–8 – Хлыновское городище;
9 – Подчуршинское городище.

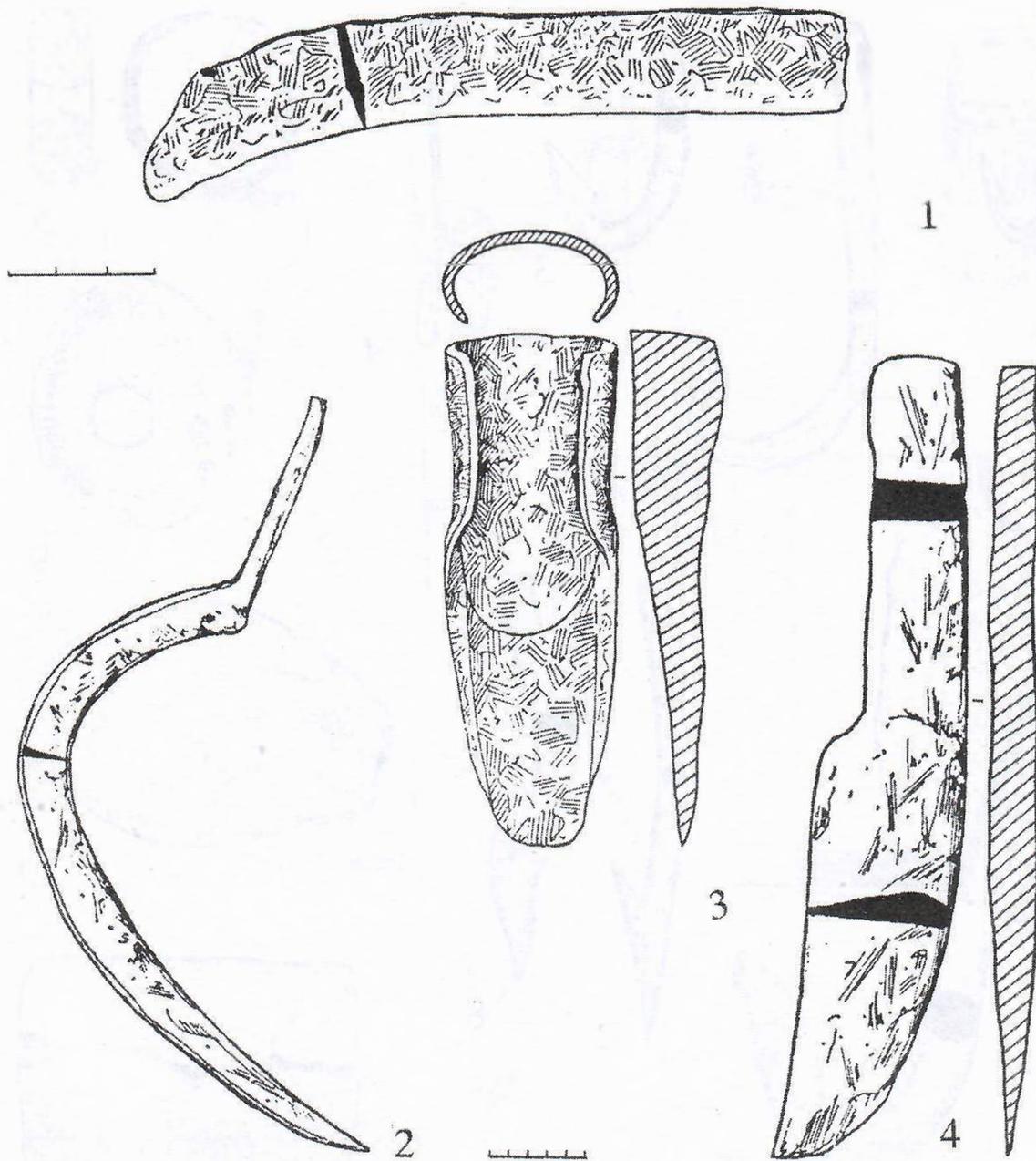

Рис. 49. Сельскохозяйственные орудия труда Вятской земли.
 1 – фрагмент косы; 2 – серп; 3 – сошник; 4 – чересло (все – железо). 1, 3 – Никулицын;
 2, 4 – Подчуришское городище.

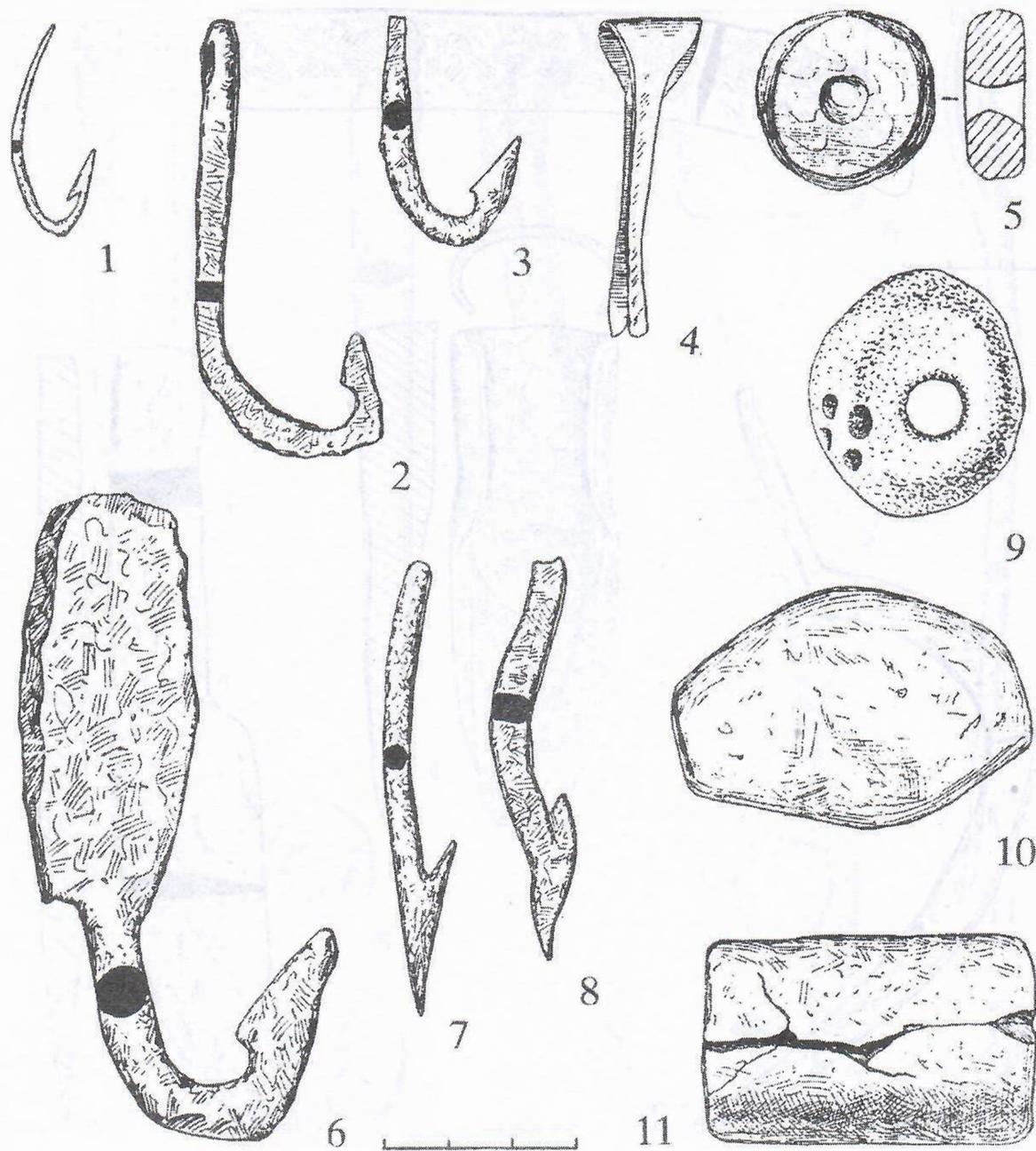

Рис. 50. Рыболовные снасти Вятской земли.

1-3 - крючки; 4 - лодочная скоба; 5 - поплавок из сосновой коры; 6 - блесна; 7, 8 - зубцы острог;
 9-11 - грузила от сетей. (1-4, 6-8 - железо; 5 - кора; 9-11 - глина). 1, 5, 7 - Хлыновское городище;
 2 - поселение Искра; 3, 8 - Ковровское городище; 4 - Орлов;
 6 - Никулицын; 9, 10 - Котельнич; 11 - Подчуринское городище.

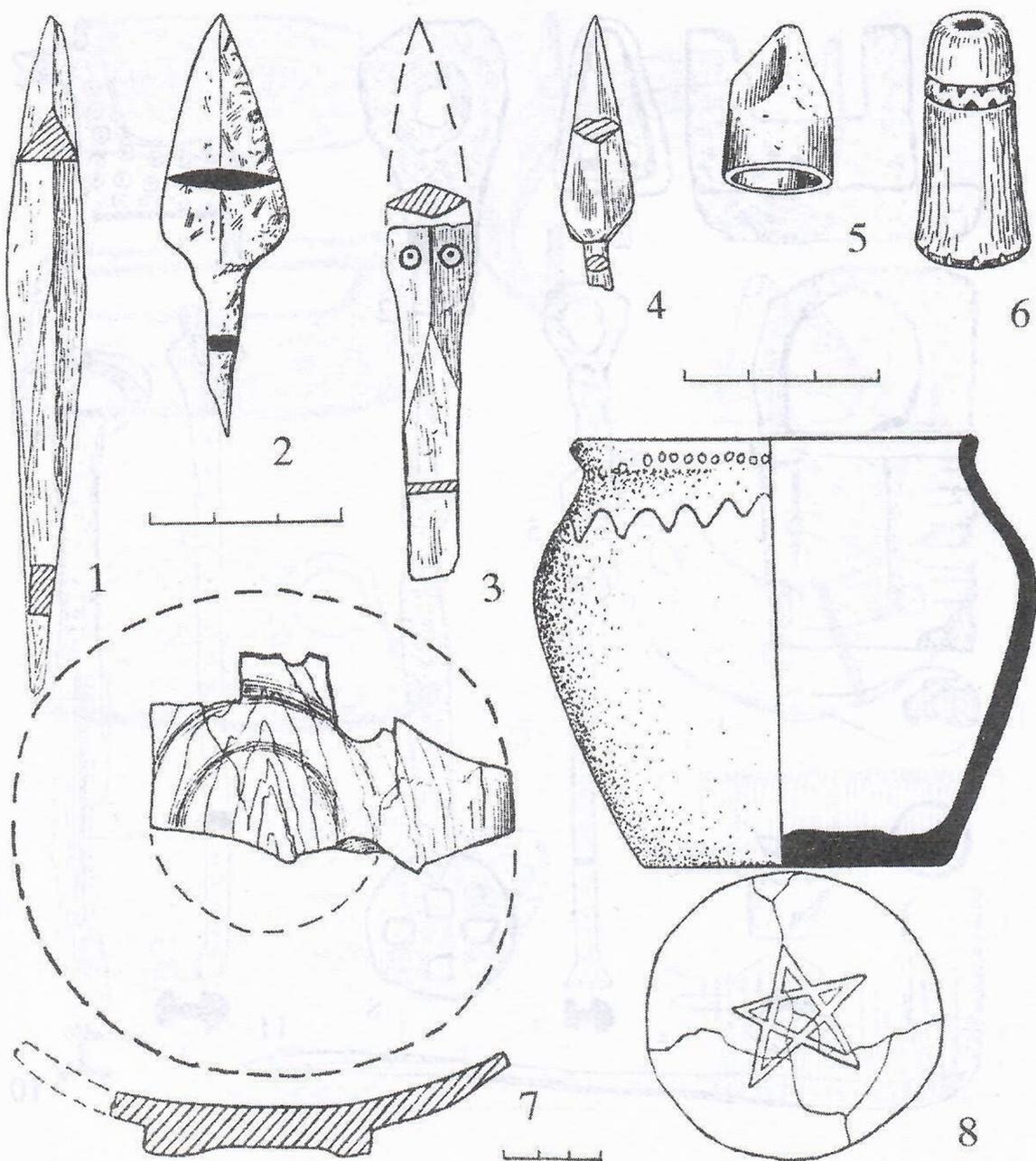

Рис. 51. Охотничьи наконечники стрел (1-6) и посуда (7, 8) с поселений Вятской земли.
 1-4 - обычные наконечники стрел; 5, 6 - томары для добычи пушиного зверя; 7 - фрагмент чаши;
 8 - горшок с донным клеймом. 1, 3-6 - кость; 2 - железо; 7 - обугленное дерево;
 8 - глина. 1, 3, 6-8 - Никулицын; 2, 4 - Подчуринское городище; 5 - Котельнич.

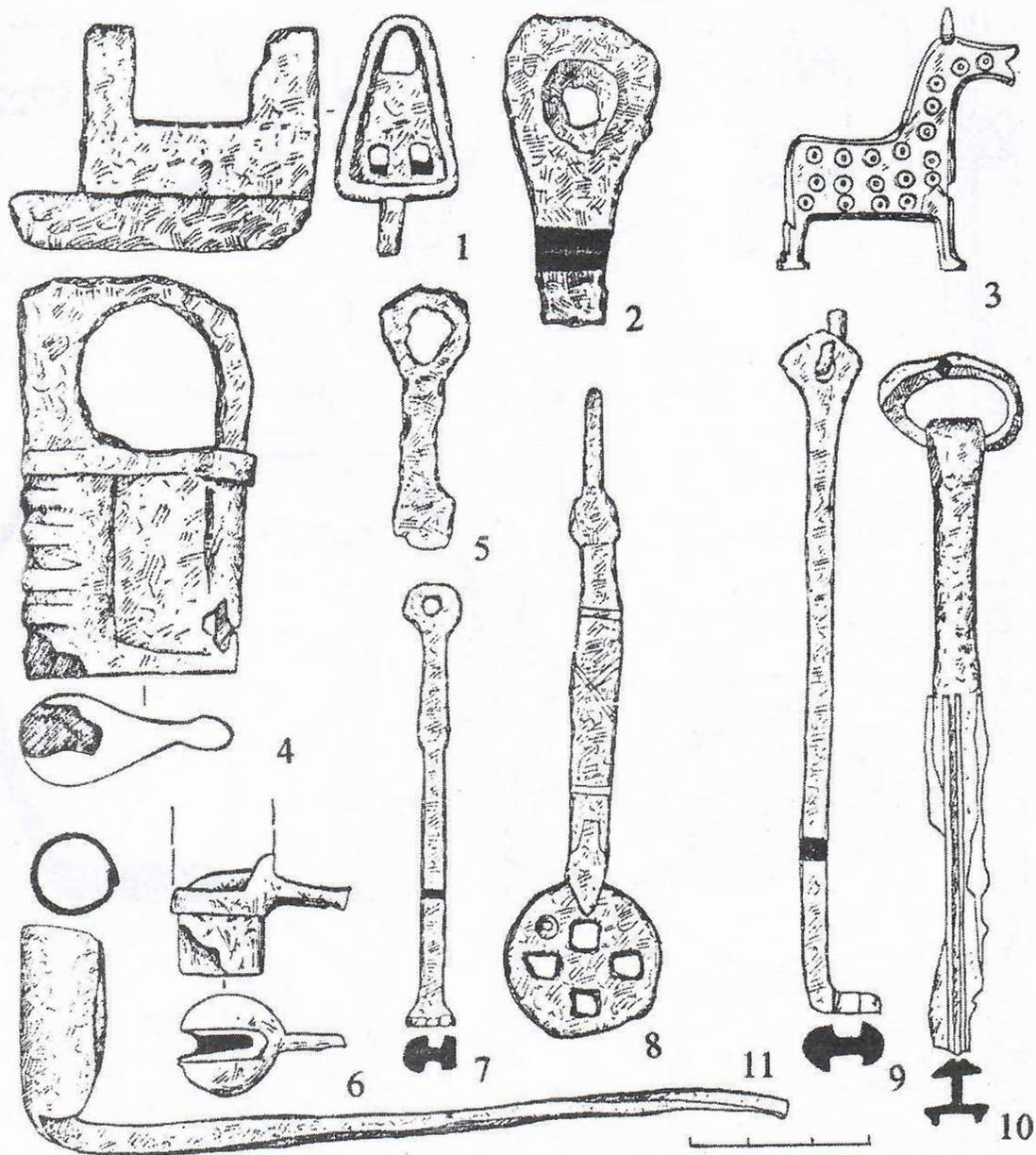

Рис. 52. Домашний инвентарь Вятской земли.
 1, 3, 4, 6 – замки; 2 – пробой; 5, 7–10 – ключи; 11 – подсвечник. (3 – бронза, остальные – железо).
 1 – Котельнич; 2, 3, 5 – Ковровское городище; 4, 7, 9–11 – Никулицын; 6 – Подчуришинское городище;
 8 – поселение Изран.

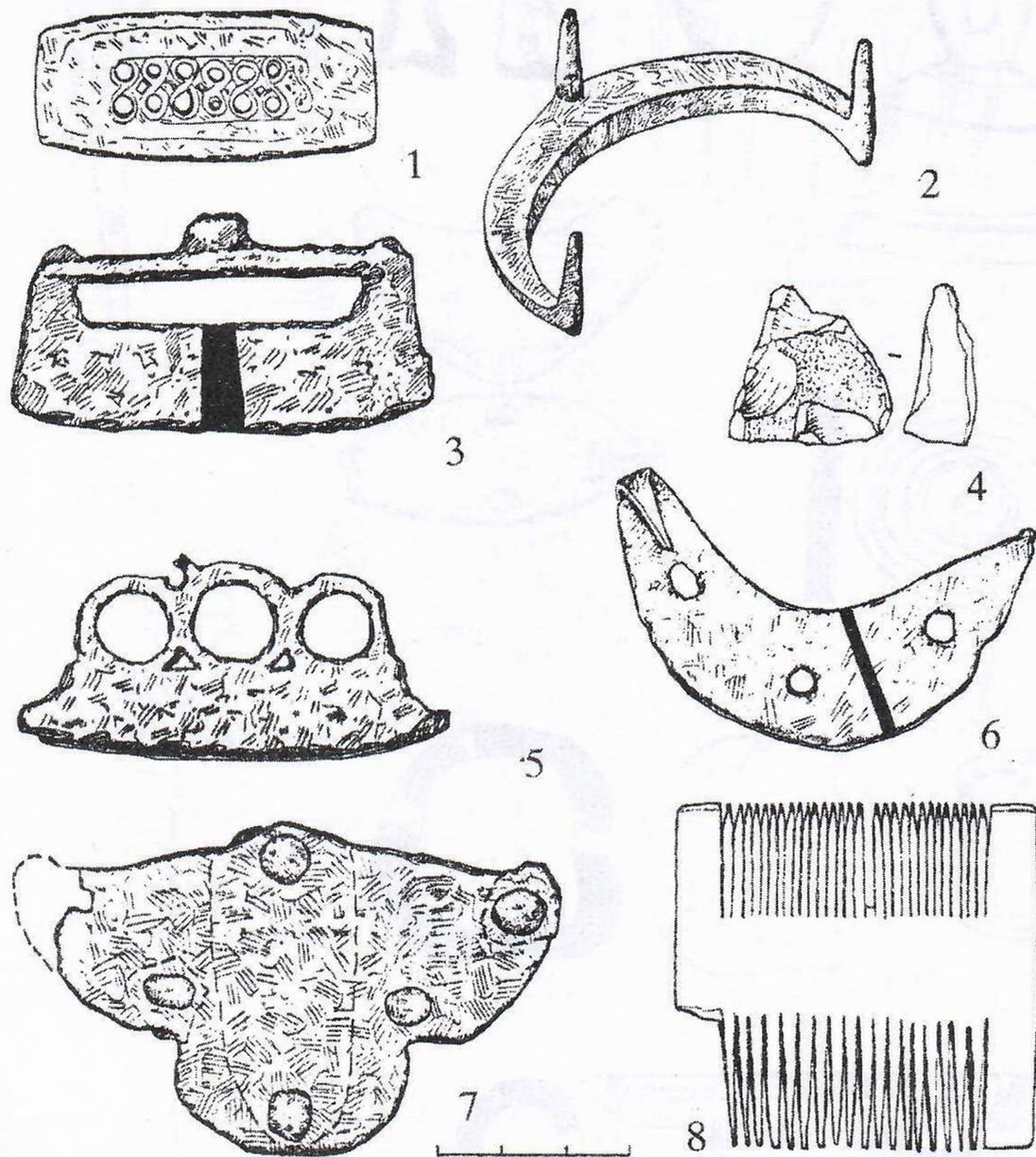

Рис. 53. Предметы личного обихода с поселений Вятской земли.
 1, 3, 5 – кресала; 2, 6 – сапожные подковки; 4 – кремь для кресала; 7 – накладка от сумки;
 8 – гребень. (1 – железо, медь; 2, 3, 5–7 – железо; 4 – камень; 8 – кость). 1–4 – Никулицын;
 5, 7 – Ковровское городище; 6 – Вятское городище; 8 – Котельнич.

Рис. 54. Игрушки и музыкальные инструменты Вятского края.

1 – колокольчик; 2 – горшочек; 3 – игральная кость; 4 – шапка; 5 – свистулька; 6 – шахматный конь;
 7 – погремушка; 8 – фрагмент сопели; 9, 10, 11 – писала. (1, 9, 10 – бронза; 2, 5, 7 – глина; 3, 4, 6 – кость;
 8 – древесный уголь; 11 – железо). 1, 4 – Хлынов; 2, 3 – Слободской; 5 – Вятское городище;
 6, 8, 11 – Никулицын; 7 – поселение Лобань I; 9, 10 – Ковровское городище.

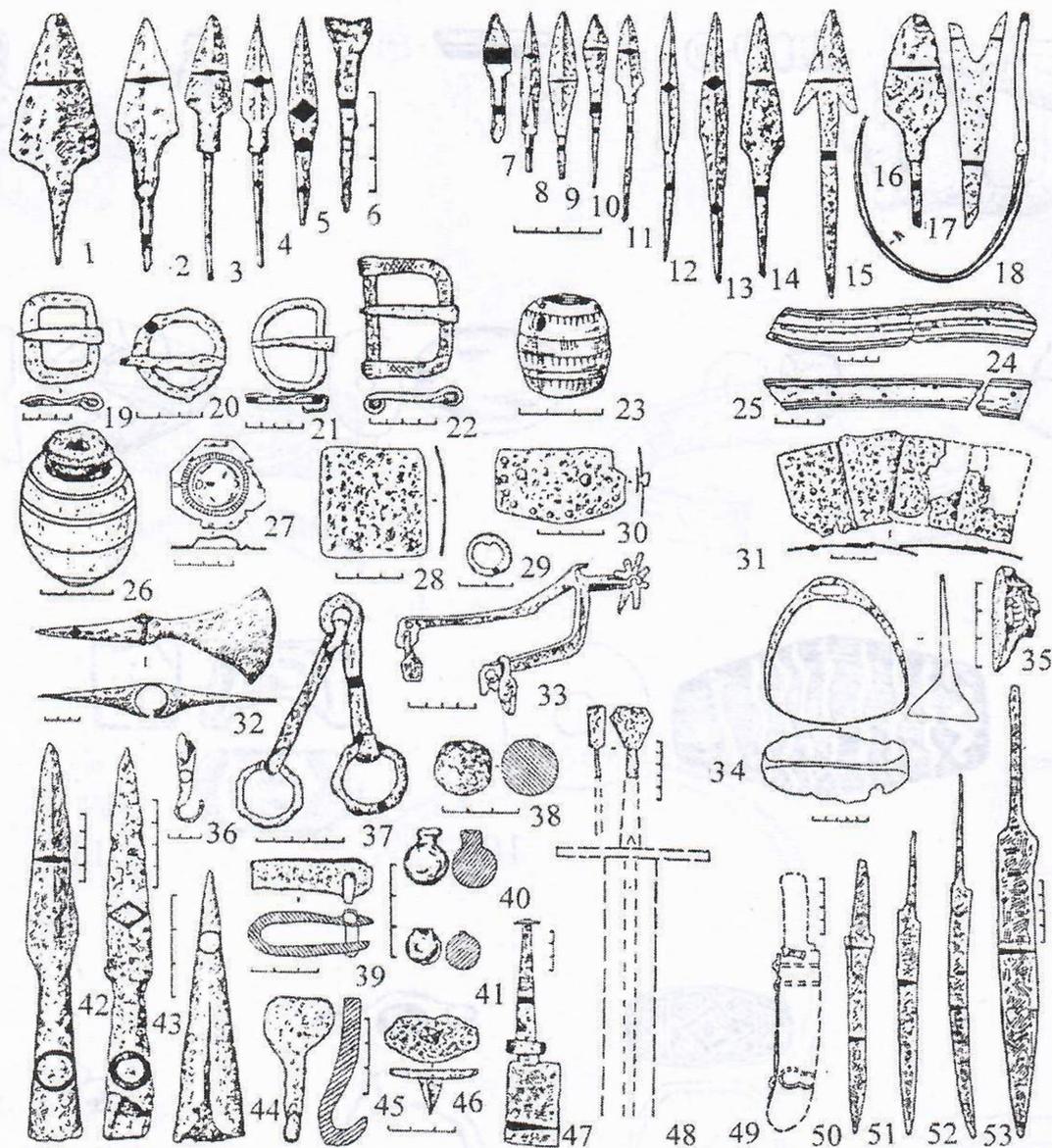

Рис. 55. Предметы вооружения Вятской земли.

- 1–17 – наконечники стрел; 18 – обойма колчана; 19–22 – подпружные пряжки; 23 – свистунка стрелы; 24, 25 – накладки на лук; 26 – кистень; 27 – умбон от щита (?); 28, 30, 31 – панцирные пластины; 29 – кольчужное кольцо; 32 – боевой топор; 33 – шпора; 34 – стремя; 35 – кремьен от кремневого ружья; 36 – крюк от кистеня; 37 – удила; 38 – тшцальное ядро; 39 – обойма от сабельных ножен; 40, 41 – пули; 42, 43 – копыа; 44 – вток; 45 – колчаный крюк; 46 – ледоходный шип; 47 – фрагмент палиаша (?); 48 – навершие меча; 49 – металлические детали ножен; 50–53 – боевые ножи. (1–21, 28–33, 35–39, 42–53 – железо; 22 – железо с серебряной инкрустацией; 23–25 – кость; 26 – кость и железо; 27 – бронза; 34 – камень; 40, 41 – свинец). 1–6, 11, 13, 15–20, 22, 24, 26, 28, 30, 31, 33, 34, 36, 37, 42, 44, 50–53 – Никульчинское городище; 7, 14, 29, 39, 43 – Ковровское городище; 8 – Орловское городище; 9, 10, 12, 38, 45 – Котельничское городище; 21, 23, 27, 48, 49 – Подчуршинское городище; 32 – Кирово-Чепецкая находка; 35 – Слободское городище; 40, 41 – Котельничский могильник; 46 – Шабалинское городище; 47 – Киришатская находка.

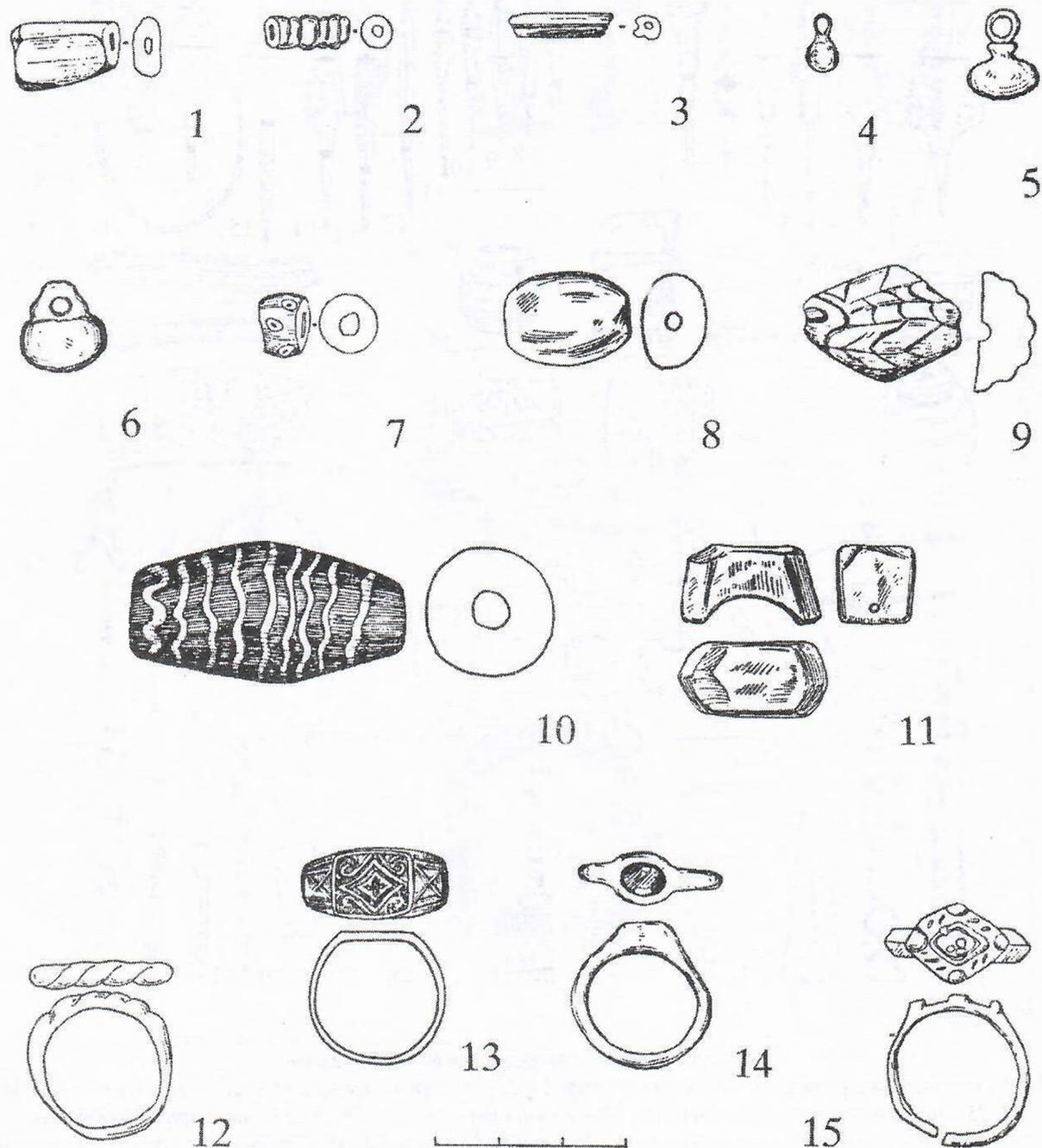

Рис. 56. Украшения и принадлежности костюма населения Вятской земли.
 1-3, 7-10 - бусы; 4-6 - пуговицы; 11-15 - перстни (1, 11 - янтарь; 2, 3, 7, 9, 10 - стекло; 4 - золото;
 5, 12, 14, 15 - бронза; 6 - кость; 8 - хрусталь; 13 - серебро). 1-3, 7, 9 - Хлынов;
 4, 11 - Ковровское городище; 5, 6, 8, 10, 13 - Никулицын; 12, 15 - Подчуришинское городище;
 14 - Котельнич.

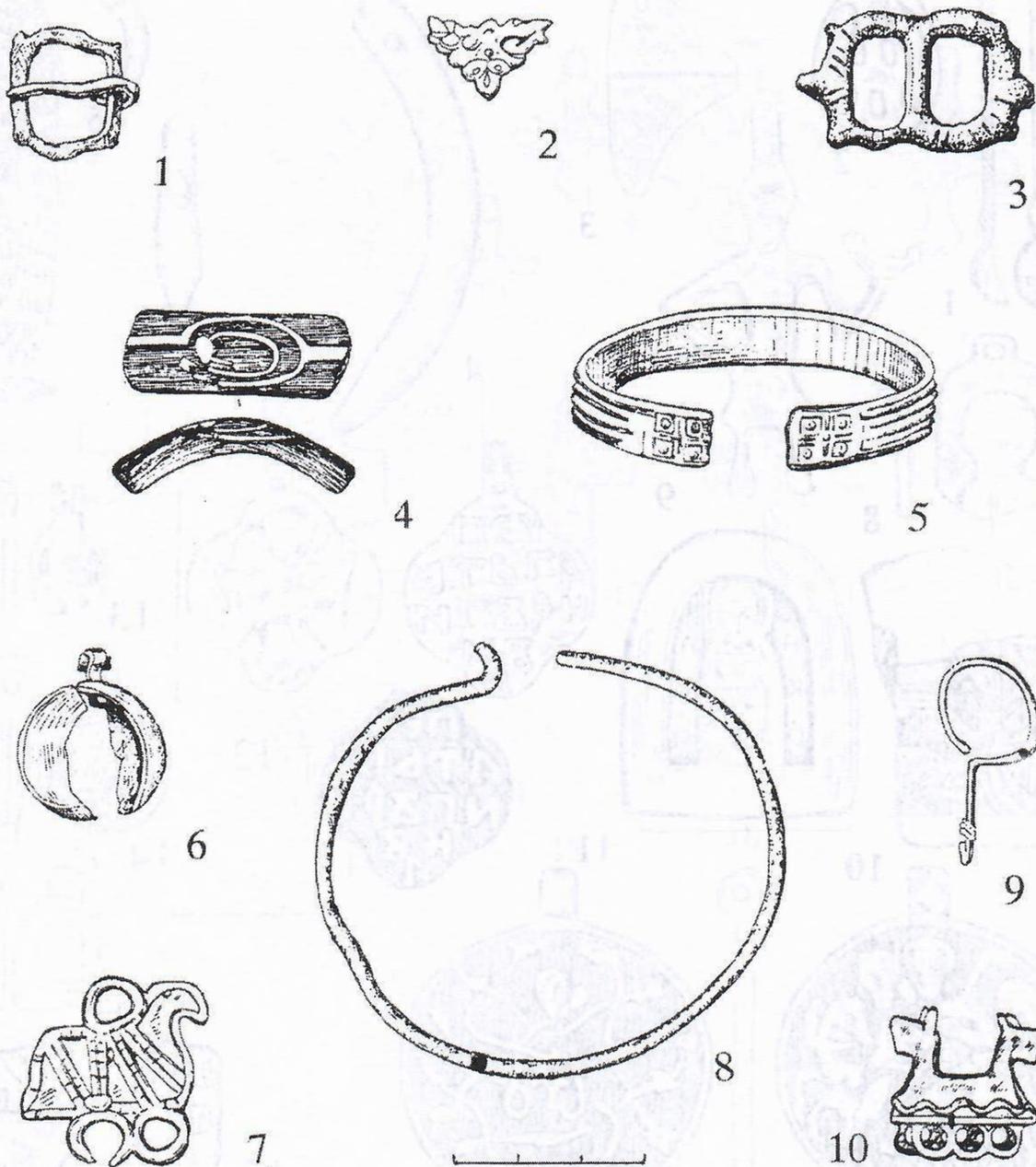

Рис. 57. Детали поясов и украшения Вятской земли.

1, 3 – пряжки; 2 – накладка; 4, 5 – браслеты; 6, 7, 10 – подвески; 9 – серьга;
 8 – височное кольцо (1–3, 5–10 – бронза; 4 – стекло). 1, 7 – Ковровское городище; 2 – Подчуринское городище;
 3 – Вятское городище; 4, 5, 6, 9 – Хлынов; 8 – Никулицын; 10 – Грековское селище.

Рис. 58. Предметы языческого и православного культов, печати Вятской земли.

1-6, 9 - подвески-амулеты; 7 - "громовая стрела"; 8, 10, 11, 13, 15 - иконки; 12 - печать-матрица; 14, 17 - буллы; 16 - змеевик. (1-3, 8, 9, 13, 15, 16 - бронза; 4-6 - кость; 7, 10, 11 - камень; 12 - серебро, позолота; 14, 17 - свинец). 1 - Вятское городище; 2-6, 8, 11, 15 - Никулицын; 7, 9, 10 - Хлынов; 12, 17 - Ковровское городище; 13 - поселение Покста II; 14 - Шабалинское городище; 16 - Малопургинская находка.

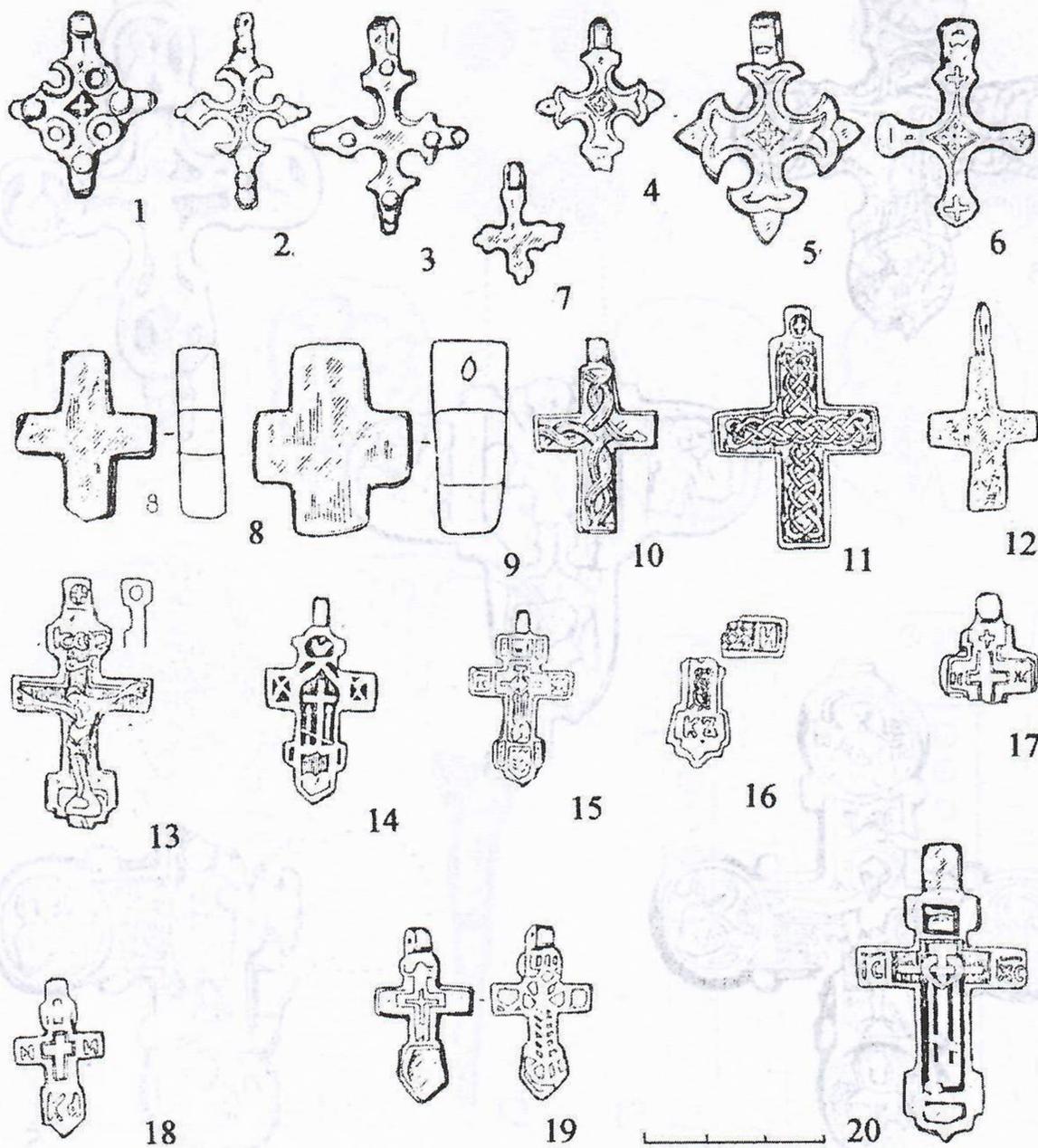

Рис. 59. Кресты-тельники Вятской земли.

1-7, 10, 11, 13-20 - бронза; 8 - хрусталь; 9 - янтарь; 12 - железо. 1-3, 5, 8, 10, 11, 14-17, 19 - Никулицын;
4, 6, 7, 9, 12 - Ковровское городище; 13 - Орлов; 18 - Котельнич; 20 - Слободской.

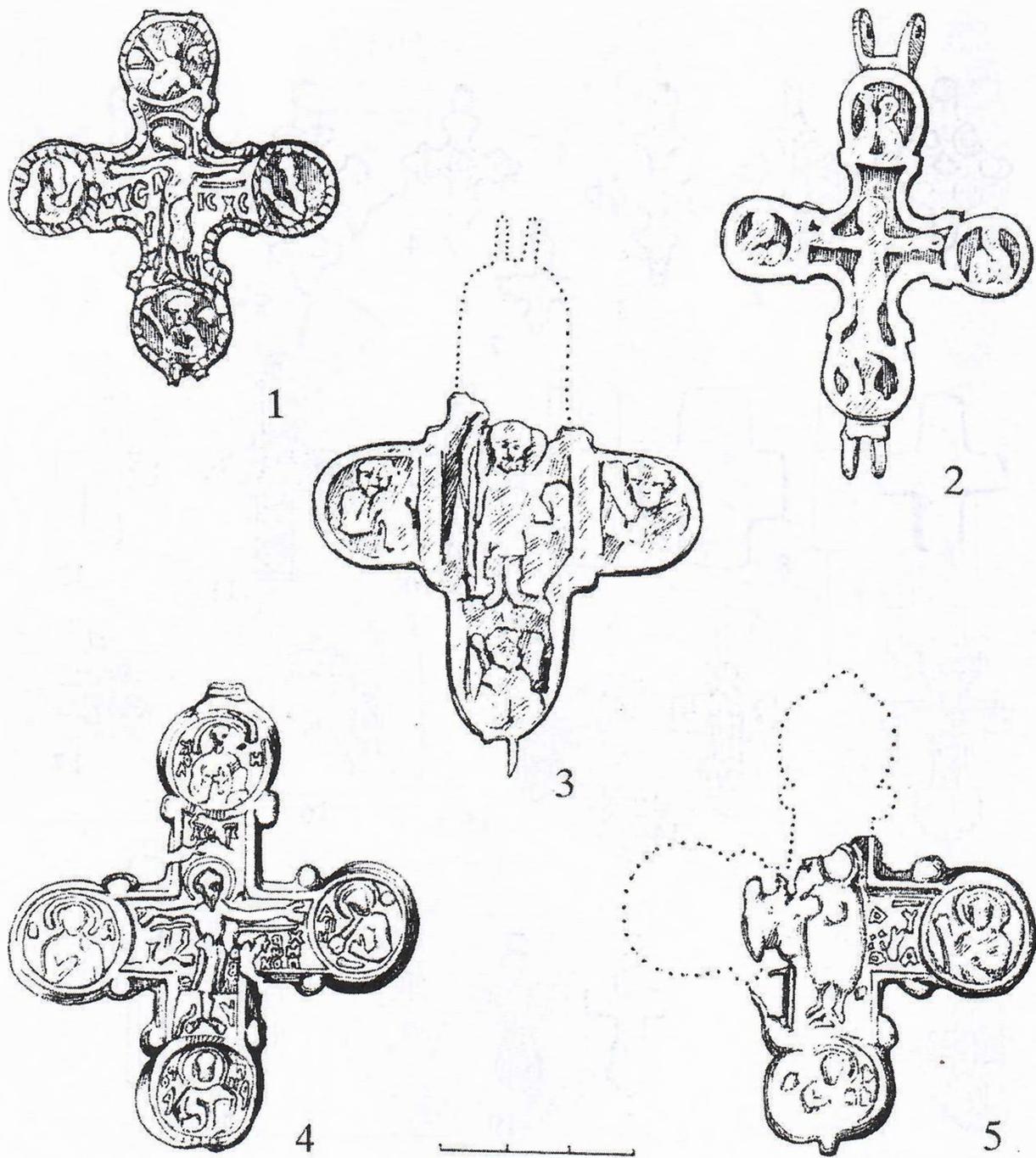

Рис. 60. Бронзовые кресты-энколпионы Вятской земли.
 1, 3 – Никулицын; 2 – Ковровское городище; 4, 5 – Подчуршинское городище.

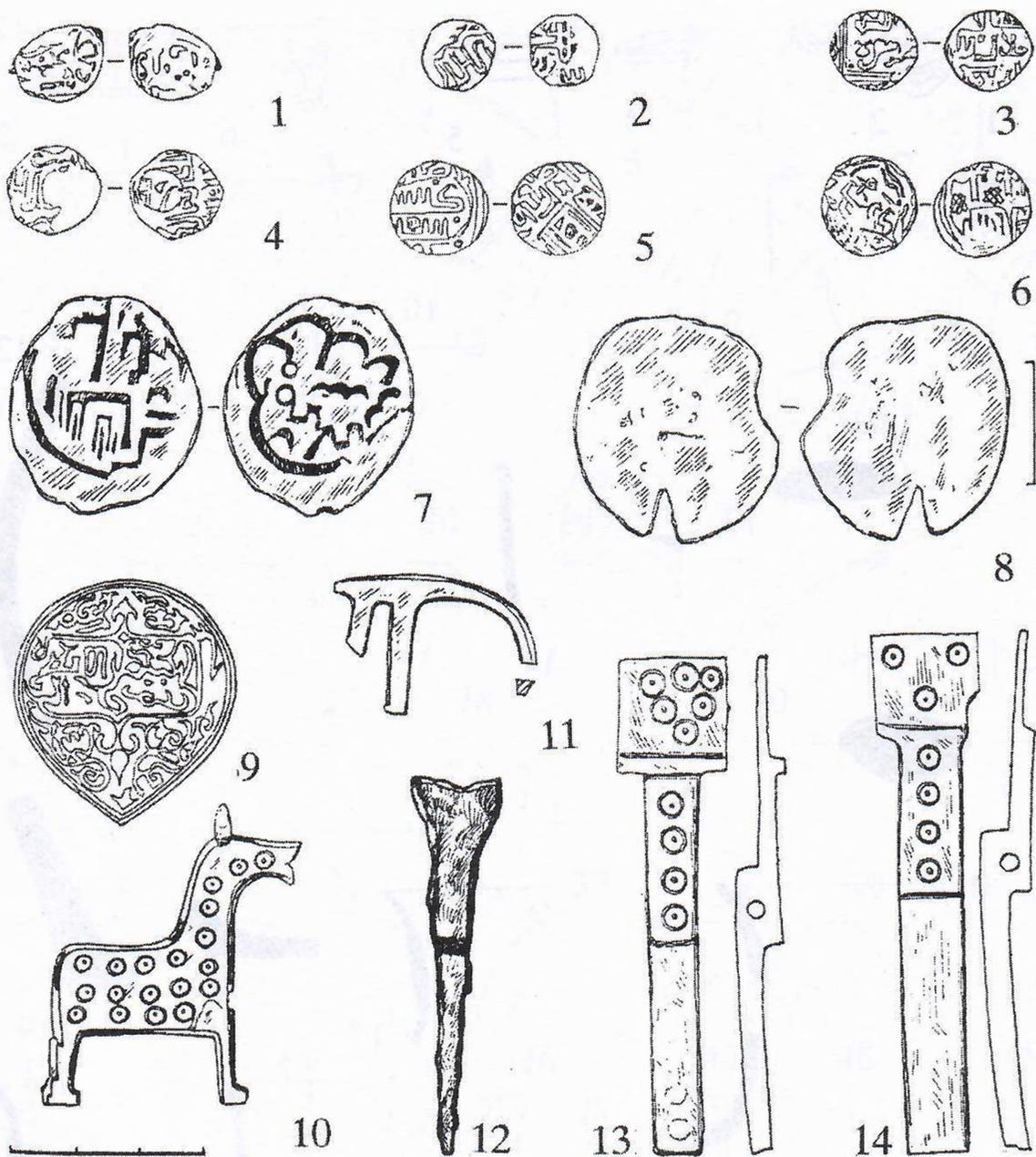

Рис. 61. Предметы болгаро-зотоордынского происхождения
на памятниках Вятской земли.

1-8 - серебряные монеты; 9 - медная бляшка; 10, 11 - бронзовый замок и механизм к нему;
12 - железный наконечник стрелы; 13, 14 - костяные щипчики. 1, 7, 8, 12-14 - Никулицын;
2-6, 10, 11 - Ковровское городище; 9 - Хлынов.

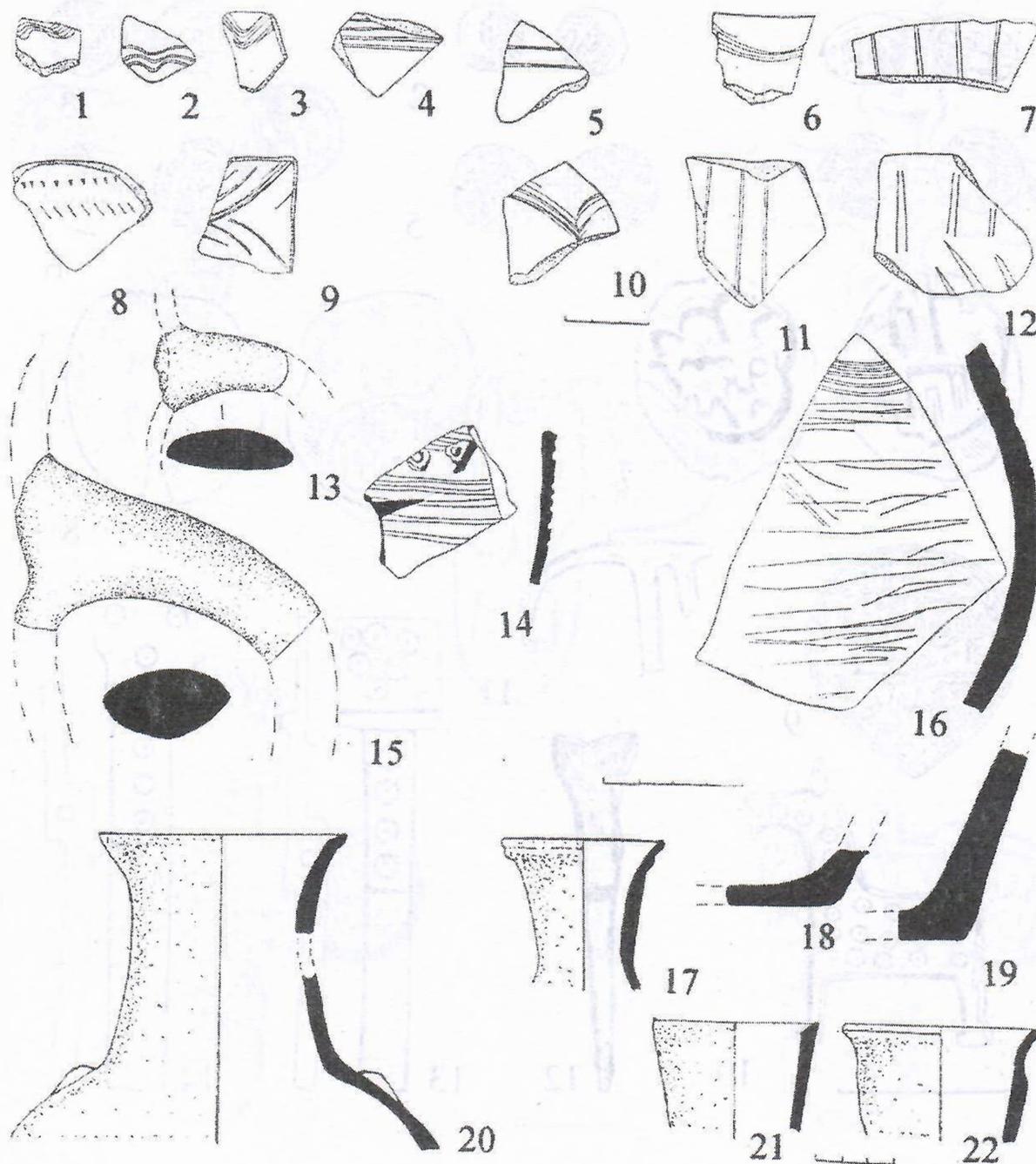

Рис. 62. Болгарская (1-16, 18, 19) и нижеволжская (17, 20-22) керамика на памятниках Вятской земли. 1-12, 15, 18, 19 - Ковровское городище; 13, 16 - Котельнич; 14 - Орлов; 17, 20-22 - Хлынов.

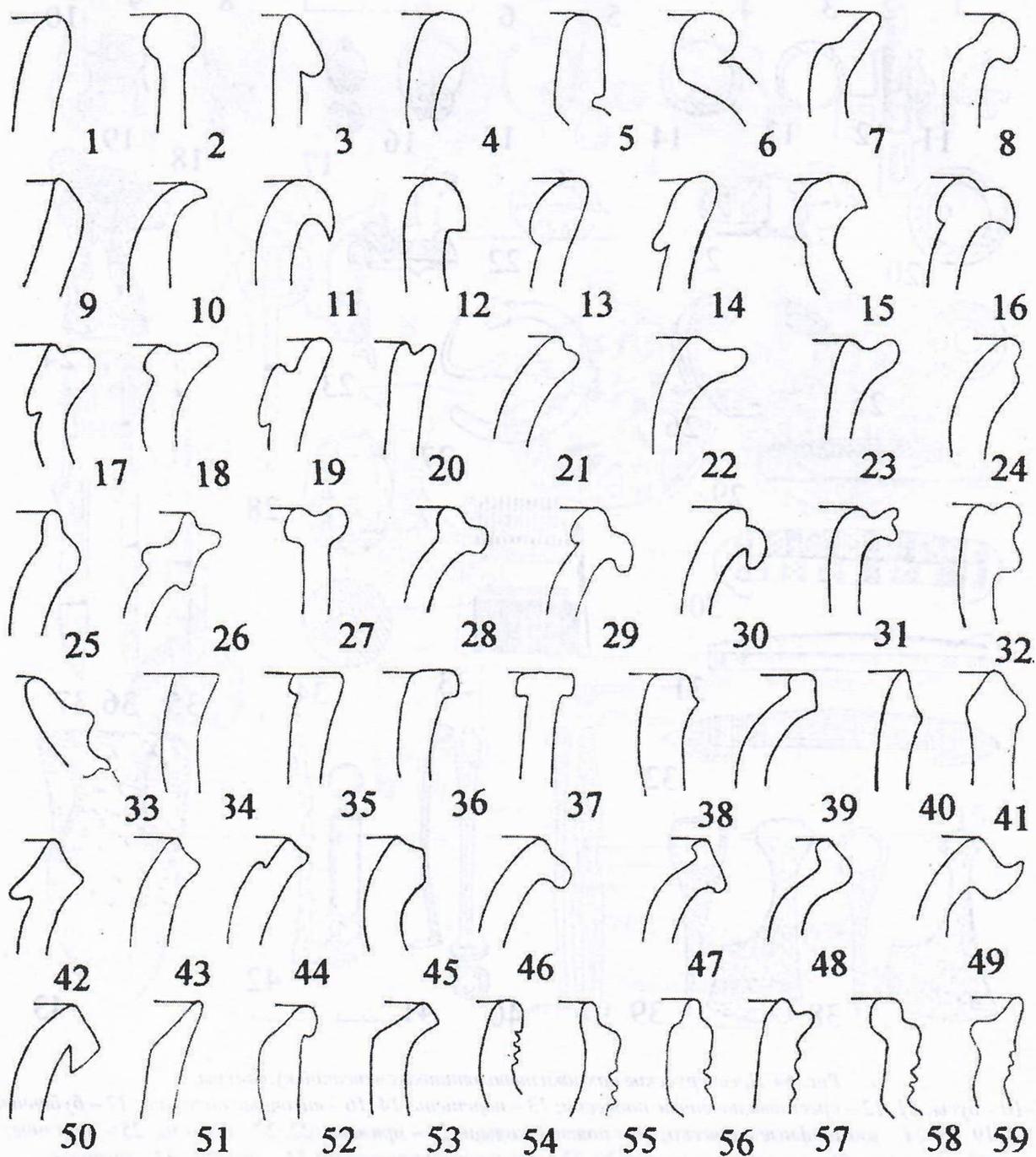

Рис. 63. Оформление верхнего края сосудов Вятской земли (по Д.А. Салангину).

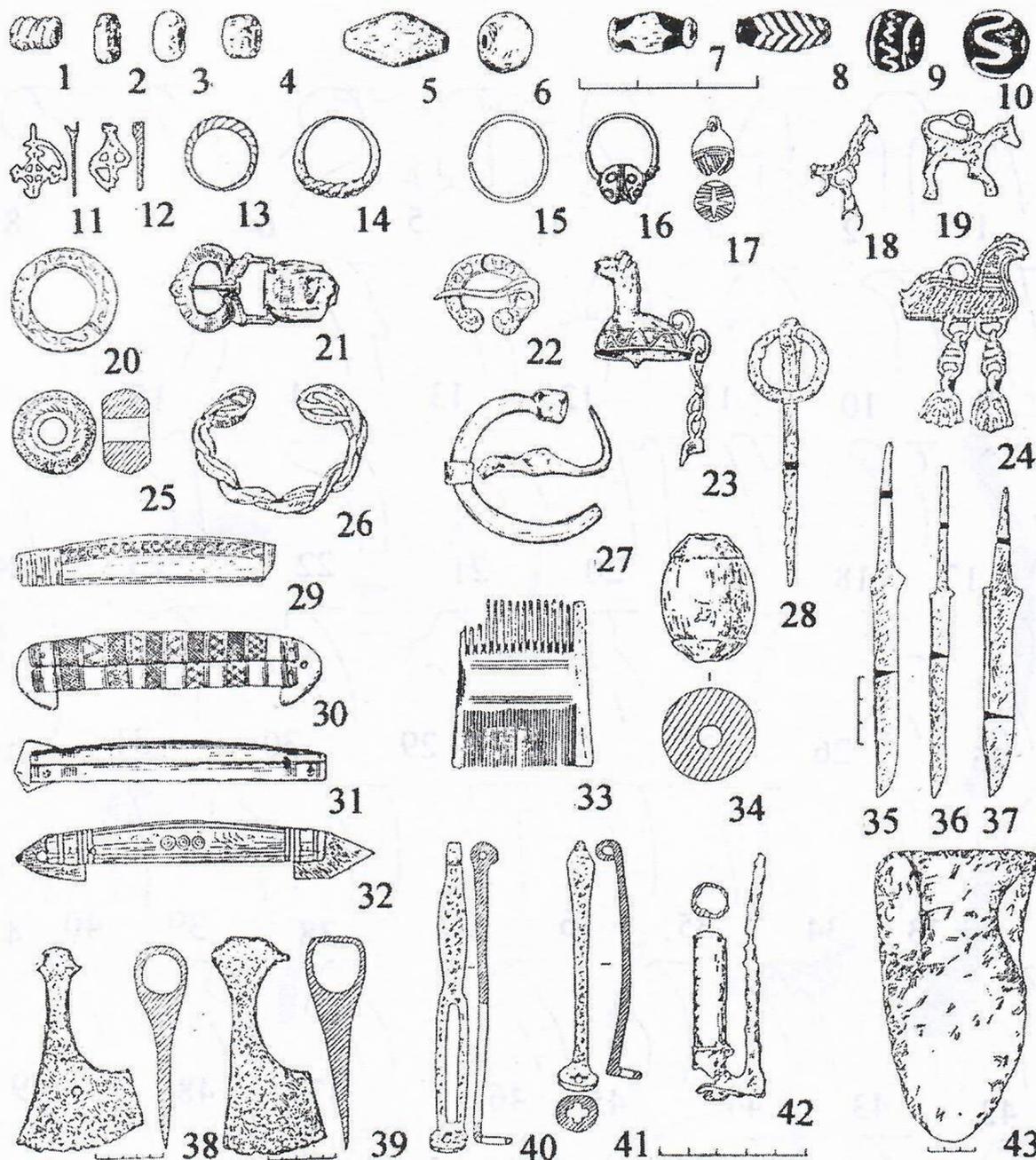

Рис. 64. Древнерусские находки на памятниках чепецкой культуры.

1-10 - бусы; 11, 12 - крестовключенные подвески; 13 - перстень; 14-16 - височные подвески; 17 - бубенчик; 18, 19, 23, 24 - зооморфные подвески; 20 - поясное кольцо; 21 - пряжка; 22, 27 - фибулы; 25 - пряслице; 26 - браслет; 28 - острие с кольцом; 29-32 - футляры от расчесок; 33 - гребень; 34 - кистень; 35-37 - боевые ножи; 38, 39 - топоры; 40, 41 - ключи; 42 - фрагмент замка; 43 - сошник (1-10 - стекло; 11-15, 17-24, 26, 27 - бронза; 16 - серебро; 25 - шифер; 28, 35-43 - железо; 29-33 - кость; 34 - свинец). 1-8, 10, 13-16, 20, 21, 23, 26, 28, 38, 39 - Кузьминский могильник; 9 - Солдырский могильник Бигершай; 11, 12 - Чиргинский могильник; 17 - Омутницкий могильник; 18, 19, 22, 25, 29, 30, 32, 34-37, 40-43 - городище Иднакар; 24 - находка у д. Хутор; 27 - Маловенижский могильник; 31, 33 - городище Гурьякар.

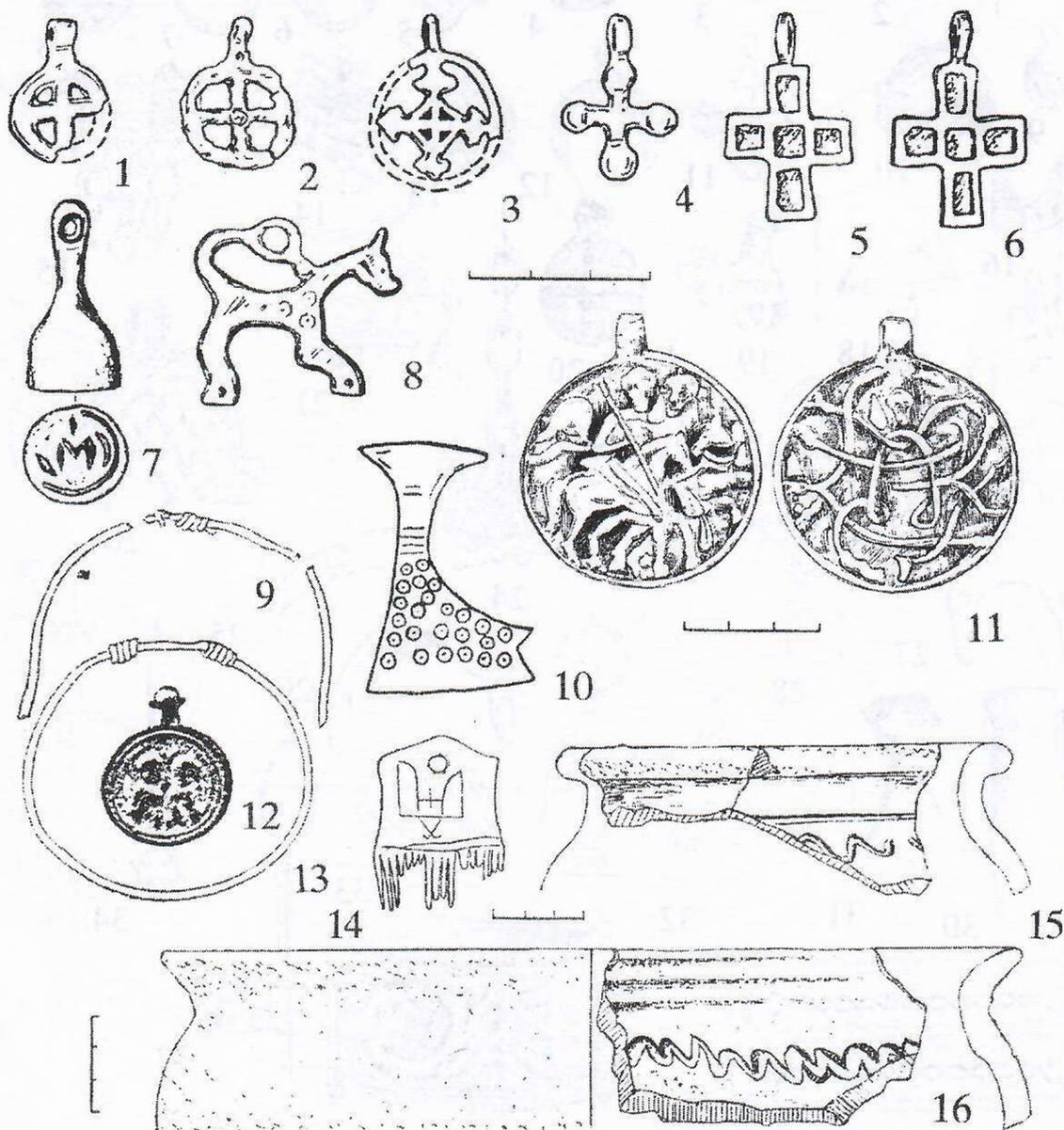

Рис. 65. Предметы, оставленные древнерусскими поселенцами
на памятниках чепецкой культуры.

1-3 – крестовключенные подвески; 4-6 – кресты-тельники; 7 – печать; 8, 10 – языческие амулеты;
9, 13 – браслетовидные височные кольца; 11 – змеевик; 12 – иконка; 14 – гребень; 15, 16 – керамика
(1-3 – Чиргинский могильник; 4 – Весьякарский могильник; 5, 6 – Кабаковский могильник;
7, 8, 14-16 – городище Иднакар; 9, 13 – Нижнекузьминская находка; 10 – Качкашурская находка;
11, 12 – Глазовский уезд).

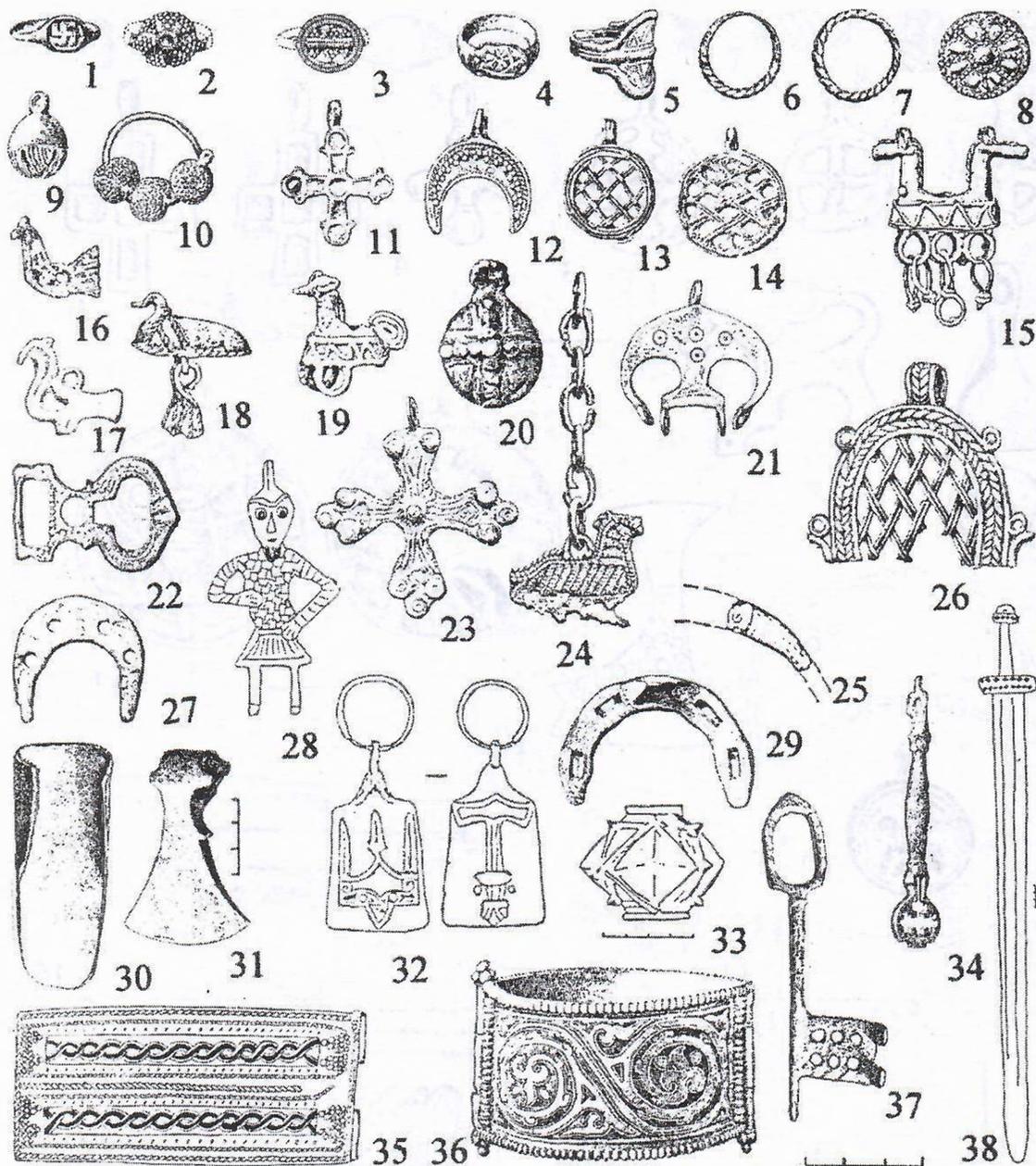

Рис. 66. Древнерусский импорт в Верхнем Прикамье.

- 1-7 – перстни; 8, 20 – монетовидные подвески; 9 – бубенчик; 10 – височная подвеска; 11, 23 – крестовидные подвески; 12, 21 – лунницы; 13, 14 – косорешетчатые подвески; 15-19, 24 – зооморфные подвески; 22 – пряжка; 25, 35, 36 – браслеты; 26 – игольник; 27 – сапожная подковка; 28 – амулет; 29 – конская подкова; 30 – сошник; 31 – топор; 32 – верительный знак-подвеска; 33 – булава; 34, 37 – ключи; 38 – меч (1, 4-9, 11-24, 26, 28, 33 – бронза; 2, 3, 10, 32, 34, 35 – серебро; 25 – стекло; 27, 29-31, 36-38 – железо). 1 – д. Златина; 2, 3, 8, 16, 31 – с. Рождественское; 4, 7, 15, 30 – д. Елева; 5, 23 – д. Старица; 6 – д. Дубленова; 9, 11, 13, 19, 20 – д. Михалева; 10 – ?; 12 – р. Косыл; 14 – д. Модороб; 17, 34 – д. Данилова; 18 – д. Иванчина; 21 – д. Логинова; 22, 25 – Кудымкарское городище; 24 – д. Мазунина; 26 – д. Кипрушева; 27 – д. Коча; 28 – г. Чердынь; 29 – д. Белошейка; 32 – Рождественский могильник; 33 – Модоробский могильник; 35 – д. Сартакова; 36 – Кудымкарское городище; 37 – д. Харина; 38 – д. Гавриково.

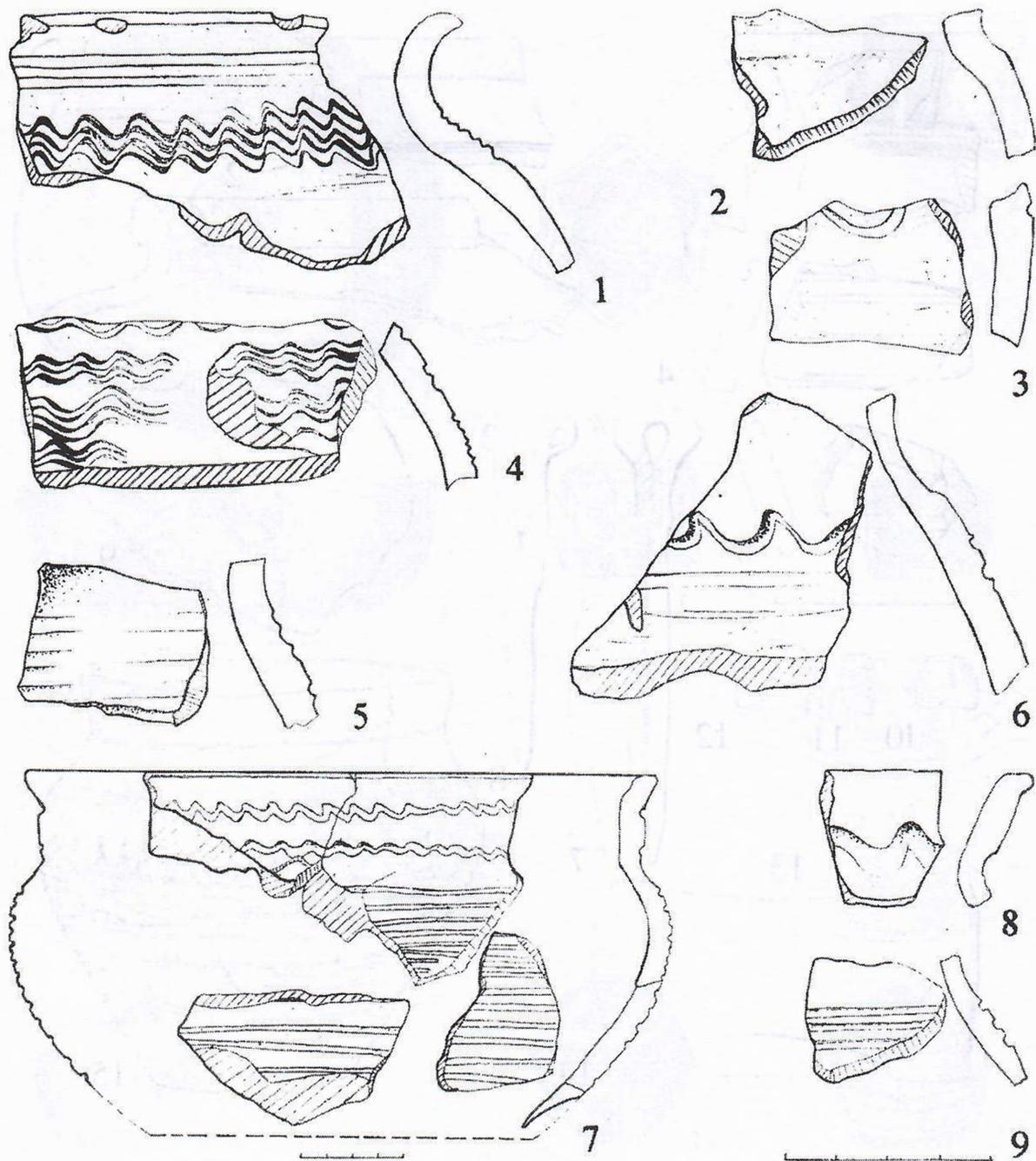

Рис. 67. Древнерусская керамика Кыласова (Анюшкар) городища
(по В.А. Оборину, А.М. Белавину).

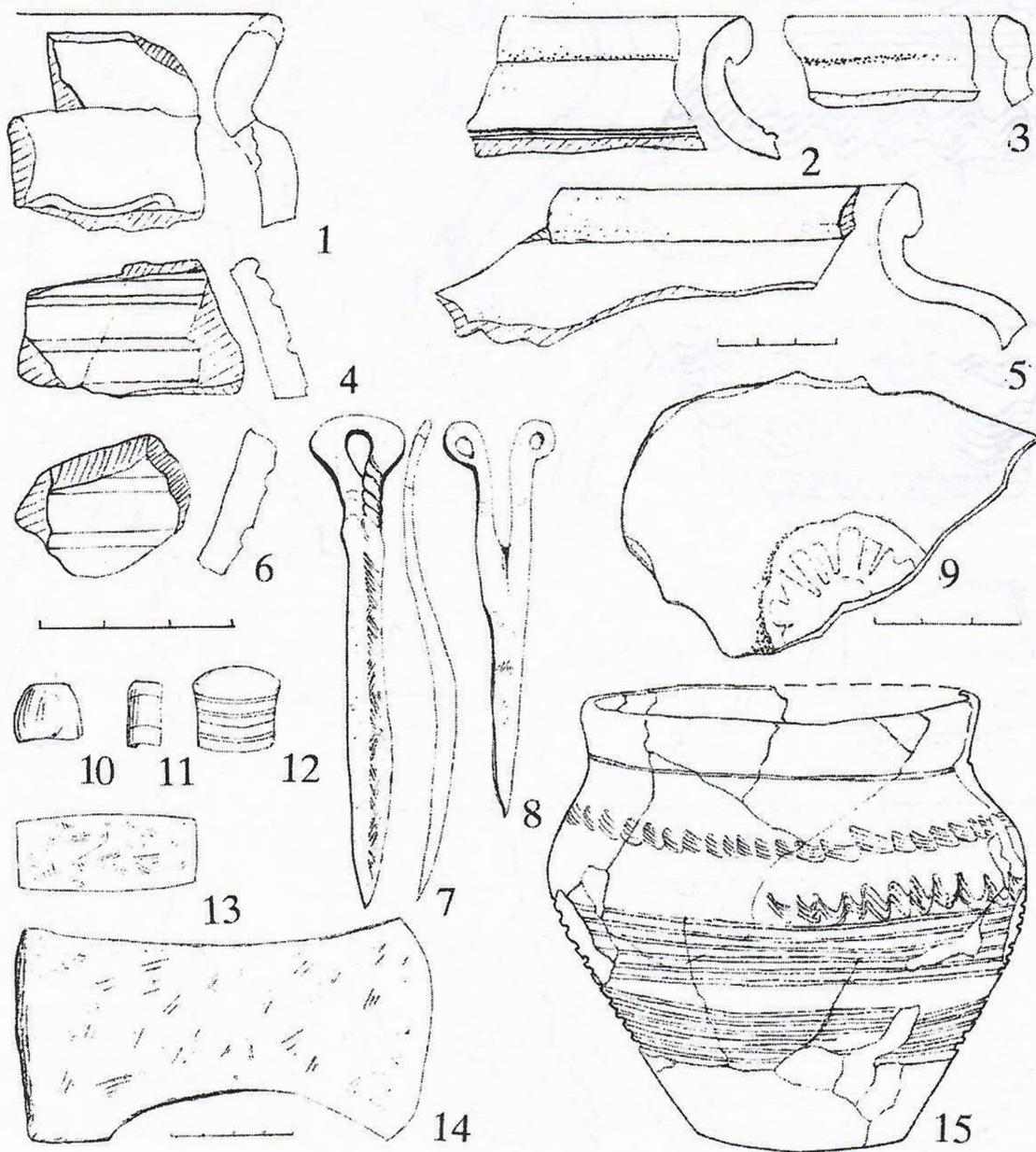

Рис. 68. Древнерусский инвентарь памятников Верхнего Прикамья (по В. А. Оборину).
 1-6, 9, 15 - керамика; 7 - кочедык; 8 - свец; 10 - фрагмент бусины; 11, 12 - наветрия; 13 - кресало;
 14 - топор (1-6, 9, 15 - глина; 7, 8, 13, 14 - железо; 10-12 - кость). 1, 4, 6 - городище Красная Горка;
 2, 3, 5 - Корнинское городище; 7, 8, 10-14 - Редикорское городище; 9 - Мелехинское селище;
 15 - Роданово городище.

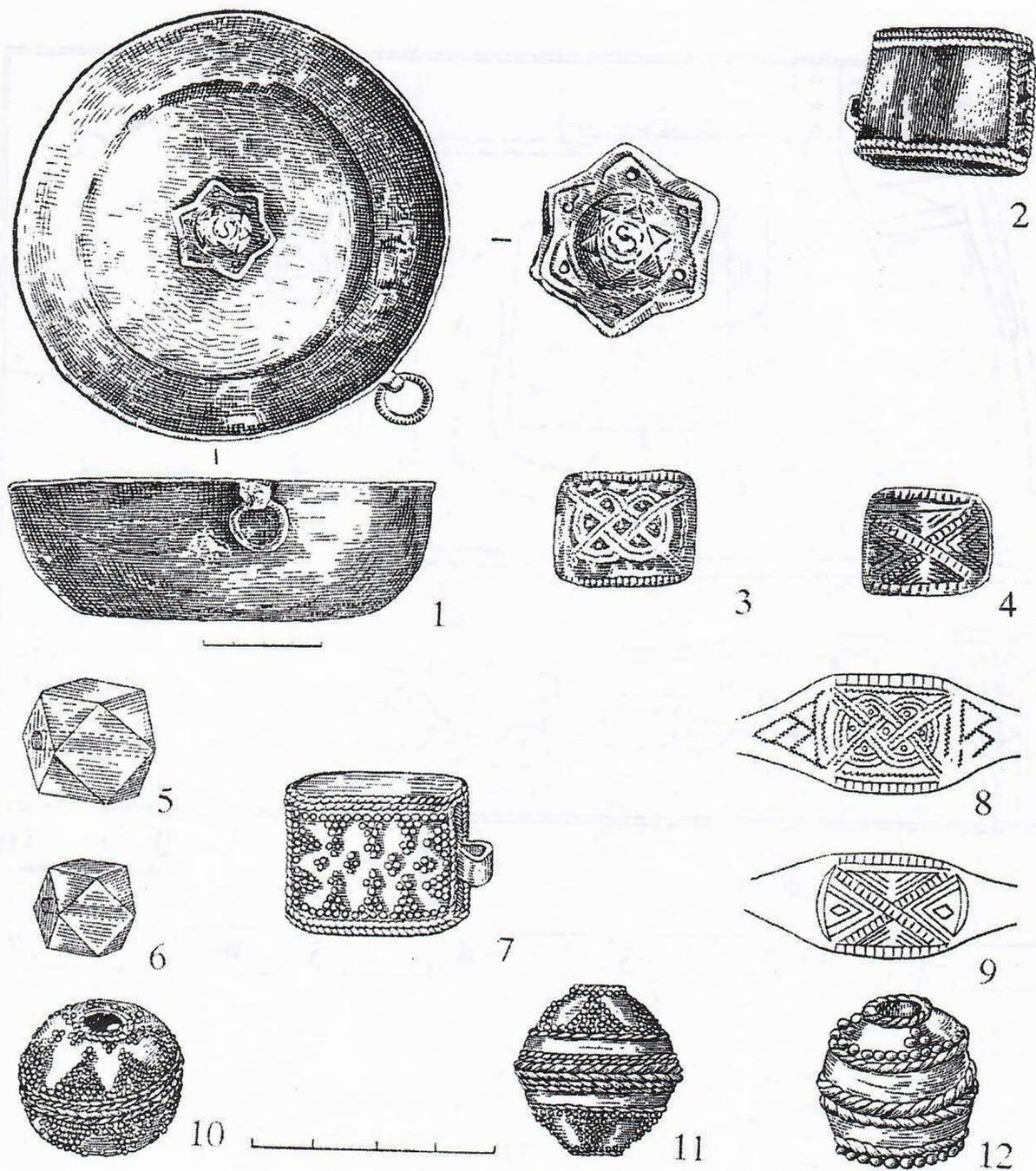
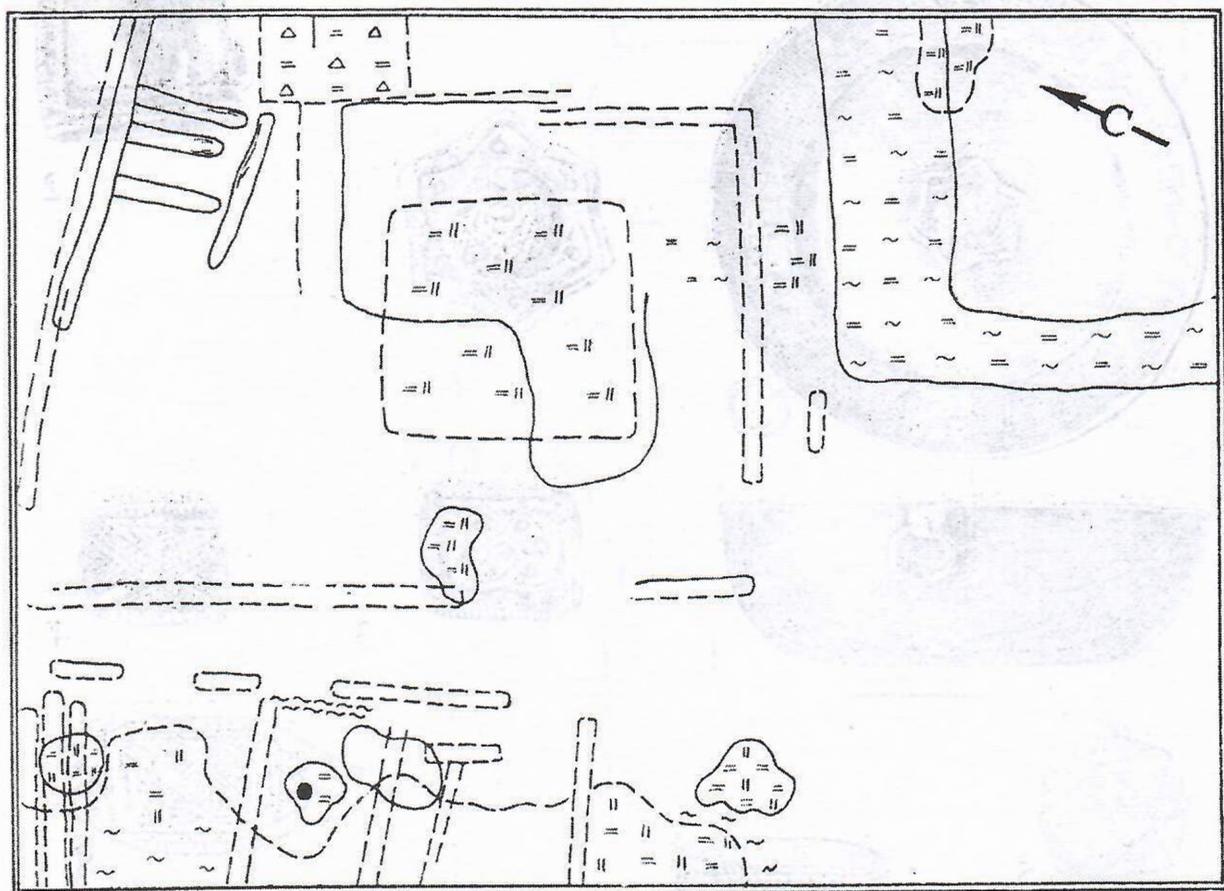

Рис. 69. Романовский клад (по В.Ф. Генингу).
 1 – чаша; 2 – навершие кинжала; 3, 4 – перстни; 5, 6, 10–12 – бусы; 7 – прорисовка узора на лицевой стороне наперья; 8, 9 – прорисовка узоров на перстнях. (1–4, 7–12 – серебро; 5, 6 – хрусталь).

0 1м

Рис. 70. Троицкое городище. План раскопа III (по В.А. Оборину, 1984).
 1 – горизонт I (0–30 см); 2 – горизонт II (свыше 30 см); 3 – обугленные и сгнившие бревна;
 4 – обожженная глина; 5 – угли; 6 – столбовая ямка; 7 – щелбенка.

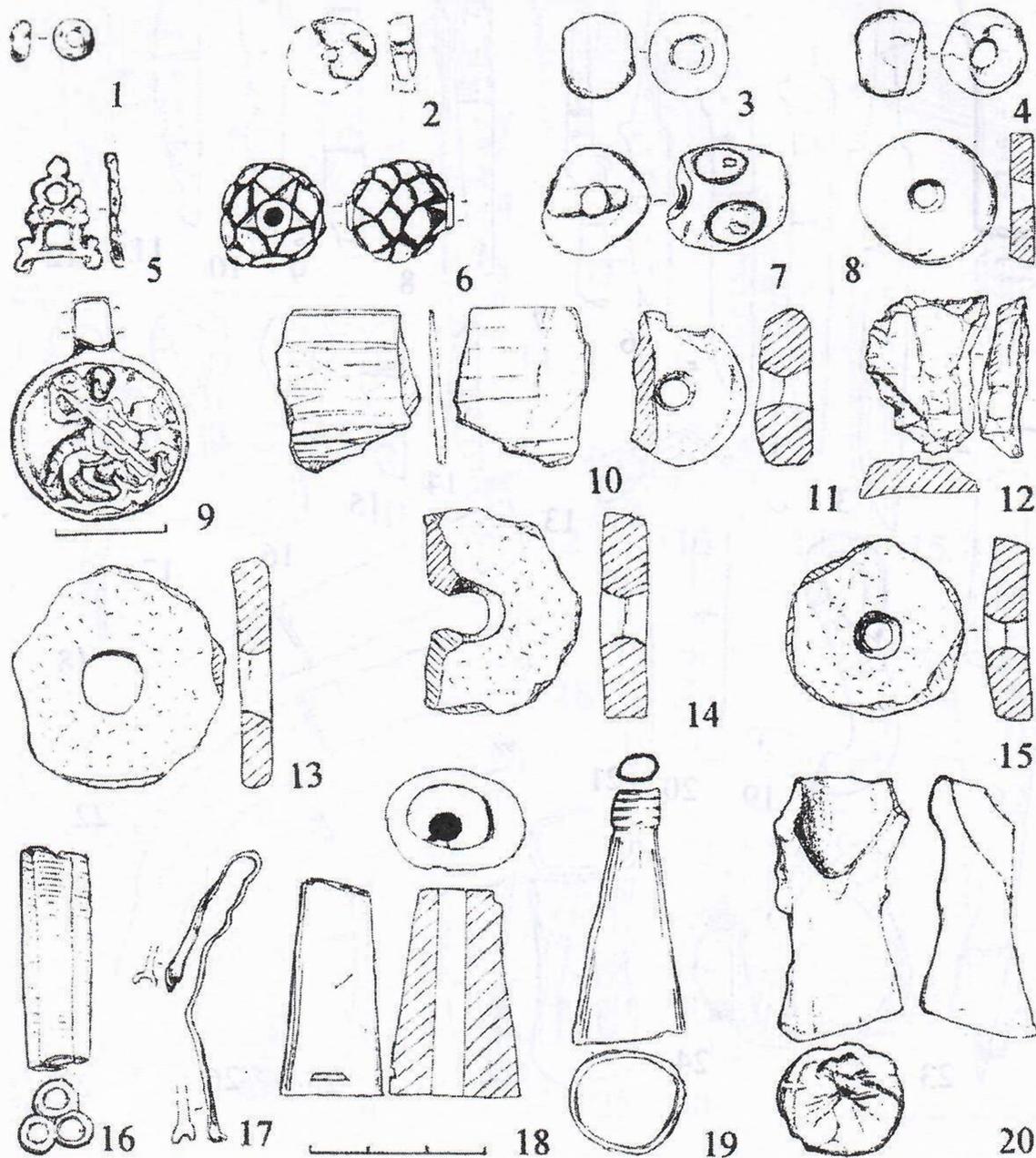

Рис. 71. Троицкое городище. Вещевой инвентарь (по В.А. Оборину, 1984).

1-4, 6, 7 - бусы; 5 - подвеска; 8, 11, 13-15 - пряслица; 9 - иконка; 10 - фрагмент орнаментированной вещи; 12 - ружейный кремль; 16, 19 - пронизки; 17 - предмет; 18 - навершие; 20 - печать (1, 3, 4, 7 - стекло; 2 - янтарь; 5, 6, 9, 16, 17, 19, 20 - бронза; 8, 11, 12 - камень; 10, 18 - кость; 13-15 - глина).

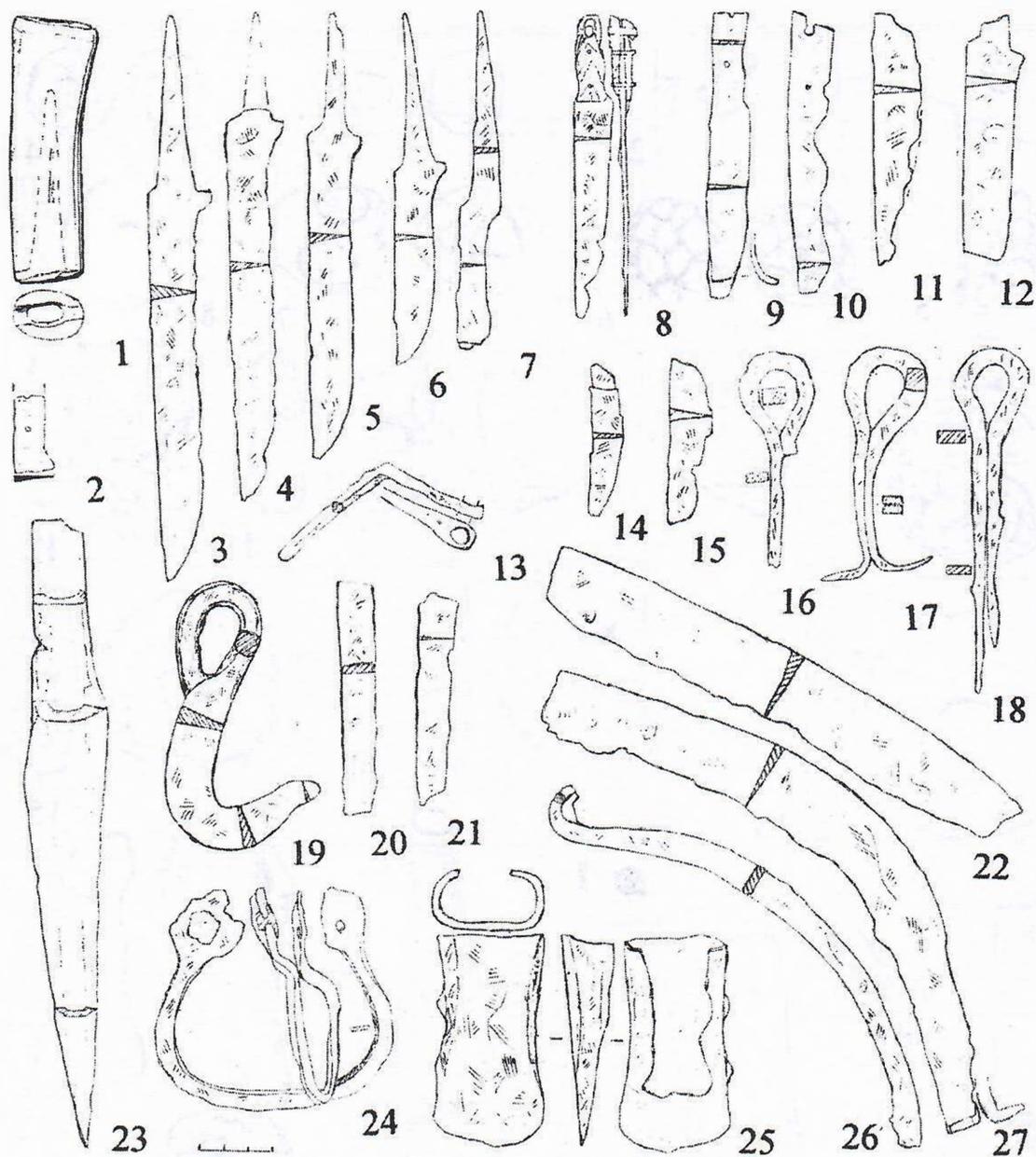

Рис. 72. Троицкое городище. Бытовой и хозяйственный инвентарь (по В.А. Оборину, 1984).
 1 – рукоятка ножа; 2–12, 14, 15, 20, 21 – целые и обломанные ножи; 13 – фрагмент пряжки; 16–18 – пробы;
 19 – крюк; 22, 27 – фрагменты копья; 23 – наконечник копья; 24 – ушко котла; 25 – мотыжка;
 26 – дужка сосуда. (1, 23 – кость; 2–22, 24–27 – железо).

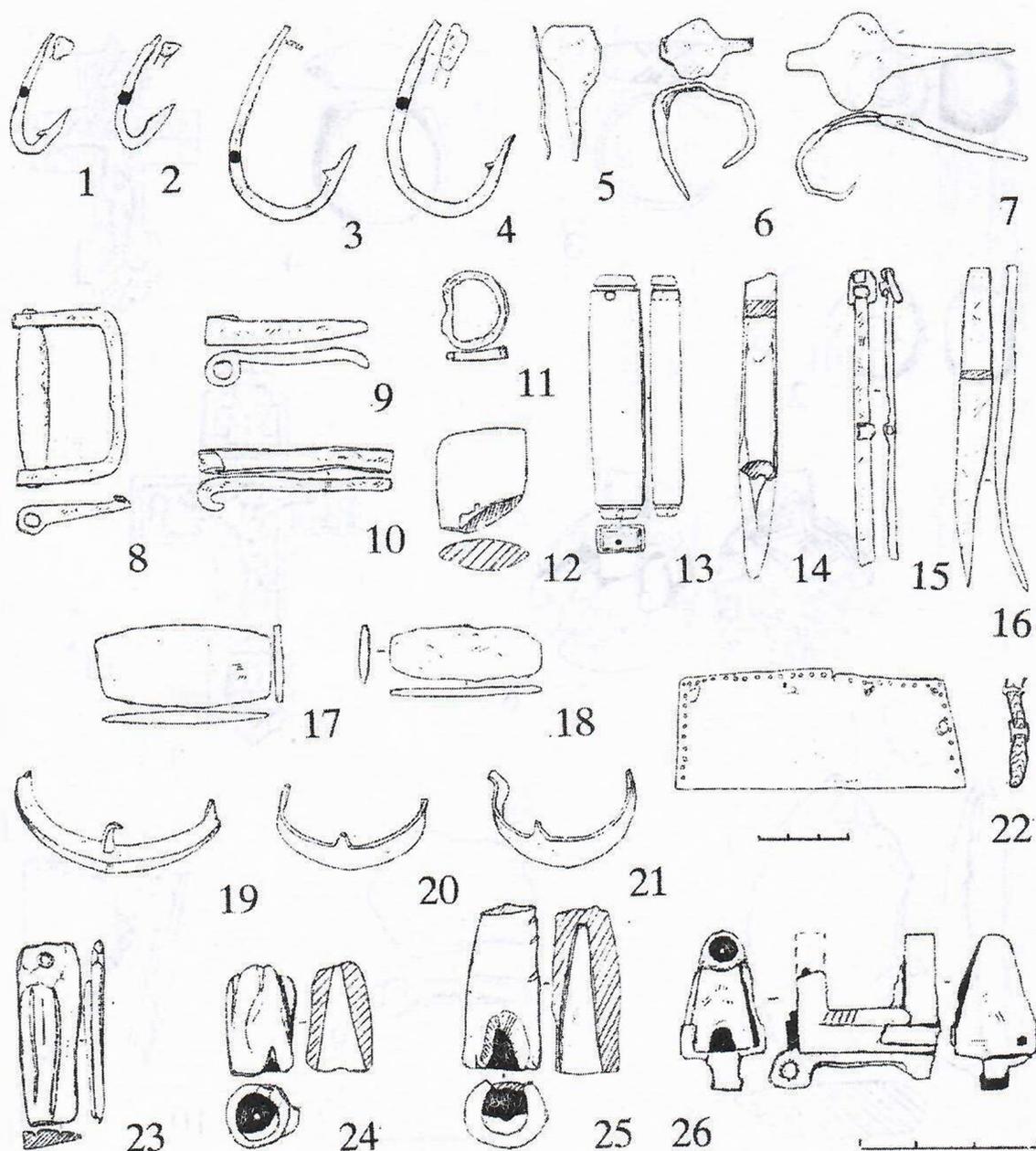

Рис. 73. Троицкое городище. Предметы быта и хозяйства (по В.А. Оборину, 1984).
 1-4 – рыболовные крючки; 5-7 – лодочные скобы; 8-11 – фрагменты пряжек; 12-14, 16 – вещи неясного назначения; 15 – деталь ножен; 17, 18 – кресала; 19-21 – сапожные подковы; 22 – оковка лопаты (?); 23 – оселок; 24, 25 – напершия; 26 – замок. (1-11, 15-21, 26 – железо; 12-14, 24 – кость; 22 – бронза; 23 – камень; 25 – глина).

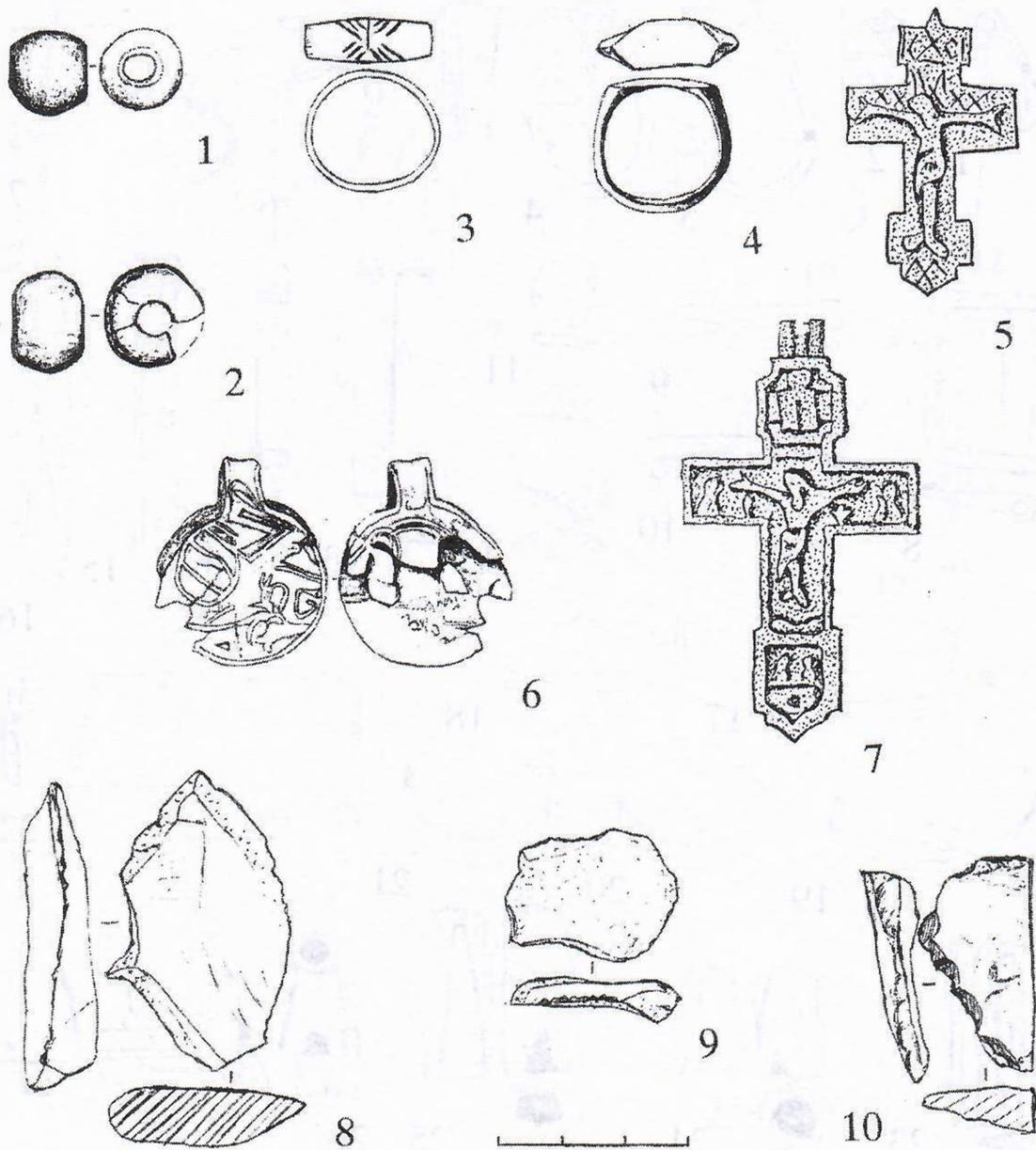

Рис. 74. Искорское городище. Вещевой комплекс (по В.А. Оборину, 1975, 1976, 1980).
 1, 2 – бусы; 3, 4 – перстни; 5 – крест-тельник; 6 – вислая печать; 7 – энколпион;
 8–10 – ружейные кремни. (1, 2 – стекло; 3–5, 7 – бронза; 6 – свинец; 8–10 – камень).

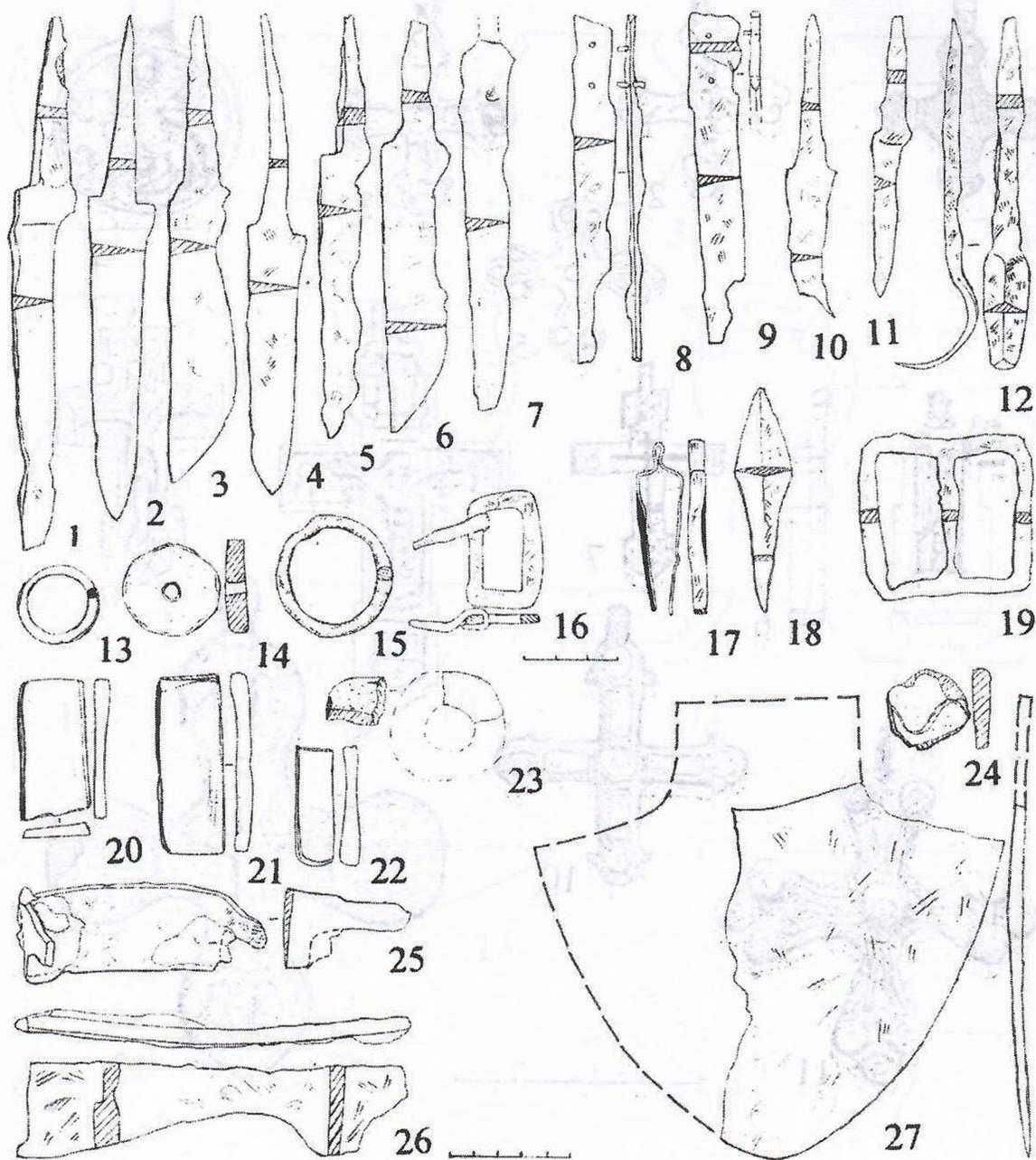

Рис. 75. Искорское городище. Бытовой и хозяйственный инвентарь
(по В.А. Оборину, 1975, 1976, 1980).

1-11 – ножи; 12 – ложкарь; 13, 15 – кольца; 14 – пряслице; 16, 19 – пряжки; 17 – пинцет; 18 – наконечник стрелы; 20-22 – оселки; 23 – фрагмент грузила; 24 – заготовка пряслица; 25 – скобель; 26 – обломок вещи; 27 – фрагмент ральника. (1-12, 15, 16, 18, 19, 25-27 – железо; 13, 17 – бронза; 14, 23, 24 – глина; 20-22 – камень).

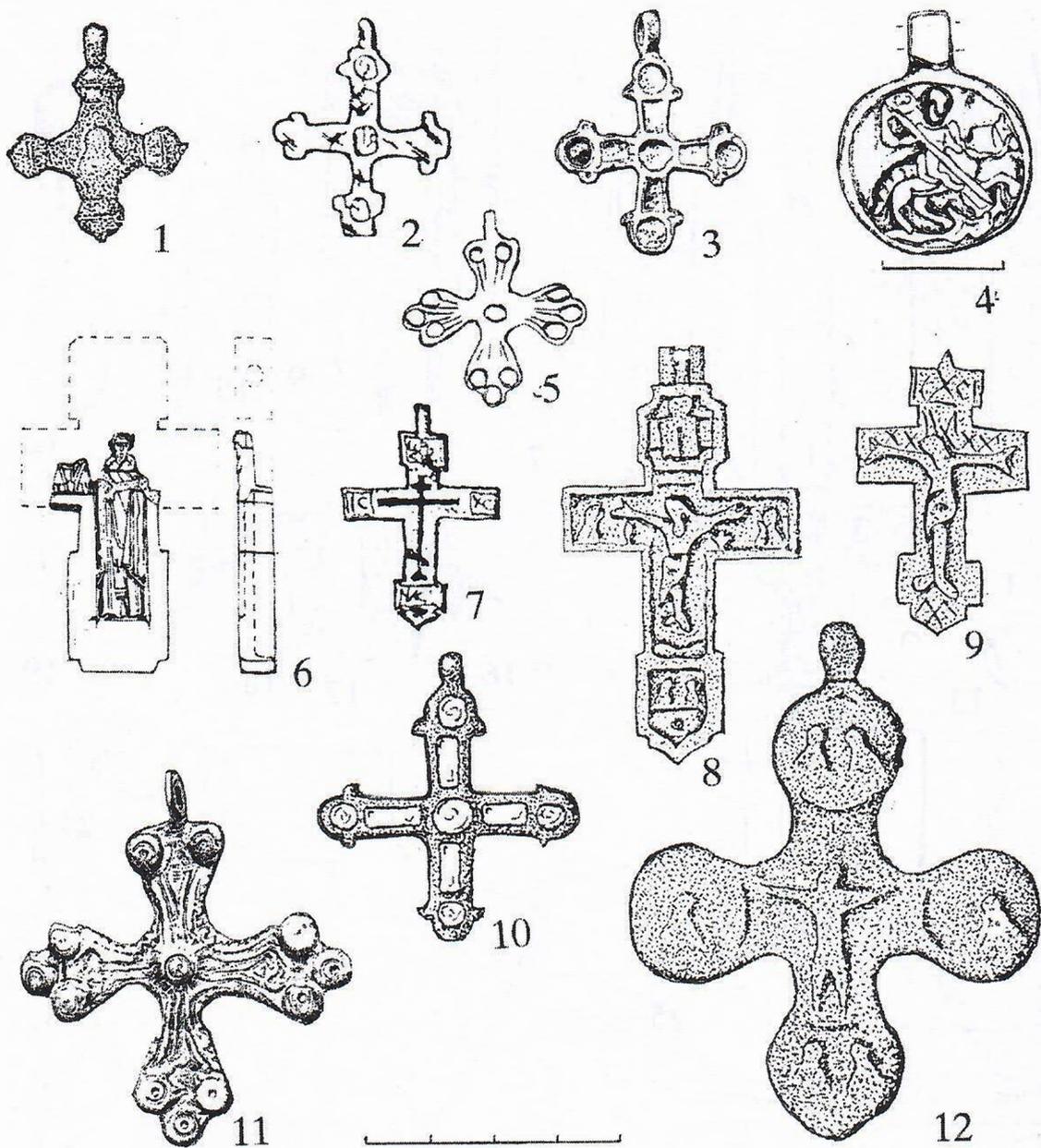

Рис. 76. Православные кресты и иконка Верхнего Прикамья.
 1 – Городищенское городище; 2, 12 – Гайнская волость; 3 – Михалевский могильник;
 4, 7 – Троицкое городище (г. Чердынь); 5 – Чердынский уезд; 6 – Редикорское городище;
 8, 9 – Искорское городище; 10 – Елевский могильник (?); 11 – Старица.

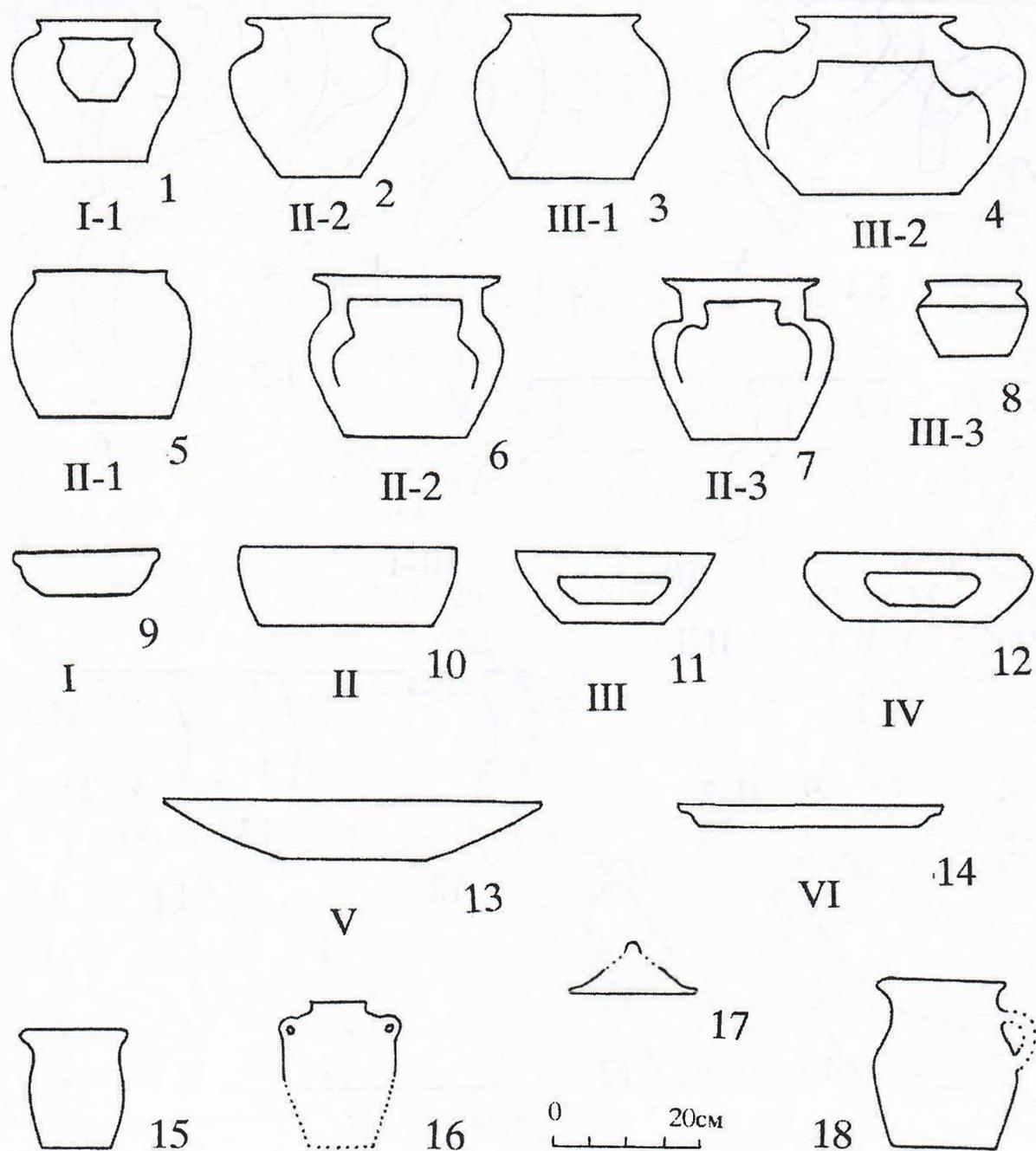

Рис. 77. Древнерусская керамика Верхнего Прикамья.
 Типология посуды Троицкого городища.
 1-8 – горшки; 9-14 – чашевидные; 15-18 – индивидуальные.

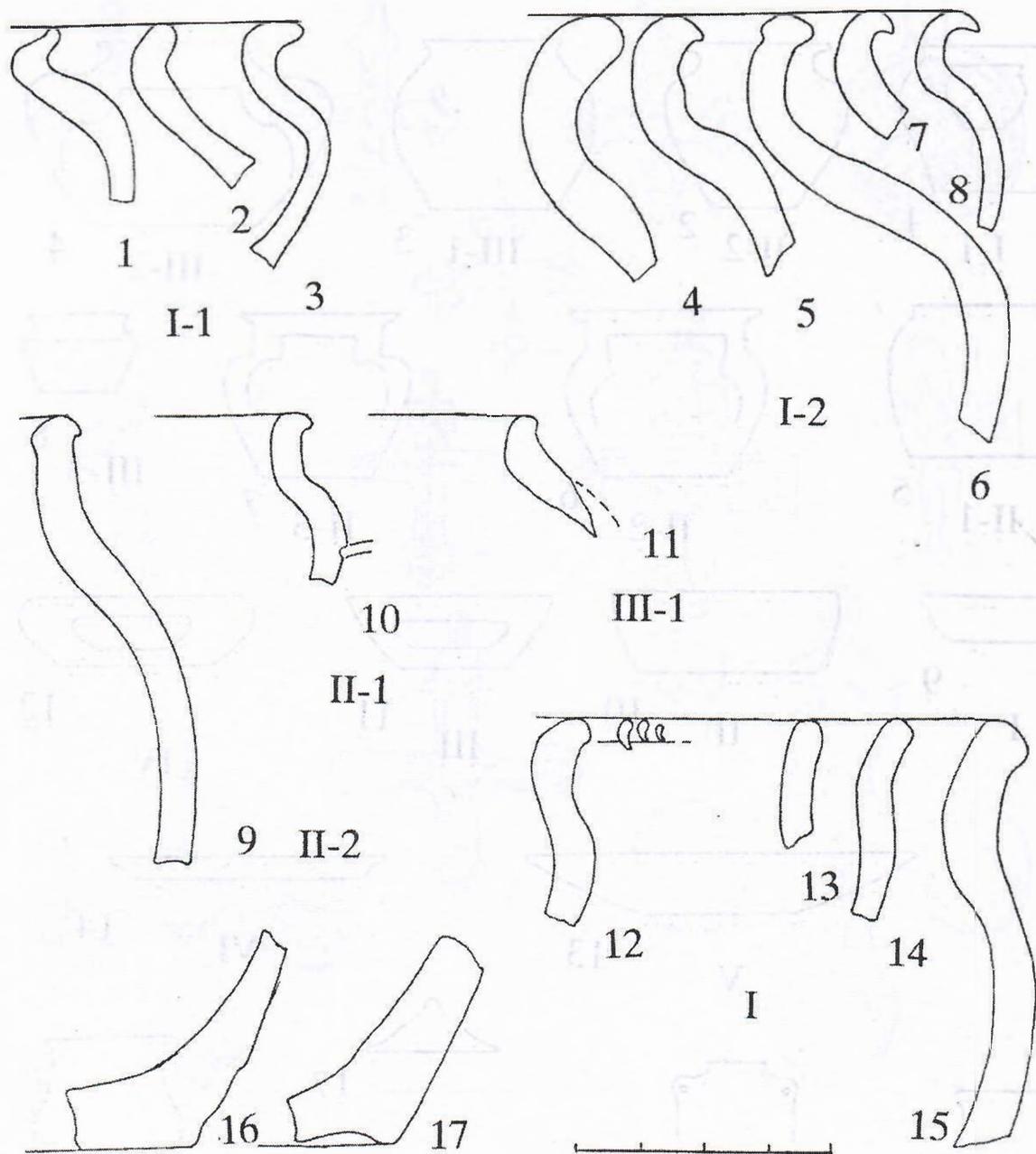

Рис. 78. Лепная и правленая на круге древнерусская керамика Троицкого городища.
 1-11 – горшки; 12-15 – чашевидные; 16, 17 – днища.

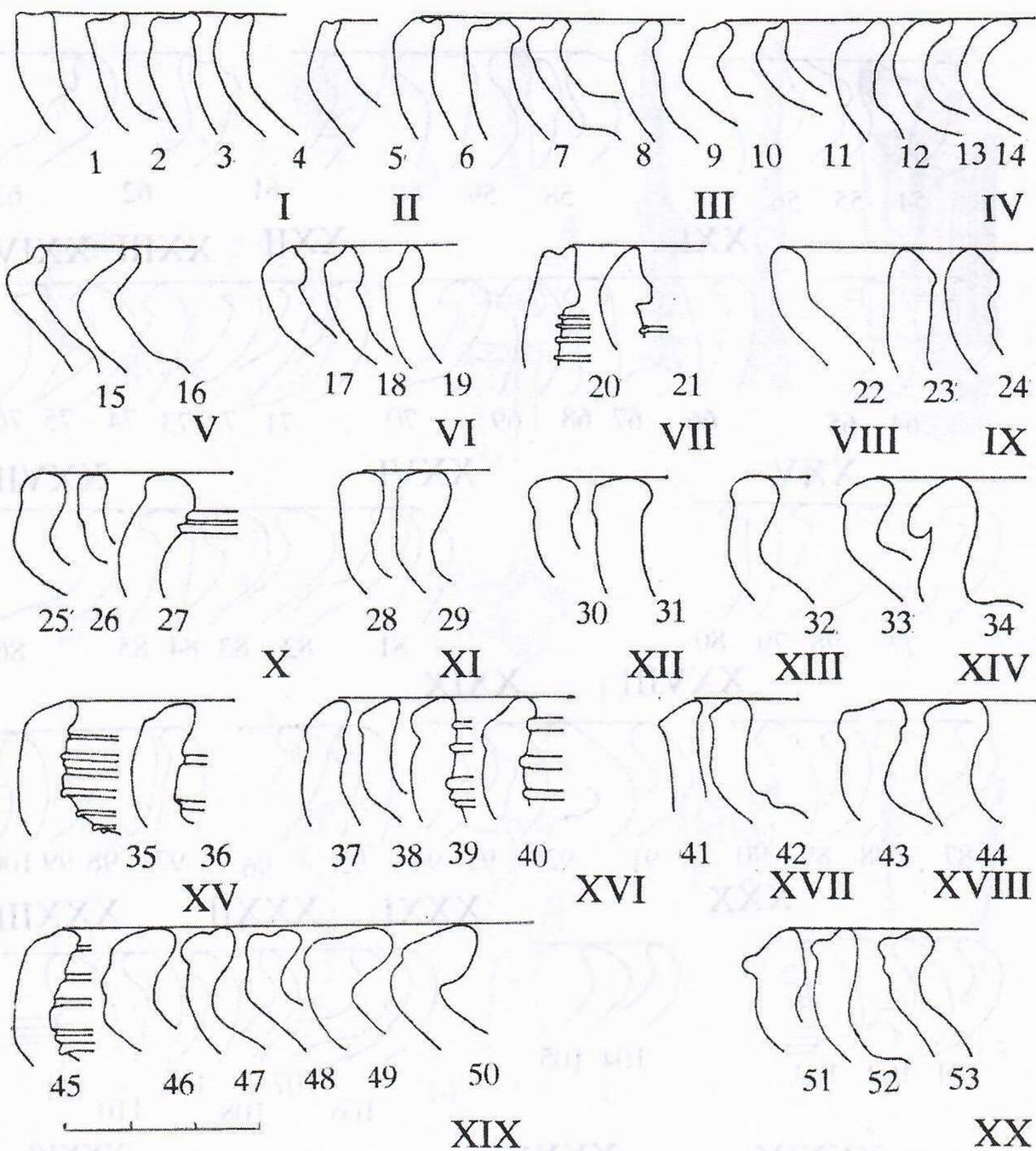

Рис. 79. Разновидности венчиков древнерусской посуды Троицкого городища.

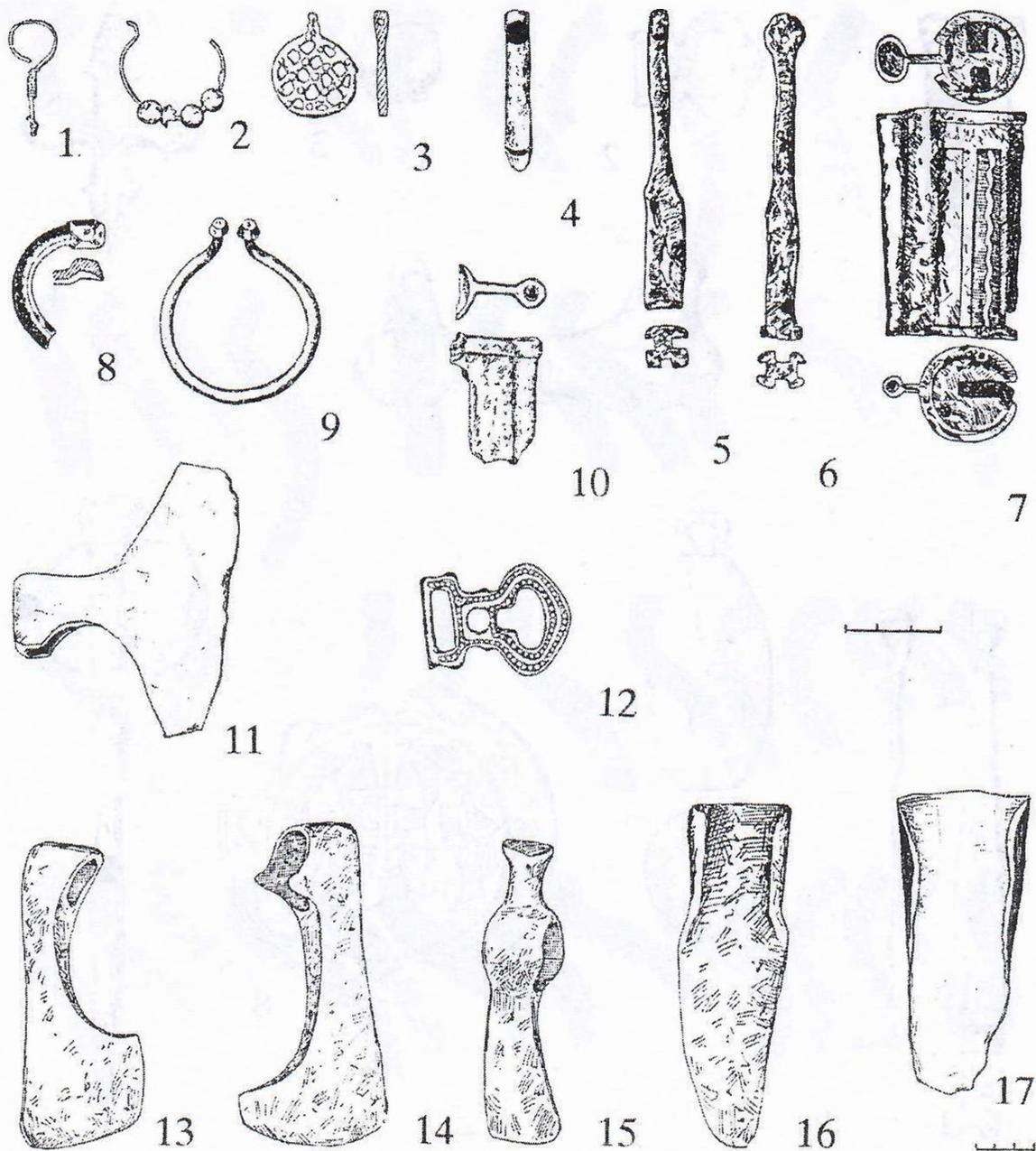

Рис. 80. Предметы древнерусского производства на памятниках верховьев р. Камы
(по Н.Г. Первухину, Р.Д. Голдиной, В.А. Кананину).

1 – серьга; 2 – височное кольцо; 3 – косорешетчатая подвеска; 4 – сверло; 5–7, 10 – замки и ключи;
8, 9 – фибулы; 11, 13–15 – топоры; 12 – пряжка; 16, 17 – сошники. (1–3, 8, 9, 12 – бронза; 4–7, 10, 11,
13–17 – железо). 1–3 – Аверинский I могильник; 5–9, 12 – городище Шудьякар; 10 – Русиновское II селище;
11 – Боровское (Шабаршатское) городище; 13 – Горткушетское городище; 14, 15 – Порубовское селище;
16 – городище Буждог; 17 – Волгиревский (Тиминский) могильник.

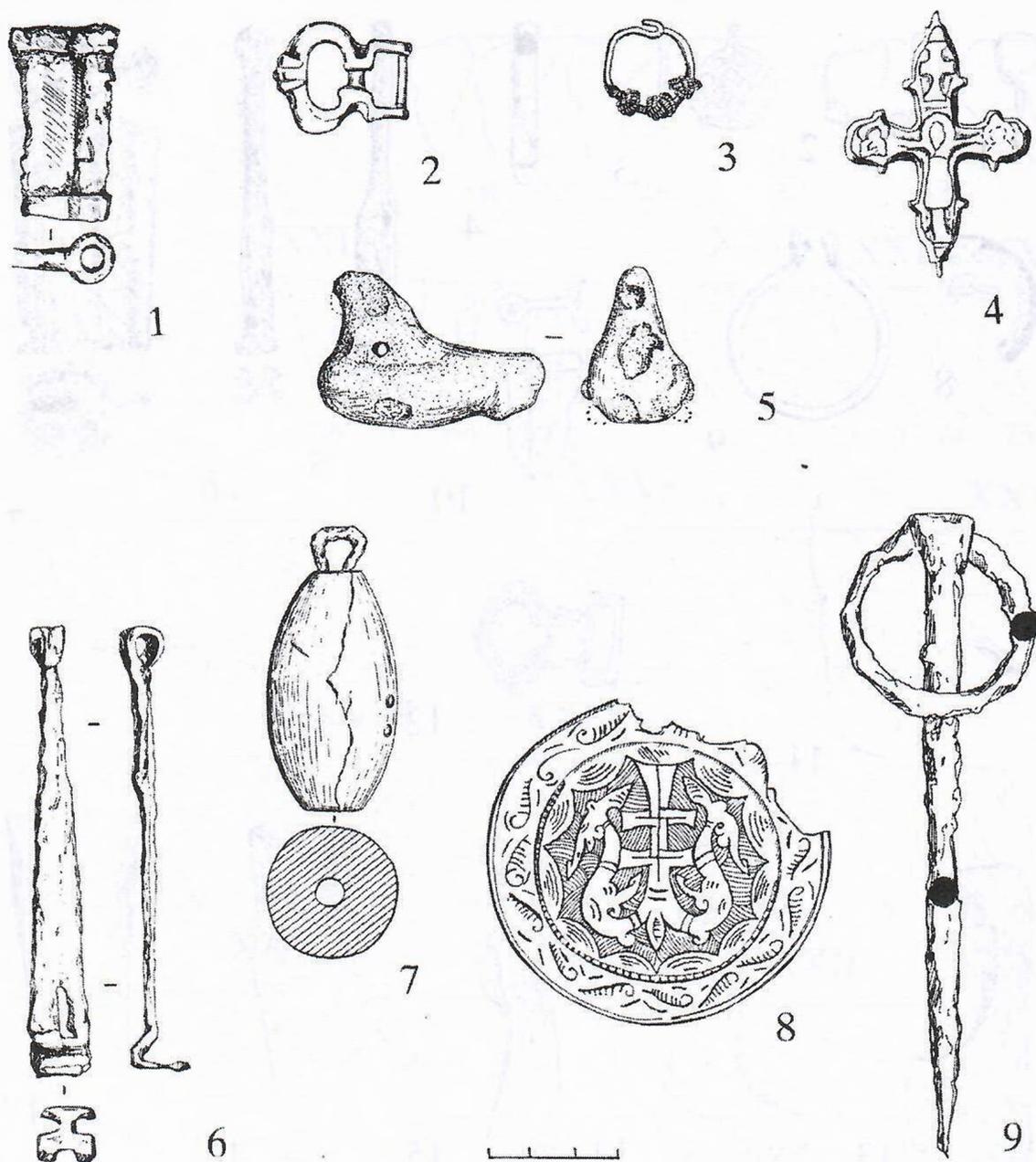

Рис. 81. Древнерусские вещи на памятниках Средней Сылвы
(по Н.В. Водолаго, В.Ф. Генингу, Р.Д. Голдиной, И.Ю. Пастушенко).

1 – фрагмент замка; 2 – пряжка; 3 – височная подвеска; 4 – энколпион; 5 – свистулька; 6 – ключ; 7 – кистень;
8 – медальон оплечья; 9 – острие с кольцом (1, 6, 9 – железо; 2–4 – бронза; 5 – глина; 7 – кость и железо;
8 – серебро, позолота). 1, 6 – Бартымское I селище; 2, 3 – могильник Селянино Озеро;
4 – Кунгурский уезд; 5, 7 – Верх-Саинское I городище; 8, 9 – Кишертский могильник.

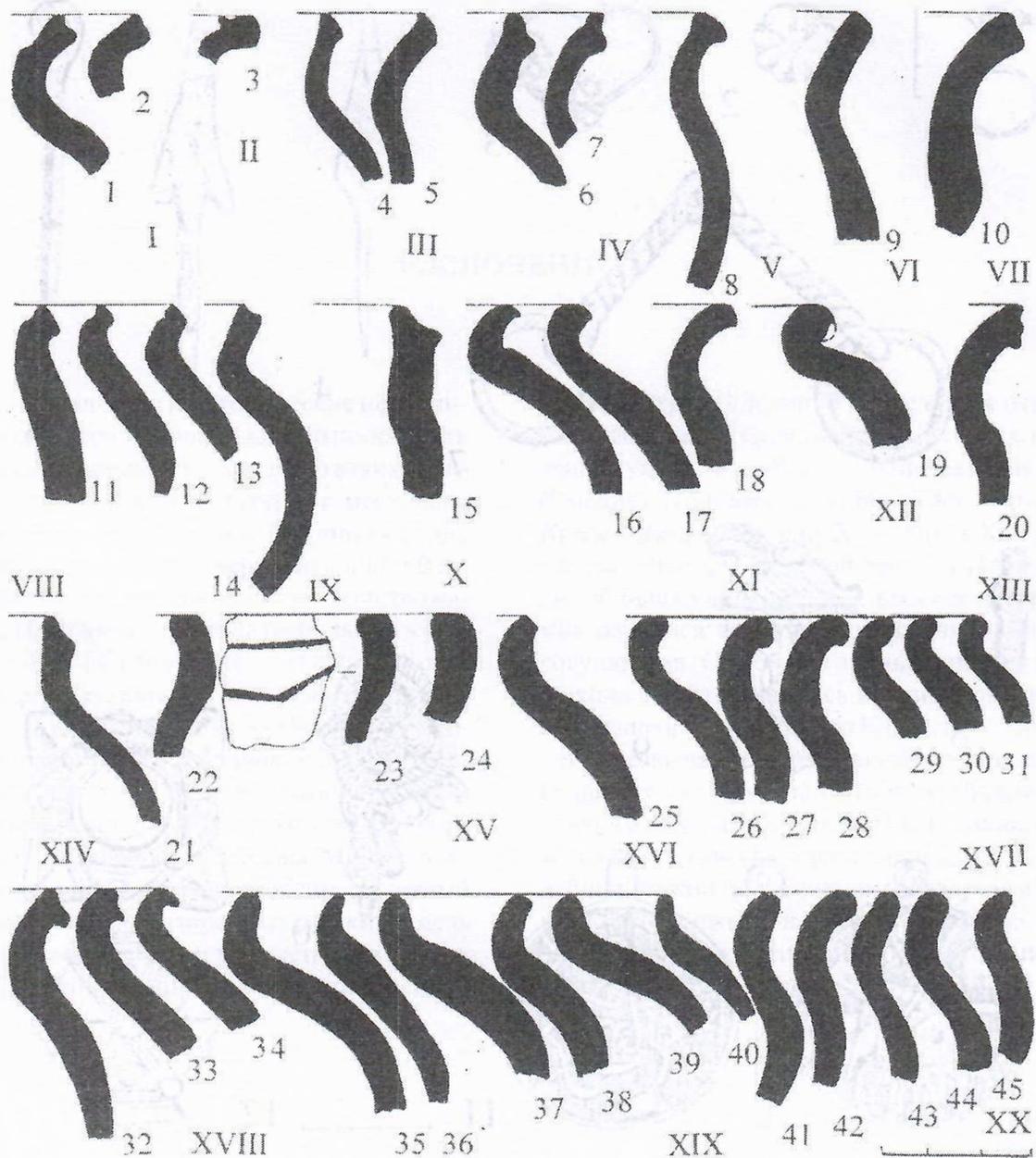

Рис. 82. Разновидности венчиков древнерусской круговой посуды XII–XVI вв. бассейна р. Сылвы
(по Н.В. Водолаго, С.Р. Волкову, Р.Д. Голдиной, И.Ю. Пастушенко).

1, 2, 21 – д. Усть-Иргино; 3 – Ярушинское поселение; 4–9, 12, 16–19, 25–30, 32–34, 37–39, 41–45 – Верх-Саинское I городище; 10, 33 – Усть-Мечкинское поселение; 11 – Сасыковское II поселение; 13, 40 – Кишертовское II поселение; 14 – Тохтаревское поселение; 15 – д. Чекарда; 20 – городище Стрелка; 22 – Шубинское поселение; 23 – Пуздринское II поселение; 24 – Опалихинское селище; 31 – Верх-Саинское IV поселение; 35 – Елкинское поселение; 36 – Кишертовское I поселение.

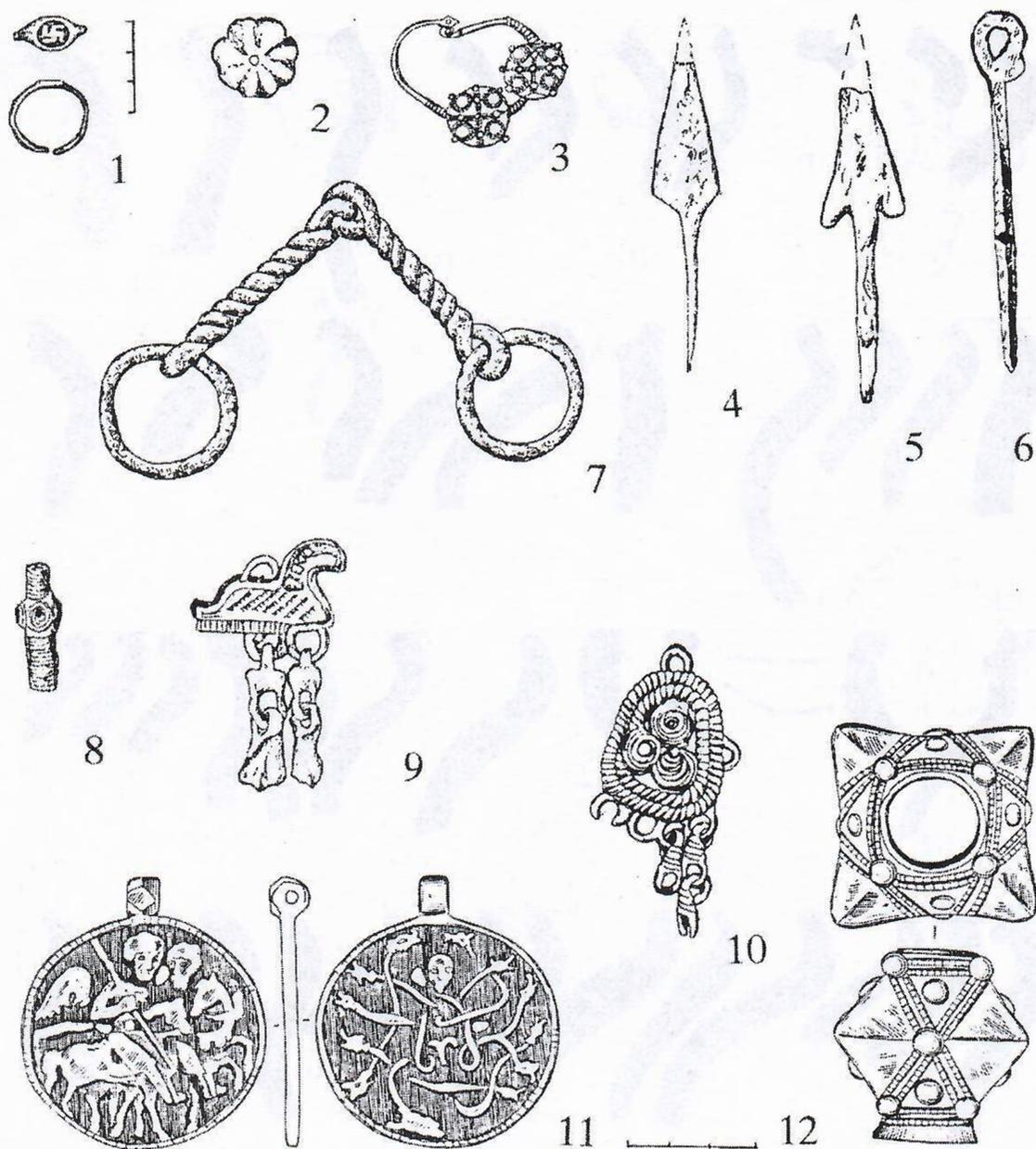

Рис. 83. Древнерусские материалы Нижнего (окрестности г. Елабуги) и Среднего Прикамья (по Г.Н. Журавлевой, Е.П. Казакову, Л.Д. Макарову, Н.Ф. Нефедову, Т.К. Ютиной). 1 – перстень; 2 – чашечка; 3 – височное кольцо; 4, 5 – наконечники стрел; 6 – булавка-спица; 7 – удила; 8 – пронизка; 9, 10 – шумящие подвески; 11 – змеевик; 12 – булава (1, 2, 8–12 – бронза; 3 – серебро; 4–7 – железо). 1 – Бикбуловское селище; 2, 4, 5, 8, 9 – Ананьинский могильник (сборы); 3 – Елабужский клад; 6, 7, 10 – Быргындинское IV поселение; 11 – Малопургинская находка; 12 – Ильнешское (Ныргындинское I?) городище.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Археологические и исторические источники позволяют достаточно надежно проследить хронологию, динамику и характер взаимодействия древнерусской культуры с местными прикамскими традициями. Проникновение древнерусского импорта через Поморье и Волжскую Болгарию подготовило знакомство населения Прикамья с иной материальной культурой. Последовавшие затем походы новгородцев за данью и более тесные торговые контакты Руси с Волжской Болгарией подготовили почву для интенсивных связей с Прикамьем. Следствием этого явилось в основном стихийное освоение выходцами из Древней Руси просторов бассейна р. Камы. Монголо-татарская экспансия вызвала особенно активный отток населения из разоренных русских земель и консолидацию его вместе с местным в рамках государственных образований на Средней

Вятке и Верхней Каме. В то же время отдельные небольшие группы древнерусских поселенцев уходят в глубинные районы Прикамья (Среднее Прикамье, Сытва, Уфа, верховья Камы и Вятки). К концу XV—началу XVI в. самостоятельность Вятской земли и Перми Великой была уничтожена, и весь север Прикамья оказался в составе централизованного государства. Одной из главных причин такого хода событий явилась внешняя опасность (особенно в лице мощного Казанского ханства с его чрезвычайно агрессивной политикой), по существу заставившая Москву объединить усилия всех русских земель. После ликвидации Казанского ханства и некоторых других враждебных России полукочевых государств в Прикамье, Поволжье и на Урале сложилась иная этнополитическая ситуация, исследование которой выходит за рамки данной работы.

ЛИТЕРАТУРА

Али-Рахим, 1930. Болгаро-татарские эпиграфические памятники в Вятском крае // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР. Вып. 4. Казань.

Амелькин А.О., 1987. Знак на гребне с городища Иднакар: (к вопросу о начальном этапе удмуртско-русских контактов) // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск. С. 107–113.

Арматинская О.В., 1995. Древние знаки собственности северных удмуртов // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. Ижевск. С. 98–105.

Археологическая карта Башкирии, 1976. М.: Наука. 264 с.

Археологические памятники Башкортостана, 1996. Уфа: Филем. (История культуры Башкортостана: (комплект научных и учебных материалов). Вып. 6). 280 с.

Археологические памятники Восточного Закамья, 1989. Казань. 100 с.

Архипов Г.А., 1982. Городища и селища Поветлужья и Горьковского Заволжья (к истории марийско-славянских контактов) // Поселения и жилища Марийского края. (АЭМК. Вып. 6). Йошкар-Ола. С. 5–50.

Ахметзянов М., 1991. Нократ иделе // Офьк. № 4. Казань. С. 44–45.

Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф., Голдина Р.Д., 1972. Работы удмуртского отряда Нижнекамской экспедиции // АО 1971. М.: Наука. С. 182–183.

Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф., 1973. Работы удмуртского отряда Нижнекамской экспедиции // АО 1972. М.: Наука. С. 155–156.

Бадер О.Н., 1950. Археологические памятники Прикамья и их научное выявление. Пермь. 118 с.

Бадер О.Н., 1953. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции (1947–1952) // Уч. зап. ПГУ. Т. IX. Вып. 3. Харьков. С. 3–87.

Бадер О.Н., Оборин В.А., 1958. На заре истории Прикамья. Пермь: Обл. кн. изд-во. 244 с.

Баски Имре, 1997. Тамги и этнические названия (Вклад тамга-знаков в этногенез татар) // Татарская археология. № 1. Казань. С. 129–155.

Беговатов Е.А., Казаков Е.П., 1983. Находки средневековых славяно-русских изделий в низовьях Камы // Средневековые археологические памятники Татарии. Казань. С. 103–111.

Беговатов Е.А., Казаков Е.П., 1990. Птицевидные подвески мери и веси из Татарии // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Иваново. С. 12–14.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 1998. Этнокультурное взаимодействие средневекового населения Западного Урала с ближними и дальними соседями // Урал в прошлом и настоящем / Материалы науч. конференции. Ч. 1. Екатеринбург: НИСО УрОРАН, БКИ. С. 143–146.

Белавин А.М., Оборин В.А., 1986. Посредническая роль Волжской Булгарии в торговом обмене Древней Руси и Верхнего Прикамья в X–XIII вв. // Волжская Булгария и Русь

(к 1000-летию русско-булгарского договора). Казань. С. 63–75.

Белых С.К., 1995. Фактор христианизации в этнической истории пермских народов // Коми-пермяки и финно-угорский мир / Тез. докладов на международной конференции. Сыктывкар. С. 25–26.

Берх В.Н., 1821. Путешествия в города Чердынъ и Соликамск для изыскания древностей. СПб. 234 с.

Бобринский А.А., 1978. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М.: Наука. 272 с.

Богословский П.С., 1924. О Пермском крае в археологическом и архивном отношениях // Пермский краеведческий сборник. Вып. 2. Пермь.

Богословский П.С., 1925. Русская колонизация Кунгурского края: 1570–1670 гг. // Сборник Кунгурского общества краеведения. Вып. 1. Кунгур. С. 4–15.

Бординских Г.А., 1990. История Соликамского края с древнейших времен по XIX век: (Пособие для учителей и учащихся). Соликамск. 102 с.

Бординских Г.А., 1991. Работы Соликамского музея // АОУП. Ижевск. С. 28–30.

Бординских Г.А., 1992. К вопросу о месте Войпеля в язычестве древних коми-пермяков // Проблемы и тенденции развития верхнекамского региона: история, культура, экономика. Березники. С. 85–86.

Бординских Г.А., 1994. Тайны истории Перми Великой. Соликамск. 100 с.

Бординских Г.А., 1995. Разведки в Соликамском районе Пермской области // АО 1994. М. С. 187–188.

Букирев А.И., 1956. К истории камской ихтиофауны // Уч. зап. ПГУ. Т. XI. Вып. 3. Харьков.

Валеев Р.М., 1986. Торговые связи Волжской Булгарии и Руси в домонгольский период (X–XIII вв.) // Волжская Булгария и Русь: (К 1000-летию русско-булгарского договора). Казань. С. 20–37.

Валеев Р.М., 1992. Торгово-экономические взаимосвязи Волжской Булгарии с Русью в IX–

начале XIII в. // Путь из Булгара в Киев. Казань. С. 87–93.

Валиуллина С.И., 1983. Некоторые формы стеклянной посуды Билярского городища // Средневековые археологические памятники Татарии. Казань. С. 92–103.

Валиуллина С.И., 1991. Оконное стекло Билярского городища // Биляр – столица домонгольской Булгарии. Казань. С. 108–117.

Валиуллина С.И., Руденко К.А., 1991. Археологические исследования Билярского городища экспедицией КГУ в 1989 г. // Проблемы археологии Среднего Поволжья. Казань: Изд-во Казан. ун-та. С. 58–78.

Ванчиков В.В., 1991. Археологические разведки в среднем течении р. Вятки // АОУП. Ижевск. С. 32–33.

Ванчиков В.В., 1994. Исследования ананьинских памятников и разведки в бассейне р. Вятки // АОУП. Йошкар-Ола. С. 22–24.

Васильева И.Н., 1988. О технологии производства неполивной керамики Болгарского городища // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука. С. 103–150.

Васильева И.Н., 1993. Гончарство Волжской Булгарии в X–XIV вв. Екатеринбург: УИФ “Наука”. 248 с.

Введенский А.А., 1962. Дом Строгановых в XVI–XVII вв. М. 308 с.

Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись, 1958 // Историко-филологический сборник. Вып. 4. Сыктывкар. С. 257–271.

Гарустович Г.Н., 1998. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тыс. н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа. 27 с.

Генинг В.Ф., 1955. Серебряный браслет из Верхнего Прикамья // КСИИМК. Вып. 57. М. С. 135–136.

Генинг В.Ф., 1956. Романовский клад // КСИИМК. Вып. 62. М. С. 159–162.

Генинг В.Ф., 1971. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху: Часть II // ВАУ. Вып. 11. Свердловск–Ижевск. 160 с., 30 табл.

Географический энциклопедический словарь: Географические названия, 1986. М.: Сов. энциклопедия. 528 с., ил.

- Голан А., 1993. Миф и символ. М. 375 с.
- Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та. 216 с.
- Голдина Р.Д., Ютина Т.К., 1987. Хронология погребальных комплексов Агафоновского II могильника (IX–XII вв.) // Погребальные памятники Прикамья. Ижевск. С. 39–60.
- Голубева Л.А., 1969. Белоозеро и волжские болгары // Древности Восточной Европы. (МИА. № 169). М.: Наука. С. 40–43.
- Голубева Л.А., 1973. Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М.: Наука. 212 с.
- Горюнова Е.И., 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. № 94. М. 267 с.
- Гусенцова Т.М., 1977. Отчет об археологических исследованиях 1977 г. в зонах мелиоративного строительства Нолинского района Кировской области и памятников каменного века в Увинском районе Удмуртской АССР // Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. Д. 64.
- Даркевич В.П., 1972. Раскопки в Старой Рязани // АО 1971. М.: Наука. С. 101–103.
- Дмитриев А.А., 1889. Пермская старина. Вып. I. С. III–XVIII, 1–197, I–IV.
- Дмитриев А.А., 1890. Пермская старина. Вып. II. С. I–VI, 1–248, I–IV.
- Дмитриев А.А., 1892. О границах древней Перми Великой // Тр. ПУАК. Вып. I. Пермь. С. 63–74.
- Дмитриев А.А., 1900. Пермская старина. Вып. VIII. Пермь.
- Добродомов И.Г., 1994. Нукрат (татарское название Вятки) // История и культура Волго-Вятского края: (К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии). Киров. С. 279–281.
- Документы по истории Удмуртии XV–XVII вв., 1958. Ижевск: Удм. кн. изд-во. 418 с.
- Дубов И.В., 1989. Великий Волжский путь. Л.: Изд-во ЛГУ. 257 с.
- Дубов И.В., 1982. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья: Историко-археологические очерки. Л.: Изд-во ЛГУ. 248 с.
- Ермолаев И.Н., 1965. Проблема колонизации Среднего Поволжья и Приуралья в русской историографии (вторая половина XIX – начало XX веков): Автореф. дис... канд. ист. наук. Куйбышев.
- Жалованная грамота Ивана III жителям Перми Вычегодской 1485 г., 1958 // Историко-филологический сборник. Вып. 4. Сыктывкар. С. 243–246.
- Жеребцов Л.Н., 1982. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами: X–начало XX в. М.: Наука. 224 с.
- Завьялов В.И., 1988. Кузнечное ремесло северных удмуртов в конце I – начале II тыс. н.э. // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск. С. 119–142.
- Завьялов В.И., 1990. История средневекового железообрабатывающего производства в Камско-Вятском бассейне: Автореф. дис... канд. ист. наук. М. 17 с.
- Захаров Д., 1990. Серебряная Вятка. Рассказы о названиях. Киров: Волго-Вятское кн. изд-во. 208 с.
- Иванов А.Г., 1991. Проблемы изучения этнокультурных связей северных удмуртов в эпоху средневековья // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск. С. 80–94.
- Иванов А.Г., 1998. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья: конец V – первая половина XIII в. Ижевск. 309 с.
- Иванова М.Г., 1989а. Исследования в бассейне р. Чепцы // АОУП. Сыктывкар. С. 57–59.
- Иванова М.Г., 1989б. Основные этапы этнической истории северных удмуртов // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск. С. 5–19.
- Иванова М.Г., 1991. Чепецкие городища: проблемы и перспективы исследования // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск. С. 46–55.
- Иванова М.Г., 1992. Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. Ижевск. 184 с.
- Иванова М.Г., 1994. Истоки удмуртского народа: Учеб. пособие. Ижевск: Удмуртия. 192 с.
- Иванова М.Г., 1998. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск. 294 с.
- Идегей. Татарский народный эпос. 1990. Казань: Татарское кн. изд-во. 256 с.
- Измайлов И.Л., 1986. О русско-булгарских связях в области техники и военного дела //

Волжская Булгария и Русь: (К 1000-летию русско-булгарского договора). Казань. С. 123–138.

Измайлов И.Л., 1992. Военно-дружинные связи Волжской Булгарии с Южной Русью в X–XI вв. // Путь из Булгара в Киев. Казань. С. 102–113.

Ильин А.А., 1921. Топография кладов серебряных и золотых слитков (Тр. нумизм. комиссии РАИМК. Вып. 1). Пб. 62 с.

Иофа Л.Е., 1951. Города Урала. М.: Гос. изд-во географ. л-ры. 422 с.

История Урала с древнейших времен до 1861 г., 1989. М.: Наука. 606 с.

Казаков Е.П., 1978. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука. 132 с.

Казаков Е.П., 1984. Старо-Куйбышевское селище // Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань. С. 39–64.

Казаков Е.П., 1985а. О некоторых новых находках предметов вооружения волжских болгар // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии. Казань. С. 21–25.

Казаков Е.П., 1985б. О характере связей волжских болгар с финнами и уграми в X–XII вв. // Древние этнические процессы Волго-Камья. (АЭМК. Вып. 9). Йошкар-Ола. С. 24–37.

Казаков Е.П., 1986. О ранних контактах волжских болгар со славянами и поволжскими финнами по археологическим данным // Волжская Булгария и Русь: (К 1000-летию русско-булгарского договора). Казань. С. 76–88.

Казаков Е.П., 1988. Булгарские памятники приустьевой части Закамья и монгольское нашествие // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань. С. 71–82.

Казаков Е.П., 1991а. Булгарское село X–XIII вв. низовий Камы. Казань: Тат. кн. изд-во. 176 с.

Казаков Е.П., 1991б. О домонгольских торгово-ремесленных поселениях волжских болгар в Закамье // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья: Материалы 2-й регион. науч. конференции. Нижний Новгород. С. 342–352.

Казаков Е.П., 1993. Волжские болгары и их соседи (об этапах и истоках этнокультурного взаимодействия) // Историческое

познание: традиции и новации / Тез. международной теоретической конференции. Ч. 1. Ижевск. С. 37–40.

Казаков Е.П., Руденко К.А., Беговатов Е.А., 1993. Мурзихинское селище // Древние памятники приустьевого Закамья: (Материалы Новостроечной экспедиции. Вып. 1). Казань: Изд-во Казан. ун-та. С. 42–64.

Карпова Н.П., 1987. Отчет об исследованиях в Арбажском и Куменском районах, а также о разведочных работах в Арбажском, Лебяжском и Тужинском районах Кировской области летом 1987 г. // Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. Д. 259.

Клюева Г.Н., 1984. Быргындинское IV поселение – памятник пьяноборской культуры // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Вып. 2. Ижевск. С. 20–35.

Ковалевский А.П., 1956. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков. 347 с.

Кокорина Н.А., 1991. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV в.: (К проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культур). Автореф. дис... канд. ист. наук. М. 24 с.

Кокорина Н.А., 1995. Керамика Камаевского городища (культурно-хронологическое соотношение) // Закамье: Проблемы истории и культуры. Казань. С. 28–32.

Кокорина Н.А., 1997. Основные тенденции развития культуры Волжской Булгарии в золотоордынский период (по данным керамики) // Татарская археология. № 1. Казань. С. 78–87.

Кокорина Н.А., 1999. Керамика усадьбы гончара из Иски Казани // Татарская археология. № 1–2. Казань. С. 77–102.

Колбас В.С., Зиновьев А.П., 1995. К вопросу о местонахождении Анфаловского городка (анализ гипотез) // История и культура провинциальных городов Пермского Прикамья. Березники. С. 57–59.

Колчин Б.А., Рыбина Е.А., 1982. Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник:

50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука. С. 178–238.

Конецкий В.Я., 1984. Некоторые итоги исследования древнерусских грунтовых могильников в центральных районах Новгородской земли // Археологические исследования Новгородской земли. Л.: Изд-во ЛГУ. С. 154–172.

Коновалова З.С., 1992. Раскопки древнерусского селища у д. Нагавицыно в Городецком районе Нижегородской области // Городецкие чтения: (Материалы науч. конференции: Городец, 24–26 апр. 1991 г.). Городец. С. 47–50.

Коновалова З.С., 1995. Средневековая керамика сельских поселений XII–XIV вв. (по материалам раскопок селищ Городецкого района) // Городецкие чтения: (Материалы науч. конференции: Городец, 10–13 мая 1994 г.). Городец. С. 119–125.

Королев В.М., 1977. Отчет о разведочных работах, проведенных летом 1976 г. в Омутнинском и Верхнекамском районах Кировской области // Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. Д. 45.

Королев В.М., 1977. Отчет о разведочных работах, проведенных в Уржумском и Лебяжском районах Кировской области летом 1977 г. // Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. Д. 63.

Кочкина А.Ф., 1986. Находки древнерусской керамики на Билярском городище // Волжская Булгария и Русь: (К 1000-летию русско-булгарского договора). Казань. С. 117–122.

Кочкина А.Ф., Валиуллина С.И., Беговатов Е.А., 1998. Охранные раскопки в Биляре и его окрестностях в 1995 г. // Проблемы хронологии волжских болгар. Казань. С. 11–12.

Кропоткин В.В., 1968. Новые материалы по истории денежного обращения в Восточной Европе в конце VIII – первой половине IX в. // Славяне и Русь. М.: Наука.

Кропоткин В.В., 1970. Торговые связи Волжской Болгарии в X в. по нумизматическим данным // Древние славяне и их соседи. (МИА. № 176). С. 146–150.

Кучкин В.А., 1984. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука. 350 с.

Лебедев Г.С., 1985. Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки. Л.: Изд-во ЛГУ. 286 с.

Леонтьев А.Е., 1996. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. (Археология эпохи великого переселения народов и раннего средневековья. Вып. 4). М.: Геоэко. 341 с.

Леонтьев А.Е., Рябинин Е.А., 1980. Этапы и формы ассимиляции летописной мери: (Постановка вопроса) // СА. № 2. С. 67–79.

Лещинская Н.А., 1995. Вятский бассейн в I–начале II тысячелетия н.э. (по археологическим источникам): Автореф. дис... канд. ист. наук. Ижевск. 21 с.

Луппов П.Н., 1929. Исторический очерк Вятского края // Вятский край. Вятка: Изд-во Вят. Окроно. С. 275–302, 338–347.

Макаров Л.Д., 1984а. Полгорбуновское селище – многослойный памятник в бассейне Северной Двины // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск. С. 66–88.

Макаров Л.Д., 1984б. Поселение Искра – новый памятник в бассейне средней Вятки // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Вып. 2. Ижевск. С. 94–119.

Макаров Л.Д., 1985. История археологических исследований древнерусских памятников бассейна р. Вятки // Новые источники по древней истории Приуралья. Устинов. С. 45–54.

Макаров Л.Д., 1987. Оборонительные укрепления древнерусских городищ Вятской земли (XII–XVII вв.) // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС / Тез. докладов. М. С. 155–156.

Макаров Л.Д., 1989. К вопросу о финно-угорском компоненте в археологических материалах древнерусских поселений на Средней Вятке // Материалы VI МКФУ. Т. 1. М.: Наука. С. 67–69.

Макаров Л.Д., 1990. Погребальные памятники русского населения Вятской земли (XII–

XVIII вв.) // Взаимодействие древних культур Урала. Пермь. С. 63–73.

Макаров Л.Д., 1991а. Древнерусские селища Вятской земли // Древнерусская деревня: Археологические исследования микрорегионов / Тез. докладов. М. С. 34–36.

Макаров Л.Д., 1991б. Исследования в городе Кирове и в Костромской области // АОУП. Ижевск. С. 44–46.

Макаров Л.Д., 1991в. Формирование территории Вятской земли в XII–XVII вв. // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск. С. 140–154.

Макаров Л.Д., 1992а. Древнерусские памятники Вятского края // Новая Кама. Елабуга. 28 июля.

Макаров Л.Д., 1992б. История Вятской земли XII–XVI вв. в дореволюционной историографии // Актуальные проблемы историографии дореволюционной России. Ижевск. Изд-во Удм. ун-та. С. 81–95.

Макаров Л.Д., 1993а. Государственное устройство Вятской земли в XIII–XV вв. (к постановке проблемы) // Актуальные проблемы дореволюционной отечественной истории. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та. С. 56–65.

Макаров Л.Д., 1993б. Об особенностях славяно-финских контактов в XII–XVI вв. на территории Вятского края // Историческое познание: традиции и новации / Тез. международной конференции. Ч. I. Ижевск. С. 31–35.

Макаров Л.Д., 1993в. Славянские языческие амулеты со Средней Вятки // Плёсский сборник / Материалы научно-практической конференции. Вып. 1. Плёс. С. 197–201.

Макаров Л.Д., 1994а. Древнерусские памятники среднего течения р. Пижмы // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. (АЭМК. Вып. 23). Йошкар-Ола. С. 155–184.

Макаров Л.Д., 1994б. Русские люди на севере Прикамья в XII–XVI вв. // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье / Тез. докладов международной конференции. Сыктывкар. С. 56–58.

Макаров Л.Д., 1994в. О сословной структуре населения Вятской земли до конца XV в. (К по-

становке проблемы) // Сословия и государственная власть в России. XV–середина XIX вв. Международная конференция – чтения памяти акад. Л.В. Черепнина. Ч. 1. М. С. 306–318.

Макаров Л.Д., 1994г. Возникновение и первоначальное развитие города // ЭЗВ. Т. 1: Города. Киров. С. 10–34.

Макаров Л.Д., 1995а. К истории государственности в Северном Прикамье (домосковский период) // Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: История и современность / Тез. докладов науч. конференции. Глазов. С. 118–120.

Макаров Л.Д., 1995б. Окрестности поселка Первомайский в древности // С. Серкин. Баллада о Чуршинском городище. Л. Макаров. Окрестности п. Первомайского в древности. Слободской. С. 27–68.

Макаров Л.Д., 1995в. Славянские древности и русские поселенцы в Верховьях р. Камы (постановка проблемы) // Коми-пермяки и финно-угорский мир / Тезисы докладов на международной конференции. Сыктывкар. С. 22–25.

Макаров Л.Д., 1995г. Славяно-русские древности бассейна р. Чепцы // Усть-Чепца в прошлом и настоящем: (К 90-летию со дня рождения А.М. Перевощикова) / Тез. докладов. Кирово-Чепецк. С. 6–7.

Макаров Л.Д., 1995д. Типология и хронология древностей Хлынова // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск. С. 166–189.

Макаров Л.Д., 1995е. Русские поселенцы на берегах Вятки (По данным археологических исследований) // ЭЗВ. Т. 4: История. Киров. С. 76–91.

Макаров Л.Д., 1997а. Связи населения Прикамья с древнерусскими землями в конце I – начале II тыс. н.э. (по материалам импорта) // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи: (К 210-летию А.Л. Витберга). Материалы Международного научного симпозиума. Киров. С. 39–57.

Макаров Л.Д., 1997б. Славяне между Волгой и Уралом в X–XV вв. (По археологическим материалам) // Проблемы славянской археологии. (Тр. VI МКСА. Т. 1). М. С. 296–306.

- Макаров Л.Д., 1999. Древнерусский керамический комплекс Троицкого городища в г. Чердыни // Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России. Пермь. С. 81–89.
- Макаров Л.Д., Пастушенко И.Ю., Салангин Д.А., 1995. К вопросу о времени появления русских в бассейне Средней Сылвы // Историко-культурное наследие городов и заводских поселений Урала. Пермь. С. 5–18.
- Макаров Л.Д., Салангин Д.А., 1994. Гончарные клейма Вятской земли // История и культура Волго-Вятского края: (К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии). Киров: Волго-Вятское кн. изд-во. С. 77–79.
- Макаров Н.А., 1982. Камско-вычегодская керамика на Шексне // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск. С. 125–131.
- Макаров Н.А., 1983. Чашевидные сосуды средневековых памятников Верхневолжско-Шекнинского района // КСИА. Вып. 175. М. С. 18–25.
- Макаров Н.А., 1984. Древности Севера – первое знакомство // Памятники Отечества / Ил. альманах ВООПИК. № 1 (9). М.: Советская Россия. С. 122–126.
- Макаров Н.А., 1986. Археологические данные о характере колонизации Русского Севера в X–XIII вв. // СА. С. 61–71.
- Макаров Н.А., 1989. О некоторых пермско-финских элементах в культуре Северной Руси (находки лунничных височных колец на Руси и в Скандинавии) // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск. С. 51–64.
- Макаров Н.А., 1990. Население Русского Севера в XI–XIII вв. По материалам могильников восточного Прионежья. М.: Наука. 216 с.
- Макаров Н.А., 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв.: По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.: Скрипторий. 368 с.
- Макарова Л.Н., 1962. Некоторые особенности говоров северо-восточной части Кировской области (Кайского края) // Очерки по русскому языку. Киров. С. 68–92.
- Макарова Т.И., 1986. Черневое дело Древней Руси. М.: Наука. 156 с.
- Мельничук А.Ф., Кореньюк С.Н., 1996. Проблема отражения процесса христианизации населения Перми Великой в погребальных комплексах XV–XVIII вв. // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Т. 1. Сыктывкар. С. 162–168.
- Мельничук А.Ф., Киселев А.Б., Сидоров Д.С., 1999. Изучение посада г. Чердыни // Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России. Пермь. С. 90–92.
- Мельничук А.Ф., Оборин В.А., 1989. Связи финно-угорских племен со славянами в XI–XV вв. // Материалы VI МКФУ. Т. 1. М.: Наука. С. 79–81.
- Мельничук А.Ф., Оборин В.А., Соколова Н.Е., Корчагин П.А., Максимов П.Е., 1994. Археологические исследования в городах Прикамья // АОУП. Йошкар-Ола. С. 92–96.
- Монгайт А.Л., 1961. Рязанская земля. М.: Изд-во АН СССР. 376 с.
- Московский летописный свод конца XV в., 1949 // ПСРЛ. Т. 25. М.: Л. 464 с.
- Назаренко В.А., Овсянников О.В., Рябинин Е.А., 1984. Средневековые памятники чуди заволочской // СА. № 4. С. 197–216.
- Недашковский Л., 1994. Раскопки на “Чертовом городище” // Казанский университет. Февраль. № 4. Казань.
- Нефедов Ф.Д., 1899а. Журнал раскопок, произведенных в Прикамье летом 1894 г. Ф.Д. Нефедовым // МАВГР. Т. 3. М. С. 55–75. Табл. 10–19.
- Нефедов Ф.Д., 1899б. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1893 г. Ф.Д. Нефедовым // МАВГР. Т. 3. М. С. 42–47.
- Нефедов Ф.Д., 1899в. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1894 г. Ф.Д. Нефедовым // МАВГР. Т. 3. М. С. 48–54.
- Нигамаев А.З., 1997. Раскопки Кирменского городища в 1995–1996 гг. // Биляр и Волжская Булгария: Изучение и охрана археологических памятников. Казань. С. 67–70.

Низов В.В., 1995. Миссионерская деятельность Стефана Пермского в Вятском крае // Восточная Европа в древности и в средневековье: Язычество, христианство, церковь / Чтения памяти В.Т. Пашуто. Тез. докладов. М. С. 56–60.

Оборин В.А., 1952. Памятники родановской культуры в Верхнем Прикамье (X–XV вв.): Дипломная работа. Молотов. 168 с.

Оборин В.А., 1956. К вопросу о ранних этапах проникновения русской культуры в Прикамье // Из истории нашего края. Молотов. С. 6–18.

Оборин В.А., 1962. Отчет об археологических разведках и раскопках на территории Пермской области в 1962 г. // Архив ИА РАН. Р–I. Д. 2477.

Оборин В.А., 1969. Культурные связи племен Верхнего Прикамья с племенами северо-востока Европы в эпоху железа // Древности Восточной Европы. (МИА. № 169). М.: Наука. С. 156–167.

Оборин В.А., 1972. Раскопки в Верхнем Прикамье // АО 1971. М.: Наука. С. 188–189.

Оборин В.А., 1975а. Некоторые вопросы археологического изучения уральских городов XVI–XVIII вв. // Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука. С. 264–270.

Оборин В.А., 1975б. Отчет о разведках и раскопках в Пермской области в 1975 г. // Архив КА ПГУ.

Оборин В.А., 1976а. О присоединении Перми Великой к Русскому государству в XV в. // Исследования по истории Урала. Вып. 4. Пермь. С. 3–14.

Оборин В.А., 1976б. Отчет о раскопках в Пермской области в 1976 г. // Архив КА ПГУ.

Оборин В.А., 1976в. Раскопки древнего Исора // АО 1975. М.: Наука. С. 191.

Оборин В.А., 1977а. Использование русским населением в XV–XVII вв. поселений нерусского населения на Урале // Древности Волго-Камья. Казань. С. 119–126.

Оборин В.А., 1977б. К вопросу об этническом составе русских поселений Верхнего Прикамья в XVI–XVII вв. // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.: Наука. С. 162–168.

Оборин В.А., 1977в. Раскопки Искорского городища // АО 1976. М.: Наука. С. 168–169.

Оборин В.А., 1979а. Городки изначальные // Вокруг света. № 6. С. 30–33.

Оборин В.А., 1979б. Работы в Соликамске // АО 1978. М.: Наука. С. 193.

Оборин В.А., 1980. Отчет о раскопках Искорского городища и святилища в Чердынском районе Пермской области в 1980 г. // Архив КА ПГУ.

Оборин В.А., 1981. Раскопки Искорского городища и святилища // АО 1980. М.: Наука. С. 147–148.

Оборин В.А., 1983. Раскопки памятников позднего средневековья в Верхнем Прикамье // АО 1981. М.: Наука. С. 163.

Оборин В.А., 1984. Отчет о работе в г. Чердыни Пермской области в 1984 г. // Архив КА ПГУ.

Оборин В.А., 1986. Раскопки в Чердыни // АО 1984. М.: Наука. С. 147.

Оборин В.А., 1990а. Взаимодействие культур русского и местного населения Урала в XII–XVII вв. (по археологическим данным) // Взаимодействие древних культур Урала. Пермь. С. 53–62.

Оборин В.А., 1990б. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та. 168 с.

Оборин В.А., 1992. Культура и быт верхнекамских городов (по археологическим данным) // Проблемы и тенденции развития верхнекамского региона: История, культура, экономика. Березники. С. 72–75.

Оборин В.А., 1998. Археологическое изучение г. Чердыни // Исследования по археологии и истории Урала. Пермь. С. 33–47.

Оборин В.А., Балашенко Л.А., 1968. Итоги изучения памятников позднего железного века и русской колонизации Верхнего Прикамья // Уч. зап. ПГУ. № 191. Пермь. С. 28–48.

Оборин В.А., Вечтомов А.Д., Голдина Р.Д., Поляков Ю.А., 1976. Археологические памятники Пермской области // Памятники истории и культуры Пермской области. Пермь. С. 22–42.

Овсянников О.В., 1982. Укрепленные усадьбы XIV–XV вв. как памятники оборонительного зодчества Русского Севера // КСИА. Вып. 172. С. 97–104.

- Отчеты Археологической комиссии за 1893 год, 1895. СПб. 122 с.
- Отчеты Археологической комиссии за 1897 год, 1900. СПб. 192 с.
- Отчеты Археологической комиссии за 1898 год, 1901. СПб. 191 с.
- Отчеты Археологической комиссии за 1911 год, 1914. СПб. 123 с.
- Пастушенко И.Ю., 1991. Исследование Кишертских I поселения и могильника // АОУП. Ижевск. С. 68–70.
- Пастушенко И.Ю., 1993. Этническая ситуация в Сылвенско-Иренском поречье во второй половине XVI – первой половине XVII в. // Актуальные проблемы дореволюционной отечественной истории. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та. С. 11–21.
- Первухин Н.Г., 1896а. Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии // МАВГР. Вып. II. М. С. 13–127.
- Первухин Н.Г., 1896б. По следам Чуди. У верховьев реки Камы // МАВГР. Вып. II. М. С. 128–160.
- Петренко А.Г., 1988. Остеологические остатки животных из Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука. С. 254–271.
- Повесть о стране Вятской (Вятский летописец). 1905 // Труды ВУАК 1905 года. Вып. III. Отд. II. Вятка. С. 12–52.
- Полубояринова М.Д., 1971. Костяная печать из Серенска // КСИА. Вып. 125. М. С. 95–97.
- Полубояринова М.Д., 1983. Две костяные печати из Болгара // КСИА. Вып. 175. М. С. 95–97.
- Полубояринова М.Д., 1992. Древнерусская керамика Болгара // Древнерусская керамика. М. С. 131–141.
- Полубояринова М.Д., 1993. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М.: Наука. 123 с.
- Преображенский А.А., 1956. Очерки колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII в. М.: Изд-во АН СССР. 302 с.
- Прошлое Урала в фотографиях: Каталог фотоархива Института истории материальной культуры РАН, 1993. Екатеринбург: Вирролл ЛТД. 191 с.
- Путь из Болгара в Киев, 1993. Казань. 133 с.
- Рабинович М.Г., 1949. Московская керамика // МИА. № 12. С. 57–105.
- Рабинович М.Г., 1971. Культурный слой центральных районов Москвы // Древности Московского Кремля. (МИА. № 167). М.: Наука. С. 9–116.
- Раппопорт П.А., 1975а. Древнерусское жилище // САИ. Вып. Е I–32. Л. 180 с.
- Раппопорт П.А., 1975б. Древнерусское жилище (VI–XIII вв. н.э.) // Древнее жилище народов Восточной Европы. М.: Наука. С. 104–155.
- Розенфельдт Р.Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. Вып. Е I–39. М. 124 с.
- Розенфельдт Р.Л., 1976. Древнейшие города Подмосковья и процесс их возникновения (по археологическим материалам) // Русский город. М.: Изд-во МГУ. С. 5–16.
- Руденко К.А., 1992. Новые данные о связях населения Вятского края и Среднего Поволжья в XII–XIV вв. (по материалам Лаишевского селища) // Вятская земля в прошлом и настоящем: (К 125-летию со дня рождения П.Н. Луппова). Тезисы докладов II научной конференции. Т. 1. Киров. С. 45–46.
- Руденко К.А., 1993. Волжские булгары, финно-угры и славяне в Среднем Поволжье и Прикамье в XIII–XIV вв. (по данным археологии) // Историческое познание: традиции и новации / Тез. международной теоретической конференции. Ч. 1. Ижевск. С. 35–37.
- Руденко К.А., 1994. Глиняные напрясла X–XIV вв. из Волжской Булгарии // История и культура Волго-Вятского края: (К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии). Киров. С. 63–66.
- Руденко К.А., 1995. К вопросу о сельских болгарских поселениях XII – начала XIV вв. // Заказанье: Проблемы истории и культуры / Материалы конференции. Казань: Изд-во “Заман”. С. 37–39.
- Руденко К.А., 1998. Исследования селища и могильника Песчаный остров (Алексеевского у дамбы) в Татарии в 1993–1994 гг. // Материалы исследования по археологии Поволжья. Вып. 1. Йошкар-Ола. С. 60–71.
- Руденко К.А., 1999. Могильник на острове “Песчаный” // Татарская археология. № 1–2. Казань. С. 61–76.

- Руденко К.А., Шайхутдинов Р.Р., 1994. Изделия из цветного металла Лаишевского селища // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола. С. 66–71. Рис. XXII–XXV.
- Рыбаков Б.А., 1948. Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР. 792 с.
- Рыбаков Б.А., 1969. Путь из Болгара в Киев // Древности Восточной Европы. (МИА. № 169). М.: Наука. С. 189–196.
- Рябинин Е.А., 1986. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.: Наука. 160 с.
- Рябинин Е.А., 1997. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей. Историко-археологические очерки. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. 260 с.
- Рясик И.О., Узлов А.Р., Никольский К.А., Баженова А.А., Медова Е.В., Сукова Е.В., 1996. Краниологическая характеристика черепов из средневекового Усть-Чепецкого могильника // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера: (К 450-летию Преподобного Трифона, Вятского Чудотворца). Т. 1. Киров. С. 154–159.
- Савельева Э.А., 1995. Европейский Северо-Восток в эпоху средневековья: Науч. докл. на соискание... докт. ист. наук. М. 52 с.
- Салангин Д.А., 1995. К вопросу о проблеме происхождения славяноидной керамики // Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: история и современность / Тез. докладов. Глазов. С. 9–10.
- Салангин Д.А., 1999. Круговая неполиваная посуда Вятского края в XII–XVIII вв. (по археологическим источникам): Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ижевск. 17 с.
- Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. // Археология СССР. М.: Наука. 328 с.
- Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 196 с.
- Сенникова Л.А., 1995. Характеристика погребального обряда Усть-Чепецкого могильника эпохи позднего средневековья // Атлас археологических памятников Кирово-Чепецкого района Кировской области. Кирово-Чепецк. С. 29–36. Рис. 6; 15-4, 7, 10, 11. Доп. рис. 1, 2, 3, 4.
- Сенникова Л.А., 1996. Характеристика погребального обряда Усть-Чепецкого могильника эпохи средневековья // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера: (К 450-летию Преподобного Трифона, Вятского Чудотворца). Т. 1. Киров. С. 154–159.
- Смирнов А.П., 1948. Русский элемент в культуре волжских булгар // Историко-археологический сборник. М. С. 193–110.
- Смирнов А.П., 1951. Волжские булгары // Тр. ГИМ. Вып. XIX. М. 298 с.
- Смирнов А.П., 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28. М. 276 с.
- Смирнов А.П., 1968. Древняя Русь и Волжская Болгария // Славяне и Русь. М.
- Смирнов А.П., 1974. Новые данные об исторической и социальной топографии города Великие Булгары // Города Поволжья в средние века. М.: Наука. С. 4–13.
- Спицын А.А., 1881. Каталог древностей Вятского края // КВГ на 1882 г. Вятка. С. 25–91.
- Спицын А.А., 1883. Свод летописных известий о Вятском крае // КВГ на 1884 год. Вятка. С. 145–186.
- Спицын А.А., 1893. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // МАВГР. Т. 1. М. 192 с.
- Спицын А.А., 1902. Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых: Атлас рисунков с предисловием. СПб. 70 с. 40 табл.
- Старостин П.Н., Казаков Е.П., 1992. Булгарское население в урочище “Чакма” // Средневековые древности Волго-Камья (АЭМК. Вып. 21). Йошкар-Ола. С. 125–142.
- Степанов Р.Н., 1973. Каринское опричное княжество // Вопросы социально-экономической и политической истории Среднего Поволжья и Приуралья в период феодализма / Тез. докладов. Чебоксары. С. 17–19.
- Талицкая И.А., 1952. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы // МИА. № 27. М. 226 с.
- Талицкий М.В., 1951. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // МИА. № 22. С. 33–96.

- Тинский А.Г., 1976. Планировка и застройка города Вятки в XVIII–XIX веках. Киров: Волго-Вятское кн. изд-во. 228 с.
- Фахрутдинов Р.Г., 1984. Очерки по истории Волжской Булгарии. М.: Наука. 216 с.
- Фотеев Г.В., 1978. К истории становления удмуртско-русских этнокультурных отношений // Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск. С. 68–91.
- Халиков А.Х., 1986. Волжская Булгария и Русь (этапы политических и культурно-экономических связей в X–XIII вв.) // Волжская Булгария и Русь: (К 1000-летию русско-булгарского договора). Казань. С. 6–19.
- Халиков А.Х., Шавахин Л.С., 1974. Об археологической дате и месте основания города Казани // Первое поволжское археолого-этнографическое совещание (тезисы). Казань. С. 48.
- Хлебникова Т.А., 1956. Древнерусское поселение в Болгарах // КСИИМК. Вып. 62. М. С. 141–146.
- Хлебникова Т.А., 1965. Результаты исследования Мало-Сундырского городища в 1958 и 1964 годах // История, археология, этнография мари. (Тр. МарНИИ. Вып. XXII). Йошкар-Ола. С. 148–169.
- Хлебникова Т.А., 1984. Керамика памятников Волжской Булгарии: К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука. 241 с.
- Хлебникова Т.А., 1987. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар: Очерки истории и культуры. М.: Наука. С. 32–88.
- Хлебникова Т.А., 1988. Неполивленная керамика Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука. С. 7–102.
- Хузин Ф.Ш., 1979. Рядовые жилища, хозяйственные постройки и ямы цитадели // Новое в археологии Поволжья: (Археологическое изучение центра Билярского городища). Казань. С. 62–99.
- Хузин Ф.Ш., 1981. О социальной топографии Билярского городища // Из истории материальной культуры татарского народа. Казань. С. 13–25.
- Хузин Ф.Ш., Валиуллина С.И., 1986. Славяно-русские материалы в Биляре // Волжская Булгария и Русь: (К 1000-летию русско-булгарского договора). Казань. С. 97–116.
- Хузин Ф.Ш., Ситдинов А.Г., Шарифуллин Р.Ф., Набиуллин Н.Г., 1997. Археологические исследования в Казанском кремле (1994–1996 гг.) // Биляр и Волжская Булгария: Изучение и охрана археологических памятников. Казань. С. 84–88.
- Черных Е.М., 1983. Отчет об археологических исследованиях в Афанасьевском и Вятско-Полянском районах Кировской области летом 1983 г. // Архив ЛАИ УдГУ. Ф. 2. Д. 180.
- Шавахин Л.С., 1976. О местоположении первоначальной Казани // Из истории культуры и быта татарского народа и его предков. Казань. С. 20–38.
- Шишонко В., 1882. Пермская летопись: Второй период. Пермь. 502 с.
- Шишонко В., 1884. Пермская летопись: Третий период. Пермь. 468 с.
- Шмыров В.А., 1972. Отчет о разведочных работах на территории Троицкой горы г. Чердыни / Архив КА ПГУ.
- Шмыров В.А., 1974. Оборонительные сооружения г. Чердыни XVI–XVII вв. // Из прошлого Чердынского края. Пермь. С. 16–21.
- Ютина Т.К., 1990. Направление и характер культурных контактов населения Среднего Прикамья в эпоху средневековья // VII СIFU. Debrecen, 27. VIII–2. IX. 1990. Debrecen. 6. P. 123–127.
- Якимов И.В., 1988. Русско-булгарские взаимоотношения накануне монгольского нашествия // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань. С. 27–33.
- Якимов И.В., 1992. Изделия из розового шифера на территории Волжской Булгарии // Путь из Булгара в Киев. Казань. С. 94–102.
- Якимов И.В., 1994. Предметы христианского культа Среднего Поволжья // История и культура Волго-Вятского края: (К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии). Киров. С. 70–72.
- Янин В.Л., 1956. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М.
- Янин В.Л., 1979. Находки древнерусской вислой печати в Биляре // Новое в археологии Поволжья: (Археологическое изучение центра Билярского городища). Казань. С. 100–101.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН СССР – Академия наук СССР
АОУП – Археологические открытия Урала и Поволжья
АО – Археологические открытия
АЭМК – Археология и этнография Марийского края
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВООПИК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ВУАК – Вятская ученая архивная комиссия
ГИМ – Государственный исторический музей
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук
КА ПГУ – Кабинет археологии Пермского государственного университета
КВАЭ – Камско-Вятская археологическая экспедиция Удмуртского государственного университета
КВГ – Календарь Вятской губернии
КГУ – Казанский государственный университет
КСИА – Краткие сообщения Института археологии Российской Академии наук
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
ЛАИ УдГУ – Лаборатория археологических исследований Удмуртского государственного университета
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
МАВГР – Материалы по археологии восточных губерний России
МарНИИ – Марийский научно-исследовательский институт
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МКСА – Международный конгресс славянской археологии
МКФУ – Международный конгресс финноугроведения
ПГУ – Пермский государственный университет
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
ПУАК – Пермская ученая архивная комиссия
РАИМК – Российская Академия истории материальной культуры
РАН – Российская Академия наук
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
ЭЗВ – Энциклопедия Земли Вятской
CIFU – *Congressus internationalis finno-ugristarum*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава I. Нижнее Прикамье	7
§ 1. История изучения памятников	7
§ 2. Поселения	9
§ 3. Материальная культура	10
§ 4. Могильники	11
§ 5. Нижняя Вятка.....	12
Глава II. Бассейн Вятки	13
§ 1. История исследований	13
§ 2. Селища	13
§ 3. Городища	15
§ 4. Планировка и застройка поселений. Жилые и хозяйственные сооружения	16
§ 5. Могильники	17
§ 6. Материальная культура	18
§ 7. Верховья Вятки	20
Глава III. Верхняя и Средняя Чепца	21
Глава IV. Верхнее Прикамье	23
§ 1. История изучения	23
§ 2. Памятники	23
§ 3. Поселения	24
§ 4. Постройки	27
§ 5. Материальная культура	28
§ 6. Верхокамский микрорегион	29
Глава V. Юго-Восточное Прикамье	31
§ 1. Бассейн Сылвы	31
§ 2. Среднее Прикамье.....	32
§ 3. Бассейн Белой	32
Глава VI. Историческая ситуация на восточной периферии Древней Руси и в Прикамье в X–XV вв.	34
Иллюстрации.....	40
Заключение	129
Литература	130
Список сокращений.....	141

На обложке: кремль г. Хлынова (с клейма иконы “Трифон Вятский” второй половины XVII в.; в левом верхнем углу – зеркальная надпись “Печать Григориева” на печати-матрице конца XIII – начала XIV в. (из раскопок автора на Ковровском городище, увеличено вдвое).

Макаров Леонид Дмитриевич

**ДРЕВНЕРУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ПРИКАМЬЯ
В X–XV ВВ.**

Научное издание

Оформление обложки: *И.Г. Маргасова*

Художники: *И.Г. Маргасова, Л.И. Литина, А.И. Лыков, Н.Ф. Шишкина*

Технический редактор *С.И. Зякина.*

Корректор *Н.Н. Пирогова*

Компьютерная подготовка: *В.Г. Базанова, И.В. Залазаев, А.Я. Суфияров*

Лицензия ЛР № 020411 от 12.02.1996 г. Сдано в производство 20.05.2001.

Формат 84 x 108 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл.печ.л. 15,12. Уч.-изд.л. 13,0.

Заказ 5173. Тираж 1000 экз.

Издательский дом “Удмуртский университет”,

426034, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.

Факс 8(3412) 75-21-55; e-mail: bus@uni. udm. ru internet: <http://www. uni. udm. ru/pubhouse>.

Республиканская типография, 426057, г. Ижевск, ул. Пастухова, 13.

**Издательский дом “Удмуртский университет”
приглашает к сотрудничеству:**

переводчиков, литераторов, авторов индивидуальных
и коллективных проектов, гуманитариев всех
профилей; ждем ваших рукописей,
издательских идей,
предложений
и т.д., и т.п.

С вашей помощью мы рассчитываем осуществить
поиск и дальнейшее издание новых занимательных
и познавательных книг различных направлений,
в том числе биографической, научно-популярной,
учебной литературы, беллетристики,
справочников, изданий по искусству
и т.д., представляющих
интерес для современного
читателя.

ПИШИТЕ, ЗВОНИТЕ, ЗАХОДИТЕ!

**Наш адрес: 426034, Удмуртская Республика, г. Ижевск,
ул. Университетская, 1.**

Тел / факс: (3412) 75-21-55

*Макаров
Леонид
Дмитриевич*

Кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории и культуры народов Приуралья при Удмуртском государственном университете.

Автор многочисленных (около 200) публикаций по проблемам средневековой истории и археологии, специалист по истории материальной и духовной культуры русского населения Прикамья.